

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

3. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

22.03.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

10 ЛЕТ КОНСТИТУЦИИ ЧР

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Референдум – десять лет спустя*.....2
Дорога к миру через референдум.
С Исмаилом МУНАЕВЫМ беседует Роза МЕЖИЕВА.....4

ПОЭЗИЯ

Алвади ШАЙХИЕВ. *Огонь любви ловить*... Стихи.....8
Вахид ИТАЕВ. *Восточная легенда.* Стихи.....15
Мадина САКАЕВА. *Дилхира, дилхира Галам.* Стихи.....26
Валид ДОКАЕВ. *На языке Сердца.* Стихи.....31
Марьям ХАДЫСОВА. *Родному дому.* Стихи.....52

ПРОЗА

Мовла ГАЙРАХАНОВ. Рассказы.....11
Тауз ИСС. *Дагардийцар*.....17
Муса ШАМСАДОВ. *Партиш картолаш а, хьюьнан хьякхарчий а. Дийцар*.....28
Шаран ДАШАЕВ. Рассказы.....42
Муслим ГАПУЕВ. *Байки из Чечни.* Миниатюры.....54
Исраил ГОРСКИЙ. *Анатомия развода.* Повесть.
Окончание. Начало в №№1, 2.....62

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Михаил ЛОХВИЦКИЙ. *Громовой гул.* Отрывок
из повести.....21

ГОЧДАР

Антон ЧЕХОВ. *Хамелеон. Пурстоп кхалхар. Стоманиг а, вуткъаниг а.*
Гочдинарг Абу ИСМАЙЛОВ.....34

ДЕБЮТ

Турпал-Тела ТУРЛАЕВ. *Весет.* Стихаш.....40

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Хадид ГАЛАЕВ. *Университеты спецпереселенца*.....78

ПУБЛИЦИСТИКА

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Нравственно-этические ценности чеченцев и современный мир*.....85

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Люди в ночи*.....90

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Аппликации для Турандот.*
Афоризмы.....92

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саид-Альви ЛУЛУЕВ. *Обязанный быть поэтом*.....94

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Лидия МАХМУДОВА. *Запечатлеть мгновение*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Референдум – десять лет спустя

Десять лет, прошедшие после референдума по Конституции Чеченской Республики, полностью подтвердили правоту тех, кто выступал тогда за его проведение. Сегодня это кажется очевидным, но десять лет назад ситуация была совсем не простой и имелось немало политических сил, ставивших под сомнение целесообразность или своевременность всенародного опроса. Чтобы понять сложность положения в Чеченской Республике, достаточно будет вспомнить только два знаковых события, предшествовавших референдуму.

Событие первое – в самом конце 2002 г. произошел чудовищный теракт в правительственном комплексе Чеченской Республики. В результате взрыва сразу двух заминированных автомобилей погибли десятки людей, более сотни получили ранения. Таким кровавым способом террористическое подполье вновь заявило о себе как о реально действующей силе. При этом нужно помнить, что настаивая на прямых переговорах с федеральным центром, руководители сепаратистского движения категорически отказывались от любых контактов с Временной Администрацией Чеченской Республики в лице Ахмат-хаджи Кадырова, которого они фактически объявили своим врагом №1.

Второе событие последовало вскоре после упомянутого выше теракта: А.А. Кадыров без согласования с Южным федеральным округом и Москвой назначил новым министром финансов Чеченской Республики Э. Исаева. Против этого открыто возражал М. Бабич, назначенный незадолго до этого премьер-министром. Последнего открыто поддержали руководители сразу трех федеральных «силовых» ведомств: С. Иванов, Б. Грызлов и Н. Патрушев. Это событие наглядно показало, что интересы террористического подполья и «партии войны» в федеральном центре парадоксальным образом совпали. И те, и другие стремились убрать с политической арены новое руководство Чеченской Республики в лице А.А. Кадырова.

И дело тут не в личности самого Ахмат-хаджи Кадырова, а в той политической линии, которую он претворял в жизнь. Его целью было определение политического статуса Чеченской Республики и создание

полностью легитимных органов власти, что должно было положить конец не только беспределу со стороны представителей федеральных силовых структур, но и самому «чеченскому кризису». Это означало наступление мира, который оставлял «не у дел» как ичкерийцев, так и «партию войны», окопавшуюся в Москве.

Можно утверждать, что от исхода референдума по новой Конституции Чеченской Республики зависела не только дальнейшая политическая судьба, но и жизнь А.А. Кадырова. И он не мог не осознавать это. Но, как следует из опубликованных в последние годы свидетельств близко знавших его людей, А.А. Кадыров не испытывал сомнений в необходимости референдума – он лишь пытался выбрать наиболее оптимальный политический момент для его проведения.

Тем более, что противников референдума было хоть отбавляй: сторонники сепаратистов, большинство российских правозащитников, ряд западных политиков и оппоненты из числа чеченских пророссийски настроенных политиков, опасавшихся укрепления политических позиций А.А. Кадырова.

В этой ситуации для успешного проведения референдума решающее значение имела единая позиция федерального центра и республиканских властей, которую с предельной откровенностью изложил помощник Президента РФ С. Ястржембский в своем выступлении по чеченскому телевидению: «Или референдум, или продолжение беспредела».

Помогло успешному проведению референдума начавшееся сокращение количества блокпостов и вывод части войск, находившихся в Чечне. В течение марта из республики были выведены 1270 военнослужащих и 200 единиц боевой техники.

Кроме того, за несколько дней до проведения референдума с телевизионным обращением к жителям Чеченской Республики выступил и сам Президент России В.В. Путин, который заявил: «У граждан республики впервые появился исторический шанс самим решить свою судьбу... Конституция даст народу Чечни возможность самостоятельно налаживать свою жизнь. И реализовать ту самую широкую автономию в составе России, о которой сейчас так много говорят... Принятие Конституции – это действительно серьезный рубеж. Это тот самый момент, когда народ Чечни берет собственную судьбу в свои руки».

Власти Чеченской Республики сумели организовать широкое обсуждение проекта Конституции, привлекая к этой работе не только государственные СМИ, но и учреждения образования и культуры. Хорошо было организовано и само голосование, что подтверждается его итогами: по официальным данным, в нем приняли участие 89,48% граждан, внесенных в списки для голосования. Причем за принятие новой Конституции высказалось 95,37% избирателей.

Подводя итоги референдума, Президент России В.В. Путин заявил: «...народ Чечни сделал выбор в пользу мира, в пользу позитивного развития вместе с Россией. <...> Все, кто до сих пор не сложил оружие, с этого момента борются не только за свои ложные идеалы, а напрямую борются со своим народом. Их действия прямо противоречат интересам и воле, ярко и однозначно выраженной на референдуме, – воле чеченского народа жить в мире. Но и для всей России есть серьезные последствия, которые заключаются в том, что мы закрыли последнюю серьезную проблему, связанную с восстановлением территориальной целостности Российской Федерации».

Конечно, успешное проведение референдума не означало немедленного наступления мира и спокойствия в Чеченской Республике – за это еще предстояло бороться не один год. Но в чеченском и российском политическом пространстве произошел решающий сдвиг, последствия которого будут необратимы. Конечные результаты мы видим сегодня, через десять лет, когда Чеченская Республика из кровоточащей раны на теле нашей страны превратилась в важный элемент политической устойчивости на Северном Кавказе.

Эдильбек ХАСМАГОМАНОВ

10 лет Конституции ЧР

Дорога к миру через референдум

23 марта 2003 года в Чеченской Республике прошел референдум по принятию Конституции. Это событие в современной истории чеченцев подвело черту под целой эпохой – став своеобразной «точкой отсчета» по установлению мира на земле, истерзанной многолетним военным противостоянием между федеральным центром и сепаратистами. Сегодня трудно даже представить, насколько масштабными оказались перемены,

которые вместили в себя эти десять лет после референдума, и ценой каких усилий, зачастую жертвенных, наш народ обрел мирное небо над головой. Идея референдума как генератора мирного процесса не витала в воздухе и не была в одночасье спущена сверху чьим-то волевым решением. Напротив – вынашивалась годами лучшими представителями чеченского народа – его духовными лидерами, научной и культурной интеллигенцией. Более того, она преодолевала порой инерцию потерявших надежду на «свет в конце тоннеля», а чаще всего – мощное сопротивление со стороны лиц, входивших в так называемую «партию войны».

«Республика без следов войны» – это не просто расхожее, благодаря средствам массовой информации, выражение – но, прежде всего, результат коллективных усилий патриотов своей страны. Сегодня многих уже нет с нами, но память о них в народе живет.

О том, каким долгим и трудным был путь к референдуму 2003-го года, поделился один из непосредственных его инициаторов и активных участников Исмаил Булачевич Мунаев, известный чеченский ученый-фольклорист, кандидат филологических наук, зав. сектором фольклора Института гуманитарных исследований АН ЧР.

– Действительно, я входил в инициативную группу по подготовке референдума в Чеченской Республике. Являясь одним из субъектов Российской Федерации, республика нуждалась в правовом урегулировании отношений с центром. То есть де-факто наша республика входила в состав России, но, как это ни парадоксально, никаких правоустанавливающих документов ее участия в качестве полноправного субъекта не существовало. А без решения этого ключевого вопроса установление мира и развитие демократического общества в Чеченской Республике не представлялось возможным. Это очень хорошо понимал Ахмат-хаджи Кадыров, ставший главным выразителем идеи референдума и консолидирующей фигурой чеченской нации в самый сложный для нее период.

Однако прежде мне хотелось бы рассказать предысторию, имеющую непосредственное отношение к теме референдума. Когда к власти в республике пришел режим Дудаева, против которого я публично выступал на митингах и по телевидению с сентября 1991 года, мой хороший друг, ныне покойный, Саид Садыков из Гудермеса, сказал: «Интеллигенция не имеет права оставаться в стороне от политических событий. Она должна взаимодействовать с властью, даже если последняя не вызывает симпатий».

В условиях неизбежного развала советской державы вопрос стоял о взаимоотношениях с Россией. И тогда мы, группа чеченских ученых, решили

выработать основные научные рекомендации по целому ряду вопросов – экономических, межнациональных, государственных и международных отношений с Россией. Работая над этим проектом, наша группа, куда входил известный ученый-историк, профессор Явус Ахмадов, совершила буквально «мозговой штурм». Советник Джохара Дудаева по правовым вопросам Эльза Шерипова устроила нам встречу с Дудаевым, являвшимся на тот период председателем Исполкома ОКЧН. И мне удалось изложить ему наши предложения как в устной, так и в письменной форме. Но в самом разгаре диалога в кабинет ворвался его заместитель Зелимхан Яндарбиев, жестко настроенный против, и увел Дудаева. Позднее, когда была сформирована Чеченская Республика Ичкерия, и стало актуальным налаживание отношений с федеральным центром, летом 1992 года в Дагомысе состоялось совещание полномочных делегаций России и Чеченской Республики Ичкерия. Руководителем чеченской делегации был Яндарбиев. В переговорную группу также входил и Явус Ахмадов. Когда в процессе работы совещание зашло в тупик (по обсуждению вопроса о независимости Чеченской Республики Ичкерия), Явус Ахмадов озвучил подготовленную им идею делегирования полномочий, которые бы не ущемляли политический статус центра и его субъекта. То есть тупик мог быть преодолен...

По словам Явуса Ахмадова, в восторге от этой идеи российские представители танцевали лезгинку! Кстати, идея делегирования полномочий была позаимствована у древнегреческих городов-полисов, которые перед внешней угрозой всегда плачли. Греческие мудрецы предложили правителям городов на время войны делегировать свои полномочия под управление одного города – Афины – не ущемляя независимости каждого полиса. И вот этот «обновленный» чеченцами проект вызвал в Дагомысе большой резонанс, хотя юридически до своего логического завершения, к сожалению, не был доведен. Таким образом, подписав соглашения в Дагомысе и успешно открыв перспективы безвоенных отношений Чеченской Республики и Российской Федерации, две делегации возвратились к себе. Но уже на следующий день в Грозном Яндарбиев обвинил свою же делегацию в предательстве и отказался от достигнутых соглашений. Кому-то нужна была война, чтобы противостояние нарастало, а принятая в Дагомысе формула решения проблемы этому мешала. И по указу «хозяев» Яндарбиев сделал все, чтобы эти соглашения были дезавуированы...

Зато в Татарстане политики во главе с Шаймиевым воспользовались идеей делегирования полномочий и избежали конфликта с центром. Вот почему (возвращаясь к нашей теме) был так жизненно необходим референдум в Чеченской Республике. Кадыров осознавал это и добился от центра его проведения.

По Конституции России референдум должен быть инициирован общественностью. Именно по этой причине и возникла инициативная группа во главе с верным соратником Ахмат-хаджи Кадырова Хасейном Таймасхановым, нынешним помощником Главы Чеченской Республики. В нее входили также Хусейн Исаев, Муса Вагапов, член Верховного суда Чеченской Республики, и целый ряд других деятелей. Некоторых, к сожалению, уже нет с нами (Аллах-Дала гечдойла царна).

– С какими сложностями пришлось столкнуться при реализации идеи референдума на практике?

– Конечно, сложности были: во-первых, в Москве существовали серьезные опасения по поводу необходимости такого референдума и его возможных последствий для страны. Только настойчивость Ахмат-хаджи Кадырова при встрече с Владимиром Путиным и Александром Волошиным, тогдашним руководителем президентской Администрации, вынудила Москву согласиться с таким решением. Здесь мне хотелось бы сделать еще одно отступление:

вспомнить некоторые эпизоды, связанные с Ахмат-хаджи Кадыровым, характеризующие его не только как авторитетного религиозного деятеля, но и как будущего политического лидера нации. Все помнят поход отряда боевиков, возглавляемого Шамилем Басаевым, в Дагестан в августе 1999 года. В то же время, когда совершался поход, в Хасавюрте состоялось совещание улемов и имамов – исламских ученых Дагестана. Помимо религиозных деятелей, на совещании были и представители деструктивных сил, подталкивавшие участников к принятию фетвы, объявляющей войну Чеченской Республике Ичкерия.

На территории Дагестана находилось тогда более двухсот тысяч чеченских беженцев. Представьте только, к какому трагичному финалу могли привести события в случае объявления такой войны!

В Хасавюрт, несмотря на чинимые препятствия, приехал и муфтий Чеченской Республики Ичкерия Ахмат-хаджи Кадыров. И, начиная с этого момента, схема, согласно которой провокаторы намеревались осуществить свои замыслы, неожиданно для них же оказалась «взломанной». Добившись выступления, Кадыров сделал следующее заявление: если настоящая встреча носит религиозный характер, то и обсуждать ключевые вопросы и выносить решения следует только шариатскому суду, созданному здесь же из числа имамов и улемов Дагестана. А лицам, которые не совершают намаз, он предложил покинуть зал, дабы не мешать работе суда. И это было первое предложение чеченского муфтия, с которым все согласились и приняли. Далее он напомнил собравшимся, что мусульмане не имеют права объявлять друг другу газават, а поход Басаева – это не что иное, как провокация, не имеющая к воле чеченского народа никакого отношения. С этим вторым пунктом в его выступлении также было трудно не согласиться. Ибо, будучи не просто рядовыми мусульманами, но учеными, глубоко изучавшими Коран, участники совещания хорошо представляли, какую ответственность они несут за каждое свое решение и поступок перед Богом.

Таким образом, Ахмат-хаджи Кадыров одержал вторую тактическую победу: провокация с «объявлением войны» чеченскому народу в Хасавюрте не прошла, а сам Кадыров в это очень тяжелое для чеченцев время, фактически, возглавил республику как лидер нации. И надо признать – другого лидера такого масштаба и столь высокого уровня политической ответственности у чеченского народа на тот момент просто не было.

Путин это хорошо понимал и, сделав ставку на Кадырова, лишь придал характер законности тому, что в действительности уже имело место быть. Время и события показали правильность выбора в пользу Кадырова – не раз он подтверждал это своими смелыми и одновременно взвешенными действиями и в те дни, когда решался вопрос – быть или не быть референдуму в Чеченской Республике...

Другая сложность (возвращаясь к теме референдума), помимо боязни центра, заключалась в том, что не все и в Чечне осознавали его важность. Приходилось много говорить об этом при встречах с людьми в городах и селах. Большую роль в продвижении идеи референдума в массы сыграла инициативная группа Хасейна Таймасханова – через публикации в газетах, выступления по радио и в разных населенных пунктах. Не стоит забывать – это была достаточно опасная работа, поскольку охраны никакой не полагалось. Единственно, что нами в то время двигало – осознанное чувство правоты и необходимости нашего дела.

– Как проходил день голосования?

– В этот день, двадцать третьего марта 2003 года, в республику приехало более трехсот пятидесяти наблюдателей со всего мира: Европы, стран СНГ, России и других государств. Они были представлены во всех крупных городах и селах Чеченской Республики. Наши недруги хорошо осознавали важность референдума для будущего устройства России. Активизировались и бандитские

формирования – они угрожали, что родители, участвующие в голосовании, не найдут своих детей живыми. Многие муллы и имамы мечетей, другие уважаемые люди в то время были убиты в Урус-Мартане, Новых Атагах... Людей убивали за их убеждения. Были убиты десятки учителей русского языка и литературы из чеченцев. Их убивали в кругу семьи на глазах детей и родных – сегодня это малоизвестные факты, к сожалению.

Поначалу мы переживали, что люди не придут на голосование. Но граждане Чеченской Республики, осознавая свою ответственность за судьбу страны, шли на выборы вместе с детьми – даже в самых опасных предгорных селах! И эту картину видели все: наблюдатели, журналисты...

И потом, что было особенно поразительным – мы не встретили ни одного объективного освещения этих событий в зарубежных средствах массовой информации. Сначала мы думали, что это плохо, но затем пришло понимание, что такое поведение иностранных журналистов явилось, своего рода, признанием факта референдума. Ведь искаженной информации тоже не было!

Таким образом, референдум прошел на большом подъеме, и заслуга в этом, конечно же, принадлежала политическому лидеру нации – Ахмат-хаджи Кадырову и его команде.

– Каковы, по-Вашему, итоги и значимость референдума для России и чеченского народа?

– Слабость любого государственного образования, и в том числе такого, как Российская Федерация, видна через призму факторов, многие из которых способны привести к коллапсу. В первую очередь, это отсутствие юридически грамотно оформленных отношений между субъектами Федерации и центром. Референдум способствовал укреплению Российского государства как юридически, так и экономически... В Чечне он послужил основой для формирования легитимных органов власти и освобождения от диктата военных, беспределу которых отныне был поставлен заслон.

Прошло десять лет. За это время мы, к сожалению, потеряли главных героев референдума – Президента, Председателя Госсовета... Тем не менее их дело успешно продолжается под руководством нынешнего Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова. Положительным итогом референдума может послужить тот факт, что Чеченская Республика на сегодня является одним из самых стабильных и развивающихся регионов России. Проблемы, конечно, еще есть: необходимость возрождения нефтеперерабатывающей, нефтехимической промышленности, тяжелого машиностроения... Но есть и другое – не осталось следов войны. Сегодня (и это заслуга команды во главе с Рамзаном Кадыровым) и в городах, и в селах обновляются дороги, построены заново школы, больницы, проведена газификация труднодоступных горных сел, жители которых даже в советские годы обогревались дровами и углем. Созданы места отдыха, снизился уровень бытовой уголовной преступности, достигнуты успехи в борьбе с наркоманией и пьянством.

Наконец, открылись невиданные прежде тесные отношения с арабским духовным миром, народами Европы и Азии, в республике проводятся международные религиозные, политические, спортивные и культурные мероприятия и форумы... Но ведь так было далеко не всегда – и это фантастически здорово, и это надо ценить.

Беседовала Роза МЕЖИЕВА

Алвади Шайхиев

Огонь любви ловить...

***

Когда я вырос –
В дальней стороне
Умножить славу
Мне пора настала.
Отец не делал
Наставлений мне,
И нана
Горько вслед не причитала.

Немало пены
Унесла вода.
Но помню,
Что сказал мудрец знакомый:
– Сынок,
Добудешь славу лишь тогда,
Когда
Шагать ты
Не устанешь к дому.

***

Готов я все
Воспринимать, как есть.
Явления природы –
Не капризы...
Непокоренный
И прекрасный весь,
Железной клетке
Зверь бросает вызов.

Рожден на воле –
Он стремится к ней,
Дитя своей,
Утраченной стихии.
Но прутья клетки
Иногда сильней –
И слышатся
Рыдания глухие.

Я – человек!
И в жилах с солнцем кровь.
Сомнения,
Терзания
И боли

Себе на плечи
Взваливаю вновь.

Не по чужой,
А по своей же воле,
Страданий пленник,
Принимаю я
Судьбы удары
И нелегкий жребий...
И нет вины.
Судьба-то ведь – моя.
И корни у нее
Отнюдь не в небе.

Готов я все
Воспринимать, как есть.
Явления природы –
Не капризы...
Одно б сберечь –
Достоинство и честь
И право бросить
В этой жизни вызов.

***

Устремилась куда ты, планета,
Эхом ветра и вечного света?
Я – твой пахарь и сеятель в поле,
Всходит колос моею же волей.
И, пока я рождаюсь на свете,
Я – бессмертен.
Я всходом бессмертен!

Устремилась куда ты, планета,
Эхом ветра и вечного света?
Я – отец.

Продолжаюсь как память.
Мне бы на ноги сына поставить.
За него я сегодня в ответе,
И поэтому дважды бессмертен!

Устремилась куда ты, планета,
Эхом ветра и вечного света?
Я – поэт.

Я тебя догоняю.
На Пегасе –
Гимн жизни слагаю.
А покуда есть песня на свете,
Я – частица ее.

Я бессмертен!

***

Я устаю
Огонь любви ловить,
И в сердце
Бьется истина тревожно:
Всегда любимой
Невозможно быть,
Но и не любить тебя
Мне невозможно.

Диалог

Мужчина – опора дома
Чеченская пословица

Коришь за то,
Что я стихи пишу,
Что пользы нет
От них совсем для дома.
Что в путь я
Не ко времени спешу –
На поезда,
К огням аэродрома.
– Я – женщина, –
С укором говоришь, –
Когда уходишь ты
К стихам и песням,
То в сердце
Не измену ли таишь?
Как будто бы
Любовь уходит вместе...
– Любимая!
Понятна эта боль.

И все же мне
Порою тесно в доме.
Хотел бы я
Все время быть с тобой,
Но часто сердце
В песенной истоме.
Я, видимо,
Иначе не смогу,
Неведомо,
Как быть тебе со мною.
Однажды вновь
За песней убегу...
Я оставляю
Слово за тобою...

***

Короткую тропку себе выбираю,
А дальнюю – сыну дарю.
Пусть вьюги и ветры над ней завывают –
Ты только шагай на зарю.

Уж так повелось,
дорогой мой, на свете,
Что каждому – свой перевал...
Вот так же
однажды
меня на рассвете
В дорогу
отец
проводил.

***

Ты соткана
Из солнечного света,
Из доброты
Воздвигла пьедестал...
Но я
Под тяжелой ношею поэта
От этой доброты твоей устал.

Чем ты щедрей –
Тем долг мой непосильней,
Тем круче
До твоих высот подъем.
Ты думаешь,
Что я тебя красивей
И в сердце света
Так же – как в твоём.

Богата ты,
А я куда как беден,
И тяжек мой
Невыносимый груз.
Не застрахован
От обид и сплетен,
Тебя однажды
Потерять боюсь.

Ты соткана
Из солнечного света,
Из доброты
Воздвигла пьедестал...
А я под тяжкой
Ношею поэта
От этого
Неравенства устал.

***

Этот бешеный мир
Снова сводит с ума,
Манит в грозную даль
За огни и дома.
А на улице дождь –
Это осень моя...
Успокоюсь ли я
В чужедальних краях?
Ветер студит мне грудь,
Даль зовет впереди,
И горячая боль
Не стихает в груди.
Этот бешеный мир,
Этот бешеный путь...
Только вера живет,
Что поймет кто-нибудь.

***

Я делать научился то,
О чем и не мечтал.
Но вот характер мой зато,
Как лес дремучий, стал.

Неясен взгляд, и темен путь,
Просветов не видать...
Попробуй в душу заглянуть,
Чтоб шею не сломать.

Века несутся мимо нас,
И, несуразный весь,
Я перед вами без прикрас
Таков, каков уж есть.

***

Слепая ночь
Слепые видит сны,
Их тихо
Море Черное качает.
А звездных песен
Черной глубины
Все так же
Надо мной не убывает.
Куда-то гонят волны
Эту ночь
И на песке
Мои смывают знаки,
И сердцу
Невозможно превозмочь
Все то,
О чем болит оно во мраке.
Что остается?
Лишь холодный всплеск
И этой ночи
Южная повадка...
То ль я вливаюсь
В этот звездный блеск,
То ль он в меня
Уходит без остатка.

Старики

Опираясь на посох ступают,
Потихоньку идут на пхохан¹,
А седины их ветер лишает,
Словно книгу их жизненных ран.

– Вайдаха!²
Нынче осень богата!
– Вайдаха!
Урожай-то хорош!
– В государстве о мире забота.
– Без войны завсегда проживешь.

Не спешат старики в разговоре,
Слово золотом ценят они.
С каждым годом томительней зори,
Но длиннее и ночи, и дни.

¹ Пхохан – место, где обычно собираются люди.

² Вайдаха! – букв.: Да будем живы!

Мовла Гайраханов**Рассказы****Беседа**

В жизни каждого человека случается ситуация, когда наступают тяжелые дни, и, какие бы усилия ни затрачивались, приходит понимание того, что собственными силами эту ситуацию не преломить. Тогда каждый принимает решение, и только время показывает, было оно правильным или ошибочным.

Мудрые люди умеют прогнозировать будущие катаклизмы и стремятся избежать их, однако в большинстве случаев опыт приходит только благодаря этим ударам судьбы.

У человека деятельного всегда находится немало соперников и клеветников, людей, главная задача которых – отпугивать удачу от других в угоду собственному чувству зависти. В течение долгого времени я совершенно игнорировал их потуги и поплатился за это неприятностями на работе. Жизнь сделалась невыносимой, нереагирование на возникающие проблемы отнюдь их не решало. Я стал раздражительным, любая мелкая неприятность выводила из себя, разум отказывался работать в обычном для себя режиме рассудительности.

Друзья заметили происходящие внутри меня перемены, каждый утешал как мог, но помочь, увы, никто не был в состоянии.

В самую критическую минуту помощь пришла с неожиданной стороны, причем со стороны человека, который, не являясь моим близким другом, был мне симпатичен с первого дня знакомства в силу его порядочности и честности. Мы всегда были хорошими знакомыми и при более тесном общении могли бы стать близкими друзьями из-за схожести судеб и родства душ.

Мне была предложена престижная работа и дано время на обдумывание столь привлекательного предложения. Это был спасательный круг, брошенный в ту минуту, когда твое судно уже шло ко дну.

Мы встретились в его кабинете в холодный день ноября, когда игривый ветер метался за стеклом большого окна не в силах пройти столь тонкую и прозрачную ограду.

Через окно я смотрел на жизнь большого города, который возродился из руин и жил своей новой жизнью. Товарищ читал в моих глазах чувство благодарности, которое я, наверное, не смог бы выразить словами во всей своей полноте.

Беседа касалась разных тем – мой собеседник тактично уходил от обсуждения главного вопроса, который он уже решил в мою пользу.

В нашей жизни в недавнем прошлом была война, война жестокая и страшная, без всяких правил и человеческих законов. Она оставила свой след в душе каждого, кто с нею соприкоснулся и, естественно, жила в памяти.

Как-то незаметно разговор коснулся ее, войны, которая опалила наши души своим грозным дыханием. У каждого были свои истории, которые родились под бомбежками и обстрелами, вместе с перенесенным голодом и холодом, трагическими судьбами людей, свидетелями которых мы стали.

Каждый из нас сотни раз умирал, когда снаряды разрывались в десятках метрах, когда весь мир превращался в ужасающий грохот, леденящий души и заставляющий сидеть детские головы. Перед каждой бомбежкой мысленно ты прощался с этим миром, жестоким и беспощадным, миром людей, которые устроили это страшное испытание как тебе, так и всем остальным окружающим, малым и старым, больным, немощным.

Тогда все надеялись, что закончатся бомбежки и обстрелы, и мирная жизнь придет в их дома. Однако после обстрелов пришли «зачистки», которые

отличались от бомбежек тем, что убийства сопровождалось издевательствами и пытками.

Мой собеседник рассказывал мне про свою войну, войну мирного селянина, столь похожую на мою войну, однако более трагичную и страшную.

Его село зачищали люди, которых трудно назвать людьми. Десятки мирных жителей стали их жертвами, жертвами их безумия и ненависти. У моего товарища по-соседству жил друг, с которым они вместе коротали время между бомбежками. Война сильно сблизила их. Вообще война делает невероятные вещи: люди, с которыми ты жил на одной улице, открываются для тебя с новой стороны. Оказывается, что, живя рядом столько лет, вы совсем не знаете друг друга, и то, что мешало этому, оказывается, было не столь важным и весьма суетным.

В эти несколько дней их село не бомбили. Старики договорились с «федералами» о прекращении обстрелов. Все ждали законности и порядка на родной земле. Люди чинили разрушенное жилье и жили своими заботами. Мой собеседник, вместе с отцом и братом, пошли помогать односельчанину в починке разбитой крыши, когда неожиданно началась «зачистка».

Именно на той улице, где они находились, произошел страшный кошмар. «Контрактники» начали расстреливать все мужское население. От их выстрелов пали и отец с двумя сыновьями. Они лежали вповалку на улице, когда на них наткнулась мать, примчавшаяся сюда, услышав страшную весть о расправах. В нескольких метрах от еще теплых трупов стоял солдат в маске, равнодушно глядя в разбросанные паспорта убитых. Обезумевшая от горя женщина стала перетаскивать в сторону своего дома трупы сыновей и мужа. В этот миг жизнь потеряла для нее всякий смысл, и больше всего на свете она желала собственной смерти, однако солдаты-убийцы ей такого «удовольствия» не доставили.

Она бережно по одному оттаскивала тела своих мальчиков и мужа, как бы боясь разделить их в эти страшные минуты. Некоторые сельчане, успевшие спрятаться в укромных местах, видели, как она надрывалась, но помочь ничем не решались.

И только один из парней, сумевший избежать расправы, не выдержал этой ужасной картины и пошел на помощь мужественной женщине. Автоматная очередь солдата в маске прервала его жизнь, которую подхватили ангелы, моля Всевышнего Аллаха о прощении всех его грехов.

Теперь женщина перетаскивала уже четыре тела, причем первым, оставив своих, взялась за молодого человека, поспешившего ей на помощь, зная о своей неминуемой гибели.

Вечерние сумерки быстро опустились на землю, и в нашей комнате сгустилась темнота, однако мы не замечали ее. Наши мысли были там, на той улице, где никакие человеческие награды не способны выразить степень мужества чеченской женщины, столь хладнокровно выдержавшей смертельные удары судьбы, и сельского парня, ничем не выделявшегося в обычной жизни, но сознательно отдавшего свою жизнь за заведомо неудачную попытку помочь этой израненной горем женщине.

В комнате воцарилась тишина. Память возвратила нас в недавнее прошлое, которое напомнило, что наши сегодняшние беды – это детские забавы по сравнению с тем, что пришлось пережить и испытать.

На этой земле живет немало людей, лица которых никогда не озарит улыбка. Они дышат одним с нами воздухом, живут и работают, однако души их умерли вместе с теми, ради которых они жили. Ничто в этом мире не способно заглушить их горе и единственное, чего они ждут, – это день встречи с теми, кого не увидят в этой жизни уже никогда.

Помогать людям в беде – это истинный смысл жизни. Помогать ценой своей жизни – наивысшее проявление этого смысла.

Мы сидели в темном кабинете, и я видел глаза собеседника, которые передавали всю глубину его внутренних переживаний. Нашему поколению

пришлось пережить многое, и не раз смерть подходила к нам настолько близко, что мы явственно ощущали ее дыхание перед своим лицом. Мать, оттаскивающая к порогу своего дома тела сыновей и мужа, олицетворяла для нас всех чеченских матерей, перенесших столь безмерное горе.

Рассказ товарища очень взволновал меня. В этот вечер мы расстались друг с другом с тяжелыми сердцами, под грузом воспоминаний о войне. По дороге домой меня бросало то в жар, то в холод. Ночью мне снились кошмары, тело лихорадило, голова раскалывалась от боли.

Утром в мою комнату вошел сын, который сообщил, что из Поволжья домой везут тело его одноклассника, которого забили до смерти скинхеды...

Мой мир

Проливной дождь лил беспрестанно трое суток. Щемящая тоска давила грудь, полусумрак комнаты создавал впечатление безысходности и горя.

Казалось, весь мир отвернулся от тебя. Жизнь потеряла смысл, утратила свои краски, потускнела и казалась никчемной и ничтожной. Не хотелось никого видеть и ни с кем разговаривать.

Тишину комнаты нарушал дождь, барабанивший в окна, иногда ветер бил ветками деревьев по кирпичной стене дома, заунывно напевая свою грустную песню.

По темной комнате скользили тени, рождающиеся в твоём воспалённом мозгу, они то нависали под потолком, то исчезали в темени холодного пола.

Мир опустел, оставив тебя одного в этой холодной пустой комнате...

Осенний дождь разогнал людей с улиц. С бесполезных электрических проводов стекали капли всесильного дождя, заставившего исчезнуть поток из стальных жил.

Иногда по улице проезжал одинокий автомобиль, расплескивая воду из глубоких луж. Какая сила может остановить дождь, если он надумает литься вечно?

Тебя охватила депрессия. Чужие голоса с тяжелым звоном проникают в мозг, разбухая нестройный ряд мыслей, раздражая и оголяя все нервы организма.

Люди, с привычной бесцеремонностью вламываются в твою жизнь. Они присвоили себе право забирать минуты твоего бытия, не давая постигнуть смысл существования и найти место на этой брэнной земле. Люди всегда борются с кем-то и зачем-то за свое место под солнцем. Сегодня свинцовые тучи закрыли собой солнце, и люди попрятались по своим домам. Пустота и темень пришли в твою жизнь, и ты уже не знаешь, что с этим делать. Придет время, и каждая душа останется наедине со своей пустотой, без солнца, без дождя и без людей. Ты сам станешь тенью, скользкой по безмерным просторам Вселенной. Ожидание вечной пустоты раздирает твоё сердце безысходностью могильного мрака, который неперемённо покрывает каждого живущего на этой земле. Любо́й шаг, сделанный тобой, – это шаг навстречу к своему концу, каждый прошедший миг приближает тебя к могиле. Ты пришел в этот мир не по своему желанию, и уходить из него будешь не по собственной воле.

Пройдут десятки, сотни лет, и люди забудут про твоё существование на этой земле, они также будут биться за свое место под солнцем, которого всегда будет не хватать, даже если на этой земле останется всего два человека. Кому-то одному из них понадобится больше солнца, и он будет отчаянно сражаться за него...

Этот проливной дождь выдернул меня из людской суеты и запер в пустой комнате, оставив наедине со своими мыслями.

В преддверии вечной темноты ты начинаешь понимать, насколько суетна и бессмысленна твоя жизнь, которую ты тратишь для того, чтобы добыть свое место под солнцем. Чем больше удовольствий ты вбираешь в себя, тем больше места оказывается под тобой на этой земле. Твое тело – сосуд неисчислимых желаний, оно требует их исполнений, и ты рабски следуешь им. Однако, какими

бы путями мы ни ходили, мы всегда придем к единому для всех живущих на земле пределу – смерти!

Отгоревший огарок свечи расплылся по чайному блюдцу, время оказалось сильнее его тусклого света. Расплавившийся воск свечи выполнил свое предназначение и уже стал никому не нужен. Вечерний сумрак покрыл своей синевой землю, медленно переходя в ночную темень. Тени исчезли с потолка, и мрак, властвующий над Вселенной, стал полновластным хозяином комнаты, в окна которой безуспешно стучался дождь.

Иногда сон выдергивает тебя из мрака окружающего мира, странные видения сменяют друг друга, бросая из одной реальности в другую. Белый свет медленно раскрывается перед тобой, и ты видишь женщину, которая уходит в мир иной, забрав твою смерть. Она равнодушно проходит мимо тебя, и ты безразличным взглядом провожаешь ее в вечность. Она просто оказалась в очереди впереди тебя. Мы оба понимаем это, она читает мои мысли точно так же, как и я ее. В ее жизни было нечто, что подвигло ее вперед, на край этой жизни, мы с ней можем осознавать прошлое, но нам не дано предвидеть будущее. Я не знаю, что ждет меня впереди, она смирилась с тем, что стало уже очевидным, судьба зачитала свой приговор, который обжалованию не подлежит.

Мутная пелена закрывает собой горизонт, и женщина расплывается в тумане. Ее зеленое платье сливается в одно целое с белым дымом.

Тяжелый сон прерывается шумом ветра и стуком капель дождя, мрак ночи вновь врывается в твою жизнь, однако дремота снова овладевает твоим сознанием, чтобы отдать во власть новых сновидений.

Дождь все так же стучится в окно, но ты уже покинул холодную комнату, и оказался в старом домике, в котором прошло твое детство и которого давно уже нет на белом свете.

В старой печке трещат горящие поленья, огонь играет в печи, разбрасывает свои блики по разным уголкам маленькой комнаты с низким потолком.

Ты выходишь на крыльцо, и холодный осенний дождь превращается в летний ливень. Большой орех приветливо зовет под свою спасительную крону, и ты бежишь к нему босиком через лужи...

Неведомая сила вновь выдергивает тебя изо сна, и ты оказываешься в темной комнате во власти ночи. Мысли возвращаются в реальность, и ты с сожалением осознаешь, что ни маленького дома, ни большого ореха в твоей жизни уже не будет – они канули в прошлое вместе с твоим детством.

Ты лежишь в постели с открытыми глазами и осознаешь, каким будет могильный мрак. Твоим глазам в этом мире недоступно ничто, мрак властвует над миром, и твой взгляд бессилен его рассеять. Страх холодными пружинами сковывает душу, ледяная волна пробегает по спине. Ты так и лежишь в постели, пока сон не вступает в свои права. В какой-то миг ты хочешь перевернуться на бок, но неведомая сила держит тебя в своих цепких объятиях. Ты не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни пальцем, и внутри тебя страх превращается в ужас. Оказавшись в бетонном мешке, ты начинаешь молиться, и тогда тебя медленно начинает отпускать.

Оцепенение, длившееся всего несколько десятков секунд, раскрывают истинную твою цену. Твои сила, взгляд, слух, обоняние, ум – все те качества, которые ты считаешь своими, даны тебе лишь на время. Тот, кто тебе их дал, Тот их и заберет в любой миг...

Эта бесконечная ночь могла бы стать настоящей пыткой, но после оцепенения ты искренне радуешься шуму дождя и ветра. Ты способен слышать, а значит, ты живешь. Этот мрак рассеет утро. Ты хочешь заснуть, чтобы приблизить рассвет, но твое тело боится оцепенения. Ты мог бы потратить время на размышления и мечты, но в твоей голове нет места мечтам и идеям. Жизнь безжалостно убила их, в сердце не осталось Веры в справедливость. Ты стал таким же, как все, и за это люди оставили тебя в покое.

Вахид Итаев**Восточная легенда**

Еще одна ближняя страна
 Спалена, сожжена, в ноги брошена
 Победителю в ноги
     жалкой пленницей.
 Вот в широком поле трон стоит,
 А на троне том царь сидит.
 Сто тысяч воинов в поле
 Во славу его гарцуют,
 И тысячи пленников в поле
 Во славу его обезглавлены.
 Начинается пир,
 Начинается пир в честь победы,
 Начинается он со скачек.
 Сотни съехались вместе к черте
 И по знаку царя разом бросили
 Полудиких коней в степь широкую.
 Барабанная дробь лошадиных копыт
 Натянула ковыльную степь,
 Запылила ее, затуманила.
 И по кругу большому
 Разномастных коней темная лава
 Уходила три раз мимо трона.
 С полукруга от всех оторвался
 Молодой джигит, храбрый юноша.
 И скакун вороной, звездой меченный,
 Тенью черной в степи расстилался,
 Далеко обошел всех собратьев своих
 И пришел раньше их на полкруга.
 И ведут победителя к трону,
 Царь царей подзывает его
 И жестокую речь говорит:
 – Не прошу подарить я коня,
 Приказать не хочу, чтоб отняли,
 Оцени коня сам,
 Как оценишь его, так и будет.
 Называй ты цену не купеческую
 И не ту, что на торгах дают.
 Царскую цену проси за коня.
 Не смущайся,
 В казне моей хватит злата,
 И в гареме моем
 Много ярких звезд.
 И ответил царю смело юноша:
 – О великий царь, доброй волею
 Не отдам я коня, друга верного,
 За три царства рая земного,
 Ни за сотни красавиц
     лунной прелести.
 Но если бы в жизни,
     такой скоротечной,
 Встретил я настоящего друга,
 Я отдал бы ему, царь, коня –

И не только коня!
 Вздрогнул царь.
 Чуть подался вперед на троне,
 Впился взором во взор храбрецу,
 Вновь откинулся к спинке трона,
 Властную голову свесил на грудь
 И задумался.
 И лицо, что с давнишней поры
 Кровь людская и женские слезы
 Приводили лишь в гневный восторг,
 Омрачилось печальной думой.
 И лишь долго спустя царь промолвил:
 – Хорошо и жестоко ответил ты мне.
 Запросил за коня ты цену дорогую.
 Но того, чего сам я ищу,
 Чего сам я не встретил под небом,
 Не могу тебе, воин, я дать.
 А за вольный ответ
 От казны отдаю часть десятую
 И дарую все земли к востоку
 От великой реки Евфрата.
 И сошел царь с высокого трона.
 Подал знак, чтоб подали коня.
 И поехал царь шагом в поле,
 Позабыв натянуть повод,
 Позабыв скакуна поднять на дыбы.
 Все затихло.
 И затихло широкое поле.

***

Все то же будет звездное небо.
 Закаты цвет свой не изменят.
 И вольные волны океана
 В игре с дельфиной стаей
 Резвиться будут, как всегда.
 Но вдруг –
 Для новых вещей слов и песен
 Восстанут новые певцы,
 И песни их изменят мир.
 Тогда... тогда Творец миров
 Светло вздохнет и скажет:
 – Пора, пора ступить на Землю.

***

Я слушал океан –
 Вот это, я скажу, мудрец.
 Какие тайны он поведал мне.
 Познав начала и концы,
 Мне стало грустно.
 Быть человеком, как понял я, –
 Не высшая награда.
 Гораздо лучше быть китом,

Дельфином, мудрой черепахой.
Еще счастливее ракушкой быть,
И каждой бархатной волне
Петь солнечные песни.

***

До рождения я был валуном
И лежал в Аргуне.
Я мечтал расколоться
и стать человеком.
А теперь о другом я мечтаю:
Снова стать валуном
И лежать в Аргуне.

***

Надо мыслить легендарно,
Чтоб понять Творца миров.

***

Спасибо, жизнь!
Ты хорошо трудилась в моем сердце.

***

Хрупка, хрустальна ночь.
В высоких замках гор ночует тишина.
Писк мыши в слухе мира
Обвал кочующий рождает.
Мир чист, как лик ребенка.
Лишь Млечный Путь пылит
до дальних звезд,
Как будто час назад лихой мятежник
Там проскакал за славой неземной.

***

Мы скачем на конях,
мы мчимся по свету,
И ветры, и бури глядят нам вослед.
А время быстрее любого гонца.

Мы строим моторы,
сжимаем пространства,
Грозимся и звезды догнать.
А время быстрее любого гонца.

Мы смерти не верим,
и вечность под солнце зовем,
И кажется – вот оно,
наше бессмертье.
А время быстрее любого гонца.

***

Под ногами тот же шар земной.
Он вовек, хоть криком изойти,
Не поймет душевных наших мук.
И на небе та же стая звезд

Кружится, своей не зная цели.
Если вдруг прохожий косо глянет,
Думаешь: «Вот этот знает тайну,
Он меня уверенно обмерил».
Нет, и он не знает ничего,
Тоже ищет в той же пустоте
Хрупкую опору для души.
Ладно, бог с ней, с тайной бытия,
Хоть бы там, на небе, постоять
У обрывов странных черных дыр,
Наблюдая, как табун галактик
Тонет в бездне без следа и крика.

***

Я Богу молился с великою страстью.
Ответа все не было, не было –
нет до сих пор!
И к берегу моря я камень принес,
И выбил на нем все желанья.
И бросил тот камень в глубокие воды.
В грядущие годы
создатель Вселенной
Отыщет заветный мой камень,
Прочтет все желанья мои,
И тут же, минуту одну не теряя,
Все исполнит, о чем я просил.
Как изменится мир...
Как прекрасен он будет потом!
Даже сам человек не узнает себя!

***

Если хочешь быть ты посвящен
В земную тайну
И в тайну бытия, –
Войди смелее в вечность,
В поток ее войди.
Не в тот поток, что грабит жизнь,
А в тот, что жизнь творит.
Войди в поток таинственных дорог,
И мысли, и твори,
И опрокинь весь внешний мир
В бездну сердца своего,
И рассмотри его черты,
И процеди его спокойно.
И первой поплывет печаль
Тяжелым северным туманом.
И если выдюжишь ее,
Ударит дальний свет.
Потом,
Сияньем душу озарив,
Всплывет и истина со дна.
Спадут одежды мира.
И простота надзвездного мира,
И простота твоей души
Замкнутся в прочный круг.

Тауз Исс

Дагардийцар

От автора

В японской прозе есть жанр, именуемый «дзуйхицу», что означает «вслед за кистью»...

В чеченском сознании тоже есть своеобразный способ повествования – «дагардийцар», что можно интерпретировать как «вслед за сердцем». Автор попытался написать в этом в ключе в надежде, что со временем этот первый художественный опыт может развиваться в жанр чеченской прозы.

В данной публикации представляются несколько таковых попыток на чеченском и русском языках.

В каждом из дней...

...после всего... сел наблюдать за облаком... оно стояло... и двигалось... росло незаметно... крупная соль лежала посверкивая в утреннем свете поверх красно-зеленого салата... нудно брала разгон стиральная машинка... забиться в припадке... она перевела все в шутку улыбаясь уперев руками в бока... ласточки чиркали послегрозовую небесную синь... всплакнула от дуновения рукава крышка сахарницы на столе среди нашествия вещей... все время наблюдаешь за собой пытаешься не делать этого и мысли разбегаются одновременно и во все стороны... как вода преодолевающая препятствие горизонта... и муравьи оседлали останки сахара...

только правда... только правду... быть хотя бы перед самим собой... правдивым до конца...

облако сдвинулось чуть левее и начало медленно пучиться... не зазнаться... не возгордиться... не... фыркнула тряпка стряхивая с себя крошки хлеба... хлеба... хлеб... гроыхнула посуда... пиликает ноет стиралка... вопит в ней электричество...

облако разваливается и возносится потеряв точку опоры... равновесие... равноденствие ... уже была... были весна осень зима весна... опять лето... в лету...на лету... летал этой ночью опять... до сих пор ощущение крылатости легкости красоты...

если и есть что... ничего нет кроме любви ... она сказала вчера жизнь это сражение... сидела такая хрупкая с глазами навывкат... сражение свершение свершения... война... ничего не хочет... и все... говорит мне ничего не надо... ничего... некогда думать... кусок хлеба... несчастный... почему...

почему... почему... почему...

не знаю...

дети в подъезде играли в фантики... и серьезно вдохновенно ссорились... фантики... фантомы... фантазии...

облако продолжается... течет из себя в синеву... вознося крылья по обе стороны... будто шлет песню востокам и западам... песню без слов или на зам узам...

вода в пластмассовых бутылках молчит молчанием заключенных... приговоренных... бутылки мечтают стать лампами алладина...

отворенной дверью напротив автомата... инкассатор бросился к автомату и... озираясь... выгреб наличку в черный пакет тысяч пять... десять... пятьдесят... умножить... на... 10... 50... 100... машина... выезжающая со двора... проехала почти впритирку... инкассатор второпях нырнул в свою «ладу» и был таков... работенка... «би-лайн»... «люди говорят...» с трубками... сами с собой... с теми кто... разговаривают... виртуализируются... общаются... шлют эсэмэски... снимки... море любви... инфо...

улица в оба конца упирается в далекий туман.....

вспыхивают... загораются... разноцветные праздничные огни.....

это всего лишь один угол... коих в городе великое множество... одна точка... одна необъятная судьба...

снова вспомнилось... дети всегда говорят правду... не правда ли?

а потом наступила тишина... и каждый сказал в ней каждое...

Иштта...

...иштта... ши куыг хъала а лъацна лара иза ламазан дола дина ваьлча а... вицвелла... вицвелла аьлча а... дагадеана... дагадеана дицделларг... хлахла... гена генара бераллера... корана хъалхяхъ лаьттара кхуьнан жимох волу ваша... арахъ клайн аре яра... бляьрго схъа мел лоцу... аре бляьстенна герга гертара... бераш а дара ловзуш декхначу дийнахъ... гуобаьккхина кхин хлумма а дацара еккъа сибрехара аре йоцург...

...длавалеле хьо хлунда ца воьду берашца ловза... элира цуьнга чурчу цхъаммо... ткъа иза вист ца хилира корана хъалха аренга хьоьжуш лаьттачуьра... кхоноли длахъаьжча бляьрхиш гира кхунна шен вешин юьхъа тлоьхула охъаоьхуш... воьлхуш...

...хлахла иза дицлур дац цкъа а... кора хъалха лаьтта... эрна арахъ... шийлачу аренга длахъоьжуш лаьтта шен ваша... кхо шо кхъаьчна... цунна хууш хиллера... даго хьоьхуш...

...хьо лаа вуй ва стаг ... элира кхуьнга хлусамнанас хлара гуттара а длавахвелча... ладийча санна лара хлара... кхузткъа шо хъалха хилларг... тахана арахъ кхетта аьхкенам малх лепара... цу малхех даккхий деш полларчий а лелара хелхаршца... хьо лаа вуй... юха а хьаьттира зудчо кхуьнан бляьрхиш а гина... амма кхуо жоп ца делира...

...дукха хан ялале кхелхира кхуьнан ваша... и шен кхалхар хууш лаьттара иза хлетяхъ кора хъалха... цкъа а ца гиначу... цкъа а гур а боцучу Даймакхе сатесна... иза лилла висира шийлачу арахъ ... вай цла даьхкира... маьлхан дуьнене ... иштта... таханлера санна аьхкенам дийнахъ... кхехка долало... дагадоглу дерриге а... дерриге-м дагадоглу дацара... цхъацца... иштта...

...кхуо меллаша бляьрхиш дладехира... шен бляьрхиш... амма хлетяхъ... цецвалла... хлара ца глоьртира шен вешин бляьрхиш дладаха... цуо ша а ца дехира уьш дла... уьш кхеран нанас... ваша кера а лъацна... нана яла хъан бохуш дехира дла... цул тлаьхъа кхин ши ваша а кхелхира кхеран Сибрех...

...хлара шен хенарнаш боцучу висира... нийсархой... кхул баккхий берш дукха баккхий бара... итт шо а... жимох верг а итт шо жимох вара... дагарадийца... эвхъаза... кхуьнан нийсархой-вежарий... кхоь а висира... цигахъ... шийлачу клайнчу арахъ...

...иштта... кху дийне кхаччалц ... нагахь ша шаа висча санна хетара кхунна... кхо накъост... кхо ваша... кхо доттаг1... деса дуьне...

...кхуьнан ден нана а йиссира цаьрца...

...дуьненчу дан дезарг... церан метта а... ша дан дезаш хетара кхунна... иза дан а г1ертара х1ара... ницкъ ма кхоччу... церан юьхь-сибаташ... уьш даимана бисира кхуьнан изьсехь беран хенахь... маликаш...

...тахана карзахдаьлчачу дуьненчохь кхуо х1ора ламазан до1анна т1ехь доьху... амма тахана санна цкъа а ца хиллера кхуьнан дог-ойла юьзна... цхьана х1уманна екхаелла... х1ун дара а ца хаьа... кхунна тарделлера и шен кхо ваша... массочу хенахь... даима а... шеца волуш... хилча санна... тахана а...

иштта хила а мега-кх иза аьлла хийтира кхунна... цул т1аьхьа... иштта... дан а ду-кх иза аьлла...

берийн аьзнаш декара арахь... арара цхьанхьара г1алийн г1овг1а а етталора пенашка...

х1ара лара... ша цхьана ирсечу метте кхьачча санна... я ирсе ойлане...

Мохь

Цу дийнахь кхайкхира х1ара лам боьххье а ваьлла доллучу дуьнене, я шега, я хьаьнга кхойкху а ца хууш, иштта д1а дуьненах воккхаверца, я цуьнан къаьхьаллех, болчу-боцчу сингаттамех...

Лам ломе кхойкхуш, хиш хишка доьлхуш, т1улгаша т1улгашка хьедеш хезара кхунна и де т1едале а...

Жима волуш дуьйна схьа, лаьтта т1ехь полларчашка а, стиглахь седарчашка а тидам лаьттара кхуьнан...

«Вехара волуш вац», - олура кхунна наха...

Кхуьнан бахам некъ бара...

Дуьне мадду, стигал мел ю, гена-герга, ловзаре, ловзаме, лазаре...

Ша бакъ ву я харц ву ца хаьара кхунна...

Шен некъах, шен рицкъах, нийса чакхвалар дара...

Кхуьнан аз дерриге а дуьненах хьаьдда чекхдаьлла кхунна юххе деаара лома боьххье...

Ткъа юха а бевзира кхунна кхачам боца Делан кьинхетам...

Дерриге а юха а шена дисира кхунна: ирс, ирхе, 1аткъамаш...

Лома ломе кховдош назма йийкира лаьмнашкахь...

Мархаш идо мох бахьаш малх г1аьгтира...

Дерриге а хилла даьллера...

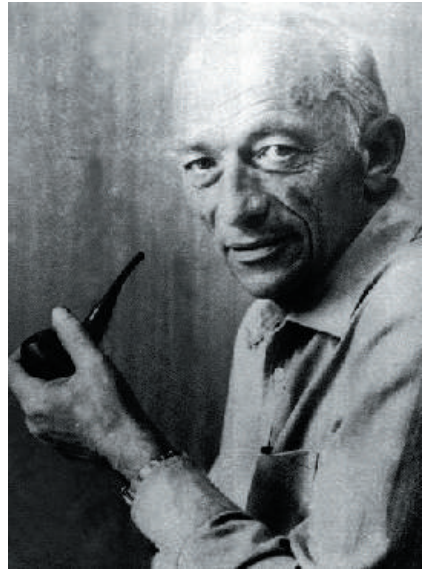
Тахана, х1инца долалуш дара дерриге а...

Литературное наследие**Михаил Лохвицкий**

Михаил Юрьевич Лохвицкий (1922–1989) – писатель, редактор, журналист. Участник Великой Отечественной войны.

Дед писателя, Закир Аджук-Гирей, адыг (черкес-шапсуг), в двенадцатилетнем возрасте потерял родителей, которые были убиты при защите родного аула от царских войск. Закир был усыновлен поручиком Пригарем, при крещении получил имя Захарий, а отчество и фамилию от крестного отца – штабс-капитана Петра Лохвицкого... Не правда ли, у чеченского читателя сразу всплывает в памяти история другого мальчика той же исторической поры – будущего художника-портретиста Петра Захарова, который так же, при уничтожении чеченского аула Дады-юрт, в возрасте трех лет, был найден в объятиях убитой матери и впоследствии взят на воспитание казаком Захаром Недоносовым.

В своем наиболее известном произведении – исторической повести «Громовой гул», где повествование ведется от лица царского офицера, перебежавшего на сторону горцев – Михаил Лохвицкий показывает трагедию горцев и жестокость колониальной политики царской России на Кавказе. Повесть была высоко оценена современниками. Так, Юрий Трифонов писал: «Это настоящая историческая повесть с глубоким проникновением в эпоху, время, колорит и – в людей». Кстати, дед Закир в повести является прототипом героя, который носит то же самое имя – Закир. В этом номере журнала мы предлагаем читателям фрагмент из повести «Громовой гул».

Громовой гул

Отрывок из повести

Здесь, среди гор, где постоянно течет врачующая душу тишина, такая, что можно услышать даже чужие мысли, с особенной силой ощущаешь Бога или вечность. Помногу и несуетно размышляя, озираясь на историю, я недавно озадачился тем, что при всей грязи, срамоте и преступлениях, о которых кричат минувшие века, люди создали столь много прекрасного, неумирающего. За противоречивость сию я уцепился, как за спасительную соломинку. Раз борьба добра и зла извечна, – подумал я, – коли зло и добро постоянно сталкиваются, можно, сопоставляя разные времена, увидеть, что каждая ненависть и каждое зло остаются в своем времени, а добро, любовь в разных обличиях, в том числе в образах искусства, особо включая сюда изящную словесность, – переходят из сегодняшнего дня в завтрашний, становясь спутниками новых и новых поколений. А коли так, каждый из нас волен избирать для себя один из двух путей – либо, неся в душе своей зло, умирать вместе со своим временем, либо продолжать вечно жить в добре...

Охватив взглядом все одновременно – тахту со спящим Закиром, над которой висел пестрый ковер и очаг с дымарем, откуда шел запах вареного мяса, и лучину, бросающую дрожащий свет на полку с книгами, с таким трудом добытыми мной, и сияющие глаза жены, – я понял, что никогда еще

по-настоящему не понимал: вот это и есть самое главное и единственно ценное в моей жизни. Мне лишь казалось, что я позабыл о Зайдет, на самом же деле она была во мне, была со мной, подобно тому, как в человеке бьется сердце и дышат легкие.

Потом, боясь разбудить Закира, я перенес в комнату Зайдет столик. Мы ели все, что она приготовила: вареное мясо в густом перечном соку, и курицу с грецкими орехами, и кукурузную кашу с расплывающимся сыром, запивая еду прохладной водой. Я отрывался от еды лишь для того, чтобы похвалить жену. Пока она прибирала со стола, подошел к тахте, на которой спал Закир, и поправил на нем бурку. Он что-то пробормотал, я уловил лишь «Якуб» и подумал, что он любит меня, если видит во сне, и что я тоже люблю этого живого, как форель в речке, мальчишку, взятого мною на воспитание не во имя обычая, по обоюдному выбору. Закир снова заговорил. Я наклонился к нему – теперь он звал мать...

Луна уже зашла. На востоке бледно розовело небо. Аджук и Зара, он с винтовкой в руке, она с ружьем за плечом, стояли у плетня. Возле них подпрыгивала, что-то приговаривая, Биба. Зара сердилась на нее.

– Идем, – сказал я Зайдет.

Пока она одевалась, я принялся расталкивать Закира. Непробудчивый, он не хотел просыпаться и поднялся только после того, как я сказал ему в ухо, что его зовет отец. Зайдет вышла вместе с ним, а я посмотрел на полку с книгами. Там лежала и тетрадь, в которую я записывал народные предания, обычаи, большие и малые события, свидетелем которых мне довелось быть. Вдохнув, я взял винтовку и прикрыл за собой дверь.

Лица у всех были бледными от предрассветного неба. Закир зевал во весь рот. Зара по-ястребиному сердито поглядывала на Бибу, Аджук стоял молча, опираясь на винтовку. Зайдет зябко поежилась от сыроватого ветерка, – я сказал, чтобы она сходила в саклю за буркой. И Аджук, и Зара, и все остальные напоминали людей, собравшихся в дорогу, стоящих у постоялого двора в ожидании коней.

Мы решили отправить Зайдет, Бибу и Закира за аул, чтобы они спрятались в малиннике, возле сосновой рощи, он был в стороне, и обстреливать его вряд ли станут. Я посмотрел на осунувшееся лицо Зайдет. «Возьми меня, – умоляли ее глаза, – возьми меня с собой».

– Ты последишь за Бибой и Закиром, – заставил себя сказать я. – Ждите нас там.

Она покорно кивнула, взяла Бибу и Закира за руки и повела их за собой. Я видел их словно в тумане.

Пушка, которую я видел вчера в биваке, молчала, по-видимому, джигитам, которых вчера послал Аджук, удалось сбросить ее в водопад. Но ружейные выстрелы вдруг послышались и с другой стороны аула.

Вместе с Аджуком, Зарой, Салихом и еще несколькими воинами мы спустились по склону ближе к броду и залегли цепью. Я лежал за бугорком. Слева, укрывшись в мелком кустарнике, тщательно прицеливаясь, стреляли Аджук и Зара. За рекой мелькнул Гайворонский. Он что-то кричал и размахивал руками, наверно, поднимал солдат в атаку. Я догадался, что солдатам, узнавшим об окончании войны, вовсе не хотелось погибать в последний день ее, и они отлеживались, дожидаясь, чтобы огонь неприятеля ослаб. Как я потом услышал из разговоров, ни полковник Офрейн, ни другие офицеры не предполагали наткнуться на такое отчаянное сопротивление.

Кто-то с разбега бросился на землю и прижался ко мне. Это была Зайдет.

– Где Биба и Закир? – спросил я

– Я их спрятала. Солдаты вошли в аул, – тяжело дыша, рассказывала она.

– Ты не ранен?

– Уйди, – потребовал я, – сейчас же уйди!

Она посмотрела мне в глаза, и я обхватил ее рукой, на миг позабыв обо всем. Она тоже, казалось, не видела ничего и никого, кроме меня, однако минутой позже определилось, что от нее ничего из происходящего не ускользало.

Солдаты, недружно крича «ура», стали перебираться через речку. Некоторые падали, или осклизаясь на камнях, или убитые и раненые, и вода уносила их. Умолкали и ружейные выстрелы с нашей стороны – число защитников аула все уменьшалось.

– Стреляй, – возбужденно зашептала Зайдет, – скорее стреляй! Подходил наш черед. Прямо на нас бежало с десятков солдат и впереди всех фельдфебель Кожевников. Я прицелился в его широкую грудь, но не выстрелил – мне показалось, что он узнал меня и по-доброму ухмыльнулся.

Солдаты, остановившись, дали залп. Наши воины бросились на них с кинжалами.

Зайдет смолкла, опустив голову в траву.

– Ты что? – спросил я и отложил винтовку. Зайдет не ответила, я повернул ее на спину – она была мертва. Куда попала пуля, я так и не определил, потому что набежали солдаты и один из них дважды ударил меня штыком.

Дальше я то приходил в сознание, то снова проваливался в небытие. Кажется, я видел, как мимо меня пробежала Зара, а за ней Аджук. Где-то вдали снова кричали «ура». Кто-то тряс меня и что-то говорил, не помню, по-шапсугски или по-русски. Открыв глаза, я увидел дымы над саклями. Из сакли Аджук отстреливались. Впрочем, оттуда, с бугра, я не мог это видеть, наверно, увидел потом, когда дополз до своей сакли. Для чего и куда я потащил с собой тело Зайдет, не знаю. Я мучился тем, что, не пощади я фельдфебеля, Зайдет осталась бы живой, во всяком случае там, у речки, пуля могла не попасть в нее, и, значит, это моя вина, что ее убили, я должен был защитить свою жену, но не сделал этого, а она прибежала ко мне, чтобы разделить мою участь... Помню убитого Шумафа и плачущую возле него старуху Сурет. Вижу в воспоминаниях, как горела наша сакля и как Куйжи, вырвавшись из конюшни, поскакал, спасаясь от бегущих за ним солдат. Другие солдаты, торопясь, рубили цветущие фруктовые деревья. Помнится, что лежавший рядом с убитой Зарой Аджук вдруг вскочил и ударил в бок кинжалом стоявшего неподалеку от него молодого солдата, а остальные кинулись на Аджук и принялись бить его прикладами и колоть штыками. Потеряв где-то Зайдет, наполоз на Едыге, лежавшего у дороги с изможденной головой. Наверно, это было на самом деле – трудно теперь отличить действительность от того, что мерещилось в горячке. Мне необходимо было снова сыскать Зайдет, и я, полуослепший, ползал по земле, натываясь на какие-то препятствия – на камни или на мертвые тела, сворачивал и полз дальше, для передыха поворачивался на спину, а надо мной клубился по небу черный дым. Совсем рядом трещал огонь, языки его лизали мне волосы, обжигали лицо и руки, однако боли я не ощущал, лишь запах паленого опалял ноздри, и я кашлял, задыхаясь от дыма, застилавшего глаза. Кто-то заиграл на шичепшине¹. Вдали возникли Озермес и Чебахан. Плывая над землей, они удалялись от горящего аула, и горы расступались, давая им дорогу к озаренным солнцем снежным вершинам... Потом увидел склоненного надо мной Кожевникова, он сипло повторял:

– Ваше благородие, а, ваше благородие!

Очнулся я от тряски, боль отдавалась в груди, на чем-то меня везли – на повозке или на верховой лошади. Тут же потерял сознание и снова пришел в себя оттого, что на лицо мне падали холодные мелкие капли дождя. Я лежал на шинели возле большой серой палатки, из которой доносились громкие голоса. Кто-то вышел из нее, остановившись неподалеку от меня.

– Поглядите, господа, какие густые тучи закрывают горы.

– Это потому, ваше высочество, – произнес другой голос, – что горам тяжело смотреть на покорившую их рать.

– Браво, граф!

– А как наш раненый герой? Поставьте носилки так, чтобы он мог видеть церемонию.

– Солдаты нашего батальона, ваше императорское высочество, предлагают понести поручика на руках. – Мне показалось, что это был голос Офрейна.

– Не слишком ли он слаб? Что говорят лекари?

Мне приподняли голову и подложили под затылок что-то мягкое.

– Господин поручик! Вы слышите, господин поручик? Великий князь изволит...

Я поднял веки и увидел знакомое по портретам лицо великого князя Михаила, у него был такой же покатый лоб, как у брата, на грудь ниспадала пышная широкая борода, из-под мохнатой казачьей папахи на меня с участием смотрели холодноватые красивые глаза.

– Как ваше самочувствие, поручик?

Я понял, что мне не мерещится и что я действительно лежу в ногах великого князя и его свиты. Хотел сказать что-то, в груди заклокотало, я откашлялся и обрел голос:

– Вы людоубийца, – сказал я, с ненавистью глядя на здоровое, холеное лицо великого князя, – вы застрелили мою жену...

– Он бредит! – испуганно воскликнул кто-то.

– Я был не в плену, – продолжал я, – а вам всем позор, убийцы!..

Силы оставили меня, а когда я снова очнулся, уже шел молебен. Солдаты стояли, обнажив головы. Возле аналоя развевались на ветру приспущенные знамена, службу несли несколько священников. На холме виднелись великий князь с генералами, а внизу, у холма, расположились офицеры и солдаты – георгиевские кавалеры. Хоры пели: «Тебя, Бога, хвалим», гремела, отдаваясь в горах, орудийная пальба, били барабаны.

Великий князь радовался тому, что отныне он войдет в историю как прославленный полководец, офицеры радовались победе и наградам, нижние чины были рады, что закончилась наконец война и они остались живы. Все было весело, парадно, а на деле это не парадом являлось, а панихидой по исчезающим шапсугам и убыхам.

Возле меня никого не было. Дождь перестал моросить, в просветах между туч загорелся солнечный свет. Великий князь объезжал на коне войско, повторяя:

– Именем государя-императора благодарю вас, молодцы, за трудную, честную и верную службу!

Я увидел церемониальный марш, услышал затем, как за обеденным столом великого князя хлопали пробки от шампанского и провозглашались тосты. Кто-то громко диктовал телеграфическую депешу царю: «Имею честь поздравить ваше величество с окончанием славной Кавказской войны точка отныне не остается более ни одного непокоренного племени точка сегодня отслужено благодарственное молебствие в присутствии всех отрядов...»

Через день меня отвезли в Гагринское укрепление, положили в лазарет и стали лечить. Я не удивлялся, зная, что таков наш гуманный закон – даже приговоренного к смерти человека сперва подлечат, если он болен, а потом уже набросят ему на шею смазанную мылом петлю. Удивился днями позднее я иному, а именно тому, что лекари пользовали меня ровно бы значительную персону. Я осведомился о причине столь непонятного внимания к моей особе. В ответ услышал, что таково распоряжение самого главнокомандующего. Я с озлоблением подумал о лживости великого князя, выставлявшего напоказ свои сердобolie и великодушие. Владыки мира сего – актеры, к тому же препаршивые.

Я услышал, кроме того, что, несмотря на громогласное объявление об окончании войны, сражения еще происходят – продолжают отбиваться хакучинцы. Будь я в состоянии двигаться, постарался бы сбежать к ним. Но

меня сжигала лихорадка. А когда я оправился, с последними защитниками аулов было покончено.

Однажды, проснувшись после дневного сна, я увидел подле своей койки не кого другого, как Офрейна. Я уставился на него, как на привидение, а он мирно улыбнулся и осведомился о моем здравии.

– Явились, дабы сопроводить меня в острог? Какая честь! – сказал я.

Он, не обидевшись, заговорил. Я ушам своим не верил. Он сказал, что мне после лазарета дадут отпуск, и, быть может, позволят продолжить службу.

– Как сие понимать? – спросил я.

Он снова ласково улыбнулся, притворно не замечая моего озлобления, и принялся объяснять. Говорил он вкрадчиво, не очень вразумительно, почему-то изъюлился весь. Я долго не понимал, но наконец уразумел, что мне всего лишь предлагается принять прощение. Короче говоря, из меня хотели сделать мерзавца. То, что называется изменой, кого-то, возможно, самого великого князя, не устраивало. Русская армия не должна была иметь офицера-изменника. И чтобы его не иметь, мне все прощалось, а дабы я не изволил упрячиться, мне за мое молчание предлагались карьера, деньги, всякое благоволие начальства. Вспомнив, как подобного рода соображения искушали меня возле бивака, я взорвался и в ярости принял осypать Офрейна руганью, требуя, чтобы он убрался. Но он только моргал своими свиными глазками и продолжал неподвижно восседать на табурете. Потом что-то сказал. Смысл сказанного им не имел значения, ибо в конце концов я все равно ударил бы его. Не знаю, откуда только силы взялись. От моей оплеухи Офрейн упал.

Не стану затягивать повествования. Я заставил их осудить себя. И все же на каторгу меня не отправили, приговорив лишь к бессрочному поселению в Сибирь.

На днях уеду в Енисейск и, получив нужные бумаги, покину эти места. Как уже указывал, хочу попытаться отыскать следы Закира и Бибы. В ущелье, где находился аул, вряд ли стоит подниматься – наверно, там за десять с лишним лет все заросло буйными травами.

Иногда я вспоминаю улыбку своей любимой, иногда слышу ее голос. Чем дальше годы относят меня от нее, тем сильнее осознаю свою потерю. Никого уже я не полюблю, как Зайдет, и никто не полюбит меня, как она. Бывает, в воображении я подозреваю, что Зайдет была без сознания, и я посчитал ее умершей. На деле ошибиться было невозможно – когда я волок Зайдет куда-то, тело ее захладевало. Догадываюсь о причине своих сомнений – Зайдет была моей женой, но могла и не стать ею. И ее, и Зару, и многих других дочерей шапсугов природа сотворила красавицами. Так можно ли примириться с тем, что красота была убита, что красоту будут убивать вновь и вновь? «И были люди только единым народом, но разошлись». Часто вспоминаются мне эти слова. Несколько дней назад, во сне, я пытался выбить стекло в окошке, крикнуть людям, находившимся за толстыми бревенчатыми стенами избы, о том, что они должны узнать друг друга, но стекло не поддавалось, я лишь поранил руку и проснулся от душевной боли...

¹ Шичепшин – подобие скрипки.

Мадина Сакаева**Дилхира, дилхира 1алам**

Дилхира, дилхира 1алам,
Толамца хыйзара бала.
Дилхира, дилхира дегнаш,
Ца оьшуш тийжарна дешнаш.

Дог хилла иккхира латта,
Т1аьхьа хьажа дацара атта.
Куьйра а дисира латта,
Ницьк боцуш т1ам тоьхна г1атта.

Ткьа синош кхойкхура т1аьхьа –
Къастаран чам бара къаьхьа.
Кийра а боллура эккха,
Стигла а яцара екхна.

Дохк дара тилаеш оила,
Хьерчаеш мара сан эвла.
Чилла а буйсанца къуьйсусш,
Лайн чимаш дара т1е кхуьйсусш.

Букар дарц хыйзара луьра,
Беснеш т1ехь хиш сецош дурьа.
Ц1ийзачу махах д1аййна,
Беран аз хезара г1ийла.

Буйсанан тийналла ят1ош,
Хезначийн кийра а багош,
Ненан мохь белира шийла...
Дацара амал и кыйла.

***

Х1ай, къона т1аьхье,
Ларбе вайн наной!
Къоьжачу лаьмнех
Тарбелла къаной!
Ма хета цхьанна а
Нехан бер хийра.
Багийта массарна
Цхьатерра кийра!

Со кхоьру...

Со кхоьру Нохчийчов
ийсарна цхьалха.
Тезет а х1отгарна да воцуш хьалха.
Я малхехь 1илларна
стаг воцуш йолла.
Башлакх а йисарна да воцуш кхолла.

Со кхоьру «х1ай» аьлча,
дуьхьал – «х1ов» доцуш.

Йисарна хан яьлча
лулахь стаг воцуш.

Со кхоьру п1ендаг1а
тоьхна кор дарна.

Со кхоьру 1индаг1а хилла стаг варна.

Со кхоьру мостаг1о баккхарна барч...
(Доттаг1а, елахь со, елахь ахь харц).

Со кхоьру паналлехь
нохчийн къам дарна.

Со кхоьру сий дайна
нохчийн мотт барна.

2002 шо

***

Можа б1аьрг, корак чу хьежош,
Хьоьжура бутт оила кегош.
Буйса а яхара яьлла,
Д1айижа, йо1 тховса, аьлла.

Амма дог дацара теме,
Хьоьжура йиллинчу хене.
Ойла цо йинера хийла,
Амма хан йоьдура г1ийла.

Кхечи к1ант, ц1еран суй хилла,
Деллачу дешан да хилла.
Хьоьжура бутт рег1ан дукъара,
Хеташ ша кхолламна юкъара.

...Дог1ур ду и хаза денош,
 Безамах дуьзна дог делош.
 Батто а дийр ду шен нека...
 Наб яйна илли а дека.

Сан Собыжа-г1ала

Хьан г1алин урамаш –
 Сан деган пхенаш.
 Дагчохь ю бераллин
 Д1аихна хенаш.
 Лоху ас хаза дош
 Хьох илли ала.
 Ехийла дог хьобстуш,
 Сан Собыжа-г1ала!

Хьан суьйре тийна ю,
 Соб йойтуш ойла.
 Со хьобца ирсе ю,
 Хьан во ма гойла.
 Безамах юьзна ю
 Сан хьоме г1ала.
 Хьо дагна еза ю,
 Сан Собыжа-г1ала.

1аламо безамца
 Хьо мара кьуйлу.
 Аса хьо даггара
 Деле вайн кхуйлу.
 Яхалахь маршоне
 Бобду некъ лобхуш.
 Со хьобца ехар ю
 Хьо хилар доьхуш.

Хьан ирсе адамийн
 Кхелина яххьаш.
 Нур догуш хьал кхийда
 Момсарин баххьаш.
 Яхалахь, дицдина
 Д1адевлларш, г1ала.
 Со хьобца ирсе ю,
 Сан Собыжа-г1ала.

***

Мамакаев Гарбина

Ахь мелла Терк муьйлуш
 Бузийра кийра.
 Хьо лелла лар хьобшуш
 Лелла хир хийла.

Тулг1енийн сеттарца
 Терко ч1уг егташ.
 Хьан байтийн чаччамаш¹
 Яра дагах леттарш.

Заманан халалла
 Ахь тхобга кхийли.
 Хьан байтийн йозалла
 Ас дагчохь кхийли.

Седарчийн хьабттахь ас
 Хьан седа лийхи.
 Къизачу заманна
 Хийла кхел йийхи.

Цамгар а, зама а
 Хьох дага яла.
 1ожалла, ца сихлуш,
 Хьо юха яла.

Хеназа хьабда мерз
 Цкъа юха буоза.
 Аланза дисна дош
 Цкъа юха туса.

¹ Чачам – дробь (для стрельбы).

Муса Шамсадов

Партин картолаш а, хьюьнан хьякхарчий а

Дийцар

Китайн къилбаседехь йолчу цхьана провинцехь, лаьмнашкахь, цигарчу компартин ХХХ-чу съездан цIарах цхьа колхоз яра, нийса аьлча, цхьа декъаза пал бара-кх, кхин а нийса аьлча, шайтIанан пал – елла дIа а ца йолуш я чу садеьна когаш тIе а ца хIуттуш, дIадийча ялта а ца хуьлуш, даьхнашна тIаьхьа докхуна а ца кхуьуш, котамаша хIоаш а ца деш. И сурт хIуттура колхозан бухгалтера Iарждечу кехаташ тIехь, амма бакъдолу хьал данне а иштта дацара. Ялта а кхуьура, къаьсттина тонка, жа а, хьелий а дехкаш дара, котамаш тIетаьIина хIоаш деш а яра. И дерриг а дууш кхо стаг вара: колхозан куьйгалхо Ши Гай Ду, коьрта бухгалтер Ца Ву Зу, коьрта экономист Ме Цалг Ву. Уьш вуон Iаш а бацара.

Ткъа колхозан белхалой царах йиссина цуьргаш лехьош, халла хене бовлуш бара. Уьш тIаьхь-тIаьхьа къелуш, тишлуш боьлхура, шайн колхозах терра. Ткъа лакхахь цIераш яьхна кхо хьяькам, хьал талуш, версташ, вортанаш стамлуш, гайш даккхий хуьлуш вехара. Цхьана мискачу белхалочо: «Тхуна а ма еза я-мала, цхьяжимма рицкъа тхуна а кхачийтахь» аьлча, Ши Гай Дус жоп деллера: «Шу юкъа ца гIертахь кхаа стагана яьал хIума яра хIокху колхозехь».

И хьал ца гуш дацара лакхара Iедал, амма царна мегаш дара иза. Лакхахьберш а бара шаьш юуш, Iедалан бахамах шайн кисанаш а дузуш Iаш. Цара латтош бара лахарнаш а. Уьш цхьана кетаран мезий санна, цхьана системехь бехаш бара, нахана хаза хабарш а дуьйцуш, къайлахь шайн боьха гIуллакхаш а деш. И дуккха а шерашкахь иштта схьадогIуш а дара.

Цхьана бIаьста, 19.. шарахь, картолаш ен дагадеара колхозан куьйгаллина. ДIатоьхна, схьатоьхна хьесапаш а дина, и гIуллакх сане а лерина, банкера кредит а эцна, цхьана ломан басахь бIе гектар хиллал латта а аьхна, картолаш дIаен кечбелира уьш. Оцу дIадолорах цхьа а пайда хир боций хууш волу колхозан парторганизацин куьйгалхо Суп Янь Ли дуьхьал вара картолаш ерна. Цуна шена хетарг дIаэлира цо колхозан куьйгалхочуьнга Ши Гай Дуга:

– Вай эрна харж йийр ю, эрна къа а хьобгур ду. Хьун юххехь йолчу басахь картолаш дIаехь, уьш хьякхарчаша юур ю. Цул а гIолехь хир ду дIаюьйш къа а ца хьобгуш, араь охьа а йоьхкина картолаш хьякхарчашка дIаяийтича.

– Хьо хьера-м ца ваьлла!?- цецвелира Ши Гай Ду.

– Ца ваьлла. Вайн лаьмнашкара хьякхарчий цхьа а мотт хууш яц. Шаьш мел юьзна хилча а хIуьттаренна зенаш до цара. Хьуна дика ца евза вайн хьякхарчий! – жоп делира Суп Янь Лис.

– Уьш яжо вай Iу хIоттор ву-кх, доккха алапа а луш, кара герз а делла.

– Хехо ала гIертий хьо? TIаккха харж кхин а алсам ер ю. Вай пхий хехо хIоттавахь а хьякхарчий Iийр яц шайн болх ца беш. Вайн хьякхарчий ца евза хьуна? Масийтта шарахь картолаш а, хьяьжкIаш а йийна вай. ХIун пайда хилла вайна? Изза хир ду-кх кху шарахь а.

– Ца хилча ца мега иза иштта?

– Хьякхарчий хийцаелла моттуш-м вац хьо? Хьалхалера хьякхарчий ю-кх уьш. Цхьа шо я итт шо хьалха хилларш...

– Вайн хьомечу компартин генеральни линия дIадаха дезаш ду-кх вай, и вайна лаахь а ца лаахь а. Юьртбахаман сурсаташ алсам а дохуш, кхетош-кхиоран болх а беш...

– Вайга партис хъуьнан хъакхарчий кхаба ца боху. Вайн вешан а ю... вайн ахархой бу даа дезаш а мала дезаш а...

– Хьо уггар хьалха кхетош-кхиоран болх бан безаш ву. Адамашна партин политика д'айовзийта а, масал гайта а деза ахь. Бахаман г'уллакхашна юкъя ма г'ерта...

– Хъакхарчашна партин политика а я кхетош-кхиоран болх а ца оьшу. Царна ях'лума еза. Цара картолаш юур ю... Хьуна вайн хъакхарчий ца евза?

– Х'лаь, евза! Карахь топ а йолуш стаг шайна д'уьхьалваьлча уьш юхаевр ю. Суна лакхара схьаелла план ю. Со партис т'едиллина декхар кхочуш ца дича ца волу. Картолаш д'лаен а еза, ларьян а еза, лело а, гурахь чуерзо а еза.

– Гурахь хиндерг суна дукха шера гуш ду. Вайн хъакхарчий ца евзаш санна д'уьйцу-кх ахь!

Цхьа а шечунна т'ера ца волуш д'асакъаьстира и шиь.

Оцу хиллачу къамело х'лумма а ца хийцира. Партин генеральни линис ма-баххара, колхозо картолаш д'айийра. Хехо а х'лоттийра. Цуьнга топ а елира, шозза йолург, патармаш а.

Шен дакъазалла оцу балха веанарг вара цхьа къен ламаро Яхь Син Цзин. Ялх бер когаш т'ех'лотто г'ерташ хала лол бетташ воллура и пекъар. Ши б'е юань алапа дара цунна х'лоттийнарг. Къечу доьзална дика г'ло дара иза. Дара, нагахь санна, д'адолийнарг дика чекхдаьлলেখь. Амма оцу белхан чаккхе вуно лазама хилира мискачу стагана а, цуьнан доьзална а.

Латта аьхначу д'уьйна, цуьнца ч'лог'ла бала болуш, кеста-кеста цига йог'луш, окхуш, ях'лума лъхуш яра хъакхарчий. Дийнахь картолаш д'айийча, бода боллалц собар а дина, буйсанна кха т'е яьхкира уьш. Шайга яа мел ло картолаш а йиьна сахуьлуш бен д'ла а ца яхара. Цул т'лаьхьа цхьа а буйса т'ех ца йолура хъакхарчий кха т'е ца йог'луш. Уьш ч'лог'ла самукъадаьлла а яра оцу балхах.

Хехо шен буйна чохь лара, нагахь араволуш мохь а тухуш, топ а кхуссуш. Ткъа хъакхарчий оцу г'ловг'ланех х'лумма а оза ца луш, дехьа аг'лор т'е а йог'луш, шайн «болхбеш» яра.

Т'едало акхарой (царна юккхехь хъакхарчий а яра) ларьян кара герз а делла, алапа а луш, х'литтийна егерш бара районехь. Цхьана дийнахь церан хъаьким Зу Лам Бек веара хехо волчу, буйсана колхозан кха т'ехь д'уьйлу герз хезнехь а я цхьаммо мотт тоьхнехь. Цо хехочуьнга д'лахьедира хъакха ен мегар ца хилар а, нагахь ехь пхи б'е юань г'луда тухур хилар а.

Т'едало ч'лог'ла лакхара мах хадийнера хъакхин. Я Зу Лам Бека шегара аьлла хила а мегара, хехо кхерош, цуьнга ша йийначух шена дакъа дайта. Стаг вийча а ца дора Китайхь кхин д'логара т'ехдаьлла талзар. Иза иштта хиларан бахьана дара цигахь адам дукха лалар а акхарой к'езиг хилар а. Яхь Син Цзин ч'лог'ла кхеравелира шен карах ца хууш топ яьлла а хъакха яларна. Цундела цо кха долчу аг'лор а ца ерзош, кхечу аг'лор а ерзайой кхуссура топ. Шега д'лааьблалчух тешаш, дагахь х'лума доцуш, адамиин х'илланах, шалхенах ца кхуьш стаг вара иза. Цунна к'лайнг к'лайн а, л'аьржаниг л'аьржа дуй а хаьара. Иштта цунна хаьара мацалла хала юй а, гай чу х'лума ца йиллича цунах к'елелхьара ца валалой а. Амма хехочунна ца хаьара ша х'лора буса ши хъакха юьйш, царах цхьаь Зу Лам Бекана д'лалуш хилলেখь, акхаройн г'ларол б'лаьрзе а, къора а хилла, бага хи а л'аьцна л'ийр долуш хилар.

Акхарой лардан х'лоттийнарг, царна, акхарошна, ч'лог'ла ямарт вара. Цунах санна акхарой кхера а, лардала а дезаш цхьа а стаг а, цхьа а лазар а я кхерам а бацара йоккхачу Китайхь. Зу Лам Бека дийнахь кхузза дуура доттуш, кхехкош, кхорзуш акхачу хъакхин, чан, хьехан, текхарган, ч'леран, лекъан жижиг. Ткъа иштта лов а. Керла а, дакъийна а, берамала диллина а – кхаа а тайпана жижиг цкъа а д'лахедаш дацара цуьнан ц'ла чуьра. Зу Лам Бекан куьйга к'еллахь болу белхалой (верриг а пхийтта стаг) дийнахь а буса а толлуш бара хъуьнхахь а, лекхачу ломахь а шайн хъаькамна ижу лохуш. Церан оцу т'ехь аьтто а хуьлура.

Йийначу х1уманах царна а кхочура дакъа, цундела уыш каде хъавзара шайна т1едиллина г1уллакх кхочушдеш. Зу Лам Бек ша цхъаь вацара дерриг а дууш. Цуьнан райкомера, обкомера, райисполкомера, милицера, кхин а иттанхъара даккхий гайшдерш бара бузош. Царна дайна мегаш дара акхарой шайна луучу барамехъ, ткъа мискачу хехочунна дихкира цхъа хъакха ер а. Нагахъ санна и далатохар хиллехъ хехо а, цуьнан доьзал а мацалла баларна кхерам болуш хъал дара.

Хъакхарчашна маршо елира. Цара к1езиг тергалвора хехо а, цо стигала кхуйсу топ а.

Оцу хъоло ч1ог1а холчу х1оттийра Яхъ Син Цзин . Хъакхарчий х1ун дина къахкор яра техъа бохуш, даим а ойнаеш волчу цунна дагадаера цхъа х1ума.

Серан т1е аьчкан г1утакаш, тиша куршканаш, кедаш тийсина, цхъа б1е метр хиллал «кочар» а дина, иза озийна шина бог1амна юккъехъ х1аваэхъ ч1аг1дира цо. Сара меттахъаккхича инзаре йоккха г1овг1а г1оттура колхозан кха т1ехъ. Маьрк1ажал т1аьхъа бода боьлча, д1айолалора цигахъ цхъа ша тайпа «концерт» – вовшах йоьтгучу эчигийн г1овг1ий, юкь-юкъя юьйлу топий, хехочо хъоькху моххий. Оцу г1овг1анахъ цецдевлла, къаьхкина массо а олхазар а, эхха а (цхъа хъакхарчий йоцуурш) дукъал дехъа девлира. Шолг1ачу шарахъ бен юха а ца даькхира. Хъакхарчий оцу тайпанчу г1овг1анехъ кхерайла дагахъ а яцара.

Шена г1одар доьхуш, колхозан Правлене кехат яздира Яхъ Син Цзина. Кхин а ши хехо т1е ца тохахъ ша ларош вац, хъакхарчий эхъ дайна лелаш ю, аьлла хаам бира цо..

Колхозан куьйгалла хехочунна т1едиллира само яр а, картолаш 1алашъяр а. Цунна г1онна шиъ ж1аьла а делира. Нагахъ санна ха ледара дахъ зен мета х1отто дезар ду аьлла д1а а хъедира.

Амма г1уллакх жимма а то ца делира. Ж1аьлеша «г1алх» бахарх, хъакхарчий юха ца евлира. Гурахъ чуерзийна картолаш д1айийначул дуккха а к1езиг яра. Хехочун бун юххехъ ерш йисинера, ткъа цунна б1е метр генахъ цхъа а барз бацара схаахка.

Колхозан Правлене суьде велира хехо, балха т1ехъ ледарло йина, цуьнан бехкена колхозана ялх б1е эзар юань зен хилла аьлла.

Г1ийла г1елвелла доьхначу дагца вахара Яхъ Син Цзин суьде. Шен бехк ца хилар гайта ша яздинчу кехатан копи а, дассийначу патарманийн гали а даьхъира цо. Шена теш х1отта ши ж1аьла а дигира, амма и шиъ суьдан ц1ийна чу ца дитира. «Х1ара колхозан божал дац, лоруш йолу суд ю!» – элира ков лардеш волчо.

1уьйрана итт даьлча д1айолаелла суд делкъахан хилале чекхъелира. Башха хала а ца хилира суьдана хехочун бехк къасто. Дерриг а шера гуш дара – хъакхарчий бехке яцара. Уыш шайн хъуьнхахъ маьрша лела йисира нехан ялташ дууш ерсташ, дебаш. Ткъа миска хехо ялх шо хан а тоьхна Китайн къилбехъарчу цхъана провинце хьун хъакха д1ахъажийра.

Вай юьйцуш йолчу колхозо оцу шарахъ а кхочуш йира картолаш кхиоран план. Кехаташ т1ехъ. Банкера кхин цхъа кредит а даьккхина, нахера схаэцна, кхечу кха т1ехъ йийна яра аьлла кехаташ а кечдина. Партист т1едиллина декхар кхочушдан дезаш дара х1уьа дина а. Юха и картолаш яхкаелла аьлла акташ а х1иттийна, кхо дакъа а дина, шайн ц1а яхъири колхозан хъаькамаша.

Иштта ехаш яра Китайн компартист ХХХ-чу съездан ц1арахъ йолу колхоз. Ехаш аьлча а яла сауьйзуш. Елла д1а аца йолуш. Цунна чохъ са латтошьберг коммунистийн система яра. И система дийна мел ю лийр йолуш колхоз а яцара. Амма г1уллакхаш сихха хийца ца лахъ и ший а яла дукха хан-м ца йисна.

Моя судьба – занесенный меч,
Выкованный древним мастером
Из Дамаска...
Мое сердце – маска!

Моя улыбка ничего не стоит...
Она сверкает,
Как шпага заядлого дуэлянта,
И я не настолько богат,
Чтоб отказаться
От этой маски-улыбки.

И она не делает меня богаче,
только – Вас!
И я роняю улыбки,
Как лепестки цветов
Перед царственными особами...

Так будьте достойны
Моей жертвы –
Я вечно прячусь за ней...

Лишь ночью, когда уснет даже комар,
Насытившись моей плотью,
Я снимаю маску,

И слезы падают водопадом
По щекам,
По груди,
Задышающейся от боли...

По сердцу, готовому разорваться,
Если я разрушу чары маски...
К центру живота,
Там, где собирается нега любви
К Вам...
Тех, кого я любил,
Тех, кто жертвовал собой
Ради Истины.
Ради тех, кто отдал мне
Меч Искателя Истины –
И Улыбку Самурая.

А утром...
Мои слезы
Выпадают росой на рассвете,
Как вдохновение
Для уставших от слез,
Прячьте слезы...

И я надеваю маску –
Улыбку Духа, для тех, кто пал духом,
Солнечный луч для омытых
кровью своей и врагов...

Ее нельзя купить,
ее нельзя выпросить,
Ее невозможно выбросить.

Она защита от глупости,
От серьезности чрезмерной.

Я знаю, что никто
не нуждается в улыбке.
Но это мой долг Чести.

И я надеваю маску и прячу под нее
Свои не зарубцевавшиеся
кровавые раны.
Это будет последнее,
с чем я расстанусь,
Уходя из Солнечного мира.
Улыбка Вечности!

Саундтрек Вселенной

Вы не слышите?!
Неужели не слышите?..

Трагическая
Мелодия,
Несущаяся над миром живых...

Не теряя своих высоких тонов,
Пронизывающая звездные россыпи...

Запись всех вдохов и выдохов
Вселенских стихов.

Это саундтрек,
Сопровождение хроники событий...
И Тому,
Кто поставил
Эту мелодию,
Уже известен Исход
Мелодрамы...
И я слышу в этой всеохватной,
Как молитва,
Мелодии
Разрушенные Храмы
Любви,
Государств,
Цивилизаций...
Человечества...

Музыка, скрытая за симфонией ветра,
За щебетанием птиц...

Она скрыта за грохотом прибоа,

Она таится за гулом сердца,
То влюбленного,
То гневного,
То плачущего от утраты,
То завидующего,
алчущей субстанцией Ада.

Эта музыка поставлена Тем,
 Кто находится вне постановки,
 Вне творения,
 За одеждами неорганических существ,
 За выбросами крови
 Миллионов сердец
     в каждую секунду Времени...

Эта мелодия делится
     на миллионы частей...

Одна мелодия – сверх всех мелодий,
 Звучит мелодией Конца Света...
 И потому пребывают в печали
     странной наши души.

Она то пронзительна,
     то все глуше и глуше...

Из-за ржавчины разбитых
     и покинутых сердец...

Разве таким должен быть конец
 Слушателей Симфонии Жизни?

Отвага и доверие –

Вот достойный венец...

Вновь и вновь куплет за куплетом –
 Доверие и отвага...

Прибой этой Мелодии Мелодий
 Падает в берега наших Намерений
 И разлетается брызгами
     на миллионы мелодий...

И потому каждого ведет
     своя собственная мелодия,

Каждого сопровождает
     собственная улыбка

В час смерти

Или... Маска Самурая...

Или саундтрек из Последних Могикан,
 Подслушанный непосвященным...

Вы не слышите?!!

Неужели вы не слышите?..

Музыка Вселенной Тесла

Они улетели,
 Уехали в праздничных
 Поездах.
 Умирили ночные качели...

Волны пели
 Монотонную прозу в стихах...

Я остался на своих
 Разбитых мечтах-островах.

Мне осталась музыка,
 Возрожденная

В цифровых
 Блоках
 Мобильного телефона.

Я оставил их
 За спиной.

Люди в пороках

И надеждах...

В расшитых одеждах

Для прогулок на бульварах...

Стремясь забыть образы
     многолетних кошмаров.

Мои любимые

Уехали в

Праздничных поездах...

Мое сердце тонет в слезах...

И звук классических мелодий

Не уводит

Меня,

Как раньше,

Во Вселенную Тесла.

Всего несколько минут

Для Тайны Вещей...

И... я вижу Будущее Музыки,

Сбросив маску Узника...

С души своей...

Музыка классиков

Станет подобна песне динозавров,

Воссозданных

Из нелепых останков...

(В пол-уха ощупываю пространство
 Поезда-праздника)...

Человек

Научится любить

Мелодию

Умиряющей природы,

Научится вытаскивать ген

И сращивать

Генокоды речей Слона

И стрекота цикады.

Они научатся делать

    монтаж плеска воды

Берега Оранжевой Реки,

Треска кислотных льдов

    на дальних планетах

И саундтрека из трелей соловья...

Скажи мне, как

Будет выглядеть музыкальный

инструмент Будущего?

Чехов Антон

Кеста-кеста журналан аглонаш тлехь оьрсийн а, французийн а, гуьржийн и. дI.кх. классикийн произведенеш нисло вайн гочдархоша нохчийн метта яьхна. Тахна оха шун кхеле дуьллу, олуш ма-хиллара, шатайна, оригинални, нохчийн поэта, яздархочо Абу Исмаиловс оьрсийн классикан, Антон Чеховн, гочдина дийцарш.

Хамелеон

А.П.Чеховн изза це йолчу дийцар тлехь суртхIоттор

Даьгьалоцушберш:

1. Очумелов, пурстоп
  2. Елдырин, городской (лахарчу даржера полицин белхахо)
  3. Хрюкин, дашопхьар
  4. Прохор, инарлин повар
  5. Баьргбаьлларг
- Адамын тоба, жIаьла

Сурт

Керла чоа а дуьйхина, карахь цхьа ларча а йолуш, базаран майданхула схьавогIу пурстоп Очумелов. Цунна тIаьххье гIулчаш йохуш ву хьаьрса Елдырин. Иза полицин белхахо ву. Цуьнан карахь ду, барз боккхуш кьакьамех¹ дуьзна долу, тускар... Тийналла ю гонаха лаьтташ... Майданахь цхьан а вац... Туьканийн, лабазийн неIарш гIаьттинчохь ю. Царна уллохь, ур-аттала, сагIадохуш бац.. Цеххьана схьахеца...

ХРЮКИН: Хьо катухуш дай-ца, боьха хIума? КIентий, дIа ма дахийталаш иза! Тахана каетта аьлла ма дац! Схьалаца и! А ..а!

ЖIаьлин цIовзар хеза. Кхаа куога тIехь кхийса а луш, цхьаьна кевнах араиэкхха жIаьла. Цунна тIаьхьауьду, кьорза коч а, силга а юьйхина волу цхьа стаг. ДIакхевдинчохь жIаьлин тIехьара ши ког схьа а лоцуш, берталкхиета иза. ЖIаьла цIевза. Туьканиш чуьра араькьиеда, набарна етта яхьаш йолу, адамаш. ГIеххьа йоккха тоба гулло.

МОХЬ: ДIа ма дахийта!

ЕЛДЫРИН: Шун оздангалла, кьиепе² талхайой-те!..

Очумелов тоба йолчухьа тIеволало. Аьтту куьг ирах а дахийтина, шен цIийх буьзна пIелг нахана гойтуш ву дашопхьар Хрюкин. Адамашина юккьехь диегош лаьтташ , кIеза лара мегар долуш, кIайн эр³ ду.

ОЧУМЕЛОВ: ХIун хилла кхузахь? Кхузахь хIунда? Ахь и пIелг стенна?.. Мила вара мохь хьобкхург?

ХРЮКИН: (лохха йовхарш тухуш) СхьавогIуш ву со, шун оздангалла, цхьа а ца хьиевеш... Митрий Митричца дагон дечиган хьокьехь.. юах цIеххьана хIара боьха хIума.. цхьан а бахьана а доцуш, пIелгах катухуш.. Аш суна бехк ма билла, со кьахьогуш стаг ву... Болх сан кегийрачу хIуманашца хуьлу... ХIара пIелг соьга цхьана кIиранах а меттахбаккхалур бац..Цундела суна ял схьаяла еза. Иза, шун оздангалла, законехь а дац, ишттачу дийнатех бала лан

биеза, аьлла... Нагахь санна, хIорамма иштта каеттар елахь, дуьненчохь ваха а ца оьшу...

ОЧУМЕЛОВ: *(йовхарш тухуш, цIоцкъамаш а сеттош, буюрса)* ПI-м! Дика ду! Дика ду! ЖIаьла хьенан ду? Ас хIара иштта дуьтур дац. Ас гойтур ду шуна жIаьлеш дола ца деш, дIа муха хеца деза! Цхьаболчу накъостийн тидам сацамаш кхочушбарна тIебахийта беза! Цкъа шена гIуда ма туьйххинехь, хуур ду боьхачу хIуманна, жIаьла а, кхидолу даьхни а, Iуналла ца деш хецна дитча, хIун хуьлу! Ас гойтур ю цунна Кузькин нана!.. Елдырин! ХIара жIаьла хьенан ду а хьажий парткол хIоттаде! Ткъа жIаьла хIаллакдан диеза. ХIинцехь! Хьердаьлла хила а мега хIара. Хьенан ду хIара жIаьла, боху ас?

БАЪРГБАЪЛЛАРГ: Инарла Жигаловн долчух тера хиета ...

ОЧУМЕЛОВ: Инарла Жигаловн? ПI-м!.. Елдырин, дIалацал сан чоа... ХIара йовхо! Йочана хила гIергачух тера ду... Цхьана хIуманаш ца кхиета-кх со. *(Хрюкингахь а вьрзуш)* Хьуна ка муха тохаелла оцу жIаьлига? Хьан пIелга тIе хьалакхочу и? Иза жима ду, ткъа хьо хIоккул воккха ву! Хьостам а Iоттабелла цIий даьккхина хир ду ахь. Цул тIаьхьа хьан коьртехь, ял яккха еза, аьлла ойла кхоллаелла. Хьо мила ву, хууш ду. Шу шайтIанаш дика девза суна!

БАЪРГБАЪЛЛАРГ: Шун оьздангалла, цуо забарна жIаьлин муцIарх сигаьрка Iоьттира. Ткъа иза Iовдал ма дац, цапъаьлла катуьйхира... Харцахьниг ву хьуна, шун оьздангалла!

ХРЮКИН: Аьшпаш буютту-кх ахь, бIаьргбаьлларг! Хьайн гина ца хилча, харцдерг ма дийца. Церан оьздангалла хьекьал кIоргера долуш ву, Далла гергахь бакълуьйриг а, харцлуьйриг къасто хуур долуш а ву... Ткъа нагахь со харц велахь, кхелахочуьнга къастадайтIа... ХIинца массеран бакъонаш цхьаь ю... Шуна хаа лаахь, сан ваша ву жандарман даржехь...

ОЧУМЕЛОВ: Къамел сацийта!

ЕЛДЫРИН: *(ойлане)* ХIан-хIа, инарлиниг дац иза. Церан ишттаниш дац. Дукхах дерш лартоллу жIаьлеш хуьлу..

ОЧУМЕЛОВ: Хьуна билгал бакъдолуш хаьий?

ЕЛДЫРИН: Бакъду, шун оьздангалла...

ОЧУМЕЛОВ: Суна сайна а хаьара иза-м. Инарлин жIаьлеш-м дикачу хIух а долуш, механа деза а долуш хуьлу. Ткъа хIара хIун ю а цахуург ю! Чо а бац, куц а дац. Цхьа бьоха хIума ю-кх. Муха лиелор ду иштта жIаьла?! Мичахь ду шун хьекьал? ХIара санна долу жIаьла Петарбухехь я Москвахь карадеьча хIун хир дара хаьий шуна? Цигахь закон а ца лоруш, сихонца садукъдийр дара! Ахь, Хрюкин, хьайна изшам хилла хиларе терра, хIара гIуллакх иштта ма диталахь. Кхието биеза! Тоьур ду...

ЕЛДЫРИН: *(ойлане а волуш)* Инарлин хила а мега.. Цуьнан муцIар тIехь яздина ма дац... ХьастагIа церан кертахь хIара саннарг гира суна..

БАЪРГБАЪЛЛАРГ: Инарлин хилар гуш ду!

ОЧУМЕЛОВ: ПI-м! Сан ваша, Елдырин, тIекхоллалахь суна и чоа.. Мох болуш лаятта вайна... Шелло со... Ахь и жIаьла инарла волчу дIадига. Суна кара а дина, ас схьадаладайтIина, ала. Кех ара а ма дийлиьта, ала.. Хьанна хаьа, иза мехалла жIаьла хила тарло. Нагахь санна, муьлххачу а хьакхано цуьнан меркIела сигаьрка Итта йолийча, талхо а гена дац. ЖIаьла, иза-м экаме дийнат дай! Ткъа ахь, тентак, охьадахийта и хьайн куьг! Оьшуш дац и дастаме пIелг дIаэхьа! Бехк хьайн бу!

БАЪРГБАЪЛЛАРГ: Инарлин повар вогу. Цуьнга хоттур ду вай! ХIей, Прохор, схьавоьл цкъа кхуза! Хьажал хIокху жIаьлига – шуьниг дуй хIара?

ПРОХОРО: Дагаь деьний! ХIара саннарш тхан цкъан а ца хилла!

ОЧУМЕЛОВ: Хетта а ца оьшу. ХIара да воцу йовссар ду! Кхин деха дийца а ца оьшу... Ас йовссар ду аьллекхь, хIара йовссар ду. ХIаллакдан деза!

ПРОХОРО: ХIара тхайниг дац. ХIара, кху деношкахь хьошалгIа веанчу, инарлин вешиниг ду. Тхайчунна эраш ца деза. Церан ваша ву эраш лелаш.

ОЧУМЕЛОВ: *(велакежжий, лела ша лаяттачохь)* Церан вашагIар баьхкина тов? Владимир Ивановичий? Хьажахь, сан Дела! ХьошалгIа баьхкина хIорш?

ПРОХОРО: ХьошалгIа...

ОЧУМЕЛОВ: Ватга, сан Дела!..Вешина сагатделла хилла-кх кхеран! Ткъа суна и хууш а дацара! ХІета, хІара церан жІаьбла ду-кх? ЧІогІа хазахета... ДІадига иза... Дика жІаьбла ду, ала хІума доцуш... Каде а долуш... Кхуьнан пелгах катоьхна! Хъа-хъа-хъа! ХІунда эгадо хьо? Р-рр.. Рр... ОьгІаздахна хьо, борзик.. *(Хрюкинна барт а бетташ)* Хъан болх-м ас бийр бу хьуна!

Очумелов дІавоьду.

Кирхъа

Пурстоп кхалхар

(А.П.Чеховн «Смерть чиновника» аьлла долчу дийцар тІехь суртхІоттор)

Дакъалоцушберш:

1. А.П.Чехов, автор
2. Иван Дмитрич Червяков, пурстоп
3. Бризжалов, статски инарла
4. Червяковн зуда
5. Театрехь болу хьовсархой
6. Инарла волчу, аьрзнаш а дахъаш, дехаре баьхкина нах

1-ра сурт

Театран зал. Хьалхарчу моГарехь Іаш ву инарла Бризжалов. ШолгІачу моГарехь нисса инарлина тІехьарчу гІентахь Іаш ву пурстоп Червяков. Шина а моГарехь Іаш хьовсархой а бу. Сценин аьтту аГІора гучувоу автор.

АВТОР: Цхъана тІех хаза еанчу суьйренца, ледара воцу экекутор Иван Дмитрич Червяков вара, шолгІачу моГаре а хіьна, турмал чухула «Корневилан горгалаш» цІе йолчу спектакле хьобжуш, гІадвахна, самукъадаьлла Іаш. Амма, цІеххъана... Дийцаршакх дукха хьолахь нислуш ду и «цІеххъана» бохург.. ХІун дийр ду.. Вайн дахарехь дагахьдоцург дукха нисло-кх.

ЧЕРВЯКОВ: *(ЦІеххъана цуьнан юьхь чІечІкъа, садеІар соцу, бІаьргаш а хьабдой, турмал а йитна, охъа а таьІий, хьоршам туху цо.)* Ап-чхи!!!

АВТОР: Хьоршам туьйхи-кх цо, шуна ма-гарра. Цхъанна а цхъанхъа а, хьоршам ма тоха, аьлла, дихкина ма дац. Муьжгаша а туху хьоршам, полицмейстера а туху, ткъа наггахь инарлаша а му туху хьоршам. Массара а детта хьоршамаш.

(Кхин баиша воха ца вухуш, шек воцуш, мерах йовлакх а хьокхий, ша гІиллакхе стаг хиларе терра, гондахъа дІаса хьожу иза: цхъанна а новкъарло-м ца йи-те ас?)

АВТОР: Эццахь, шуна ма-гарра, пурстоп вуьйхира. Цунна гира, шена хьалха Іаш волу, къена стаг.

(Гуш ву инарла, резавоцуш, гІам-гІим а деш, шен кІунзалах а, вортаных а кІайн кара хьобкхуш)

АВТОР: Къена стаг вевзира кхунна. Иза вара статски инарла Бризжалов.

ЧЕРВЯКОВ: Ас цинцаш туьйхи-кх цунна! Сан хьаькам-м вац и. Кхечеран хьаькам ву. Делахь а товш дац-кха. И кьинтІера ваккха виеза ас. *(Йовхарц а тухий, хьалгахъа а таьІий, инарлин лерехь шабарш до)* Бехк ма биллалахь, хъан сийлалла! Ас цинцаш туьйхи хьуна... сан ларамазан нисдели..

ИНАРЛА: ХІуммаъ дац. ХІуммаъ дац.

ЧЕРВЯКОВ: Делан дуьхъа, кьинтІера вала. Со..со и дан лууш ма вацара..

ИНАРЛА: Ой! ІадІехъа! ЛадогІийтахь спектакле.

АВТОР: Червяков вохна. Іовдал санна вела а кьиежаш, сцени тІе хьобжу и. Синкьерам дІабаьлла. Сингаттамо хьовзийна иза.

2-гла сурт

Театран фойе. Буфетан хьалхарчу стоъла юххехь чай молуш, лаьтташ ву инарла. Ийзалуш, жима го а туйсий, цунна тлевозгу Червяков.

ЧЕРВЯКОВ: Ас цинцаш туйхира хьуна.. Бехк ма биллахьара... Со-м , и хьовха...

ИНАРЛА: *(Резавоцуш лахара балда диегош)* Ой-т! Тоьур ду хьуна. Суна дицелла и. Ткъа юа карладохуш!

ЧЕРВЯКОВ: *(Ша-шега)* Вицвелла... Ткъа шен бӀаьргашчоь сох кхардар ду. Къамел дан а ца веша. Кхето везара и..Суна ца лууш, хилла, Иаламан гиллакх ду иштта. Хьоршам тухуш хуьлу. Ткъа цунна моьтту хир ду, ас леррина шена туйнаш тоьхна.. Хинца ца моттахь а, кхано тӀаьхьа мотта тарло..

3-гла сурт

Червяковн хусамехь изий, цуьнан зудий ду.

ЧЕРВЯКОВН ЗУДА: Муха яра спектакль?

ЧЕРВЯКОВ: Ма дийцалахь! *(шен вицмундир бедаршӀухкурга тӀе хьала а уллуш)* Ледарло ели соьгара.

ЧЕРВЯКОВН ЗУДА: ХӀун дира ахь? ХӀун ледарло?

ЧЕРВЯКОВ: ЦӀехьхана хьоршам туйхи ас... спектакль йоьдуш лаьтташехь.

ЧЕРВЯКОВН ЗУДА: Ой! Тоьхча хӀун ду хьоршам? И-м массара а ма туху.

ЧЕРВЯКОВ: Со а вара и хеташ юьхьанца...амма, нисса суна хьалхарчу гӀентахь йачу статски инарлина Бризжаловна кӀунзал тӀе цинцаш тоьхнера ас.

ЧЕРВЯКОВН ЗУДА: Маржа-я! И хьаштдоцург ду. ХӀун дан деза? Хьан хьаькам вуй иза?

ЧЕРВЯКОВ: Вац. Кхечеран хьаькам ву.

ЧЕРВЯКОВН ЗУДА: *(инарла кхечеран хьаькам вуйла хьӀча, жимма сапаргӀат долиш)* ТӀаккха-м ша ду. Делахь а, и волчу гӀой, кьинтӀера ваккхӀахь иза. Цунна мотта тарло, хьуна нахана юккӀехь муха лела веза ца хаьа.

ЧЕРВЯКОВ: И ду-кх и! Со бехказа вийлира цунна хьалха. КьинтӀера ваккха а хьаьжира. Амма и цхьа тамашийна вара. ЛартӀехь дош а ца олура. Вуьшта къамел дан хан яцара цигахь.

4-гла сурт

Инарлин кабинет. Шайн цхьацца аьрзнаш дахьаш, дехаре баьхкина нах бу. Чувозгу Червяков. Цуо юьхь яьшина. Цунна тӀехь керла вицмундир а ю. Инарла, масех дехархоцунга ладуьлий, кхуьнга хьалахьожу.

ЧЕРВЯКОВ: Селхана «Аркадия» олучу театрехь, нагахь хьан сийлаллина дагадагӀахь.. Ас хьоршам тоьхна, ларамаза цинцаш туйхира хьуна..Б-бехк ма..

ИНАРЛА: И хӀун пайдабоцурш ду...ХӀун ду дуьйцург! *(розгӀерчу дехархоцунга)* Хьуна хӀун оьшу?

ЧЕРВЯКОВ: *(ша-шега)* Къамелдан а ца туйгу. ОьгӀазваханчух тера ду. ХӀа-хӀа, хӀара иштта дита йиш яц... Ас кхетор ву иза..

(Дехархошца долу гӀуллакх чекхдаьллачул тӀаьхьа, инарла дехьачу дӀаволадо. Эццахь цунна тӀаьхьахутту Червяков)

ЧЕРВЯКОВ: Хьан сийлалла! Суо дохкуоваларан бахьана долуш, хьием бо ас хьуна! Леррина а, хуььтгаренна а дина дацара и, хьуна ма-хаьара.

ИНАРЛА: *(велхаозийча санна бат а саттош)* Хьо сох ца вешаш, кхаьрдаш ву-кх, милостисдарь!

Инарла дехьа чувовьду.

ЧЕРВЯКОВ: (*ша-шега*) ХІун цавашар, хІун кхардар? Цъхан а цавашар дац кхузахь. Инарла воллушехь, ца кхета. Иштта делахь, со кхин оцу курачу стагана хьалха бехказвуйлур вац. ШайтІанан луур хуьлда цунна! Кхин кхунна тІе ца воґлуш, кехат яздийр ду ас! Делора воґлур вац-кх!

Червяков къайлаволю. Гучуволу автор.

АВТОР: Иштта ойланаш хьийзара Червякон коьртехь. Инарле кехат а ца яздира цо, муха яздан деза ца хууш. ШолґІачу дийнахь юха а веьна, бехказвийла хІоьттира иза.

Сехъа чуволу инарла. Шен стоьл тІе охъахуу иза. Чоьхъаволу Червяков.

ЧЕРВЯКОВ: Селхана веьнера со, хъан сийлалла. Хьох кхарда а, ахь ма-бохху, хьох ца вешаш а дацара и. Айса ца хууш, хьоршам а тоьхна, хьуна тІе цинцаш кхетарна, хьо сайна кьинтІера валар доьхуш веьнера со. Муха кхаьрдар ву? Ваьхьар а варий со? Нагахь санна тхо иштта доьлуш хилча, хьо санна болчу хьакмашка ларам а хир барий тІаккха?

ИНАРЛА: (*сенвелла, вегош мохь хьокху*) Яхийта кхузара!!!

ЧЕРВЯКОВ: (*кхеравелла, самалделла шабарш до*) ХІун? Муха?

ИНАРЛА: (*чІоггІа ког а тухуш*) Яхийт-т кхузара!!!

Червяков, некхах ка а тухуш, меллаша охъа вужу.

АВТОР: Иштта велла дІавелира пурстоп.

Кирхъа

Стомманиг а, вуткъаниг а

(А.П.Чеховн изза цІе йолчу дийцар тІехь суртхІоттор)

Дақъалоцушберш:

1. Стомманиг, къайлаха хьиехамча
2. Вуткъаниг, коллежски ассесор
3. Вуткъачун зуда
4. Вуткъачун кІант
5. ДІахьошверг

Аьчканекъан вокзалан перрон.

ДІАХЬОШВОЛЧУН АЗ: Кхузахь дуьхь-дуьхьал нисвелира стомманиг а, вуткъаниг а. (*Аьрру агІора гучуволу Стомманиг.*) Стомманиг, вокзалерчу ресторанехь хІинцца вузацц хІума а йиьна, аравели. Цуьнан хьена балдаш меда баьллаш санна лиепа. Цунах схьаьттало хересан а, флердоранж олучу, мехалчу хьатІаран а хьожанаш. Ткъа вуткъаниг...

(*Вагон чуьра охъавуссу вуткъаниг. Цуьнан карахь а, гихь а, марахь а чамданаш, тІоьрмигаиш ду. Цуьнан букъа тІехьара схьахьоьжущи, еха чІениг йолу, лекха зуда а ю, мелла а хьаьбба цхьа бІаьрг а болуш, лекхуо гимназист а ву.*) Вуткъачух схьаьттало дақъийначу жижиган а, йорахчу кофен а хьожанаш.

СТОММАНИГ: (*ЧІоггІа аз ойуш*) Порфирий! Хьо вуй и? Сан уьренг! Ма дукха хан яьлла, вайша ганза!

ВУТКЪАНИГ: (*цецволий*) Сан Дела! Миша! Бераллин доттагІ! Хьо мичара вели? (*ДоттагІий, кхузза бартаиш бохуш, мар-мара кхета. Леррина вовшашка хьоьжущи. Ший а чІоггІа цецваьлла ву.*) Сан диканиг! Дагахь дацара! Хазахетаран совґат ду-кх! Хьажал соьга леррина! Хьалхалерра кІант ву! Иштта чІичІаьлла а волуш! Маржа-я! Сан Дела! Ткъа хьо? Хьалдолуш ву? Зуда ялийний? Ас, хьуна ма-гарра, ялийна... ХІара сан зуда Луиза ю... Ванценбахан доьзалера... лютеранка ю. Ткъа хІара сан кІант Нафанаил, кхоалґІачу классехь доьшуш

ву. Ткъа хIара, Нафания, сан бераллин доттагI ву! Гимназехъ цхъаьна дешна оха шимма! (Нафанаила, жима ойла а йой, коьртара фуражка дIайоккху.) Гимназехъ цхъаьна дешна охашимма! ДагадогIий хъуна, хьо муха аьшнашвора? Ахъ сигаьрка а Юьттина билиотекерчу киншкех Юььрг даьккхина бохуш, хьох Герострат олура, ткъа, со мотт бетташ волу дела, сох Эфиальг олура. Хо-хо-хоь... Бераш ма дара вай! Нафания, ма ийзало, цунна юххе тIехила... Ткъа хIара сан зуда Луиза ю... Ванценбахан доьзалера... лютеранка ю. (Жимма ойла а йина, ден букъа тIехъа дIалечкъа Нафанаил.)

СТОММАНИГ: (Воккхавеш доттагIчуьнга хьожуш) Муха ду хьан дахар, сан доттагI? Мичахъ гIуллакхеш ву? Даржехъ лакхаваллий?

ВУТКЪАНИГ: ГIуллакхехъ ву, сан диканиг! ШолгIа шо ду коллежски ассесор волу. Станиславан орден а елла суна.

ДIАХЪОШВЕРГ: Коллежски ассесор бохург капитанан дарж ду. Ткъа Станиславан орден уггаре лахара дарж долуш ю.

ВУТКЪАНИГ: Алапа ледара ду. И-м хIуммаь дацара. Зуда музыкан урокаш луш ю. Ткъа ас дечигах сигаьрканах чуйохку гIутакахаш до. ЧогIа дика портсигараш хуьлу! Соьмах цхъаь а луш, дIаюхку ас. Нагахъ санна, итт а, цул сов а оьцушверг нислахъ, мелла а йораха дIало. Хенедовла таро хуьлу жимма. Департаментехъ гIуллакхдеш вара со, ткъа хIинца кхузахъ оьцу департаментан столоначальник вайитина.

ДIАХЪОШВЕРГ: Столоначальник - кхузахъ, масала, начальник паспортного стола, бохург санна дарж ду.

ВУТКЪАНИГ: Ткъа хьо хIун лиелош ву? Инарла-майор хир ву? ХIан?

СТОММАНИГ: ХIа-хIа, сан ваша, кхин а лакха кховда хьо. Со кьайлах хьехамчин дарже кхаьчна. Ши седа а болуш, инарла-лейтетант ву со.

ДIАХЪОШВЕРГ: Вуткъаниг ша лаьттачохъ вулавелира. Цул тIаьхъа цуьнан бага гежна¹ дIасаяхара, цуьнан юьхьтIехъ а, бIаьргаш чохъ суйнаш лепара. Ткъа ша иза сагта а сеттина, хебна, волчунна тIе а гатвелира... Цуьнан чамданаш а, тоьрмигаш а хебнера... Зудчуьнан еха чIениг кхи а яхьеллера, ткъа Нафанаил ша лаьттачохъ вулавелира.

ВУТКЪАНИГ: Со, шун локхалла... ЧогIа хазахета-с! Бераллин доттаг, ала мегар долуш... юха цIеххъана... оьцул лакхарчу дарже хьалаваьллийц! ХIи-хIи-с.

СТОММАНИГ: (чIечIкъина бат а саттош) Ишшта хIунда олу? Вайшиь бераллин ши доттагI ма ву. Стенна ду и чинларар? ХIунда хестава? ХIунда хьестало?

ВУТКЪАНИГ: (кхин а чIогIа хебаши) Бехк ма биллалаш... аш хIун дуьйцу-с... Шун локхаллас кьинхетаме тидамбар, йокъа хIоьттинчу лаьттана йочано луш долу ниIмат санна, беркате ма ду тхуна... ХIара, шун локхалла, сан кIант Нафанаил ву... зуда Луиза, лютеранка, лара мегар долуш ю...

СТОММАНИГ: Ца оьшу .. иштта ...

ВУТКЪАНИГ: (вериг а лала лелина, воккхаверах а, ларамах вуьзна, гежна ву) Шун локхалла!...

СТОММАНИГ: (дегазалица бат а саттош, аьрру куьг бете а лоцуш, дIавоьрзий, куьг кховдадо, Иодикаеиш)

ВУТКЪАНИГ: (лараме охьатаьлаш, шега схьакховдийначу доккхачу куьйган кхо пIелг Ювду) ХIи-хIи-хIи

Зуда а елакьежа, Нафанаила ког когах туху ша лаьттачохъ, шен фуражка охъа а йожош. Кхь а доккхадерца цецдаьлла ду.

Кирхъа

Гочдинарг ИСМАИЛОВ Абу

¹ Къакъам – крыжовник.

² Къеп – общественный порядок.

³ Эр – борзая собака.

⁴ Гажа, гажар, гежна – ослабиться, ухмыльнуться.

Турлаев Турпал-Тела

Турлаев Турпал-Тела вина 1993-чу шарахь Шелковскойн кӀоштан Шелкозаводская олучу станицехь. Таханлерачу дийнахь Нохчийн пачхьалкхан университетан (Нохчийн а, юкъярчу а филологийн институтан, оьрсийн-вайнахски отделени) кхолгӀачу курсан студент ву Турпал-Тела. Меттигерчу зорбанехь – «Герская новь», «Даймохк», «Молодежная смена» газеташ тӀехь, ишта «Стелалад», «Орга» журналаш тӀехь арайийлина Турлаевн стихаш. «Вайнах» журналан дебютант ву кьона автор.

Весет

Дуьненахь даимна ваьхна вац цхьа а,
Дуьне а кӀордош дац мел дукха вахарх.
БӀаьстенан хазанаш, гуьйрене текхош,
Замано хуьйцуш ду дезуьйтуш вайна.

Тахане хаза ю – йицгьяхь ахь кхане,
Ваха а атта ду – валар ахь дицдахь.
Вон-дика даимна вовшашца кьуьйсуш ду,
Иштта вайн замано денош ду хуьйцуш.

Массарна цхьа де ду, вай цунах девра дац,
Ӏожаллин деза де сайниг а кхочур ду.
Добзална мел эшарх да царна лаьтгаш вац,
Эхартах ца хьегарх валанза волуш вац.

Лен сахьат тӀе кхаьчна, цамгаро лаьцча,
ДегӀера са долуш, бӀаьргийн нур дайча,
Хьайн амат, юьхь-сибат юххера гайта,
Хьо герга йолалахь хьуо езначунна.

ТӀаьххьара дош ала ницкъ боцуш, сецча,
Мотт ларбеш, ехкалахь сан чӀениг коьртах.
Кьоьжачу коьрта тӀе хьайн дайн куьг дилле,
Дош лолахь сий лардан, сан дуьхьа алий.

Довха куьг хьакхалахь шийлачу юьхь тӀе,
Жирга ма хеталахь дакъа ду алий.
Нур дайна бӀаьргаш сан, сенделла балдаш,
ТӀаьххьара кьурдаш деш, хьасталахь озьда.

Некха тӀе дехкина, хьох хьекхна куьйгаш,
Хаалахь, хьох хьоьгуш, доьрзуш дуй лаьтте.
Хьо йолче со вогӀуш, байн баьхна когаш,
Пусар деш нисбелахь дегӀаца нийса.

ДегӀан чалх барамахь кех яккха бевлча,
Мохь тоххе елхалахь, эхь-бекх ца лоруш,

Хьох валар дазделла, валар а дицлуш,
Барт боккхуш ваккхалахь генарчу новкъа.

Ппераскан 1уьйранна сан коше йолий,
Чурт мара къовлалахь, хьалха со санна.
Кхин ца ян букъ тоьхна, хьо ара йолуш,
Блаьрхиш хьайн диталахь, безамна суна.

Т1аьххьара кешнийн кех хьуо ара йолуш,
Цкъа юха ерзалахь, юьхь-сибат гайта.
Хьайн сурт ахь диталахь, хьо езначунна,
Сан сина гуш хир юй, хууш хьо хилалахь.

Гена хьуо мел ели, са ч1аг1деш г1олахь,
Сан кошара мохь баларх, кхера ма лолахь.
Хьо езаш со хилар т1аьххьара къастош,
Хьаькхначу мохь-ц1ог1ийн ахь пусар делахь.

Дахаран ирсан мур хаьдда ма хеталахь,
Хин долчу диканна, ахь дог ма диллалахь.
Дьозалан, сан кошан сий лардеш яхахь,
Эхартахь эвхьаза хир юйла хаалахь

Исбаьха 1алам

Исбаьхьчу 1аламан хазалла йийца,
Байт язьян говзаллех со тахна хьобгу.
Аренан зезагийн бос лепар дийца,
Сайн ненан маттахь ас хаза дош лобху.

Х1орачу г1анан бос, ма-барра бийца,
Сайн б1аьрса г1елдина, леррина хьобжур ву.
Вайн мехкан хазалла, ма-ярра йийца,
Мотт хууш воцучух, со тахна воьлур ву.

1аламан хазаллех, тардина дийца,
Ца хаьа цхьа а сурт, нохчийн мохк бацахь.
Я маьлхан з1аьнаршца, бос къуьйсусх кхиьна,
Сан жимчу юьртара жима йо1 яцахь.

Нохчийн йо1

Шен хаза и корта
Йовлакхца къуьйлуш,
Оьздачу боларца
Шен амалаш гойтуш.
Геннара йог1уш го
Нохчийн йо1 суна.

Вайн нохчийн оьздадалла
Шен сих а йобзна,
Кураллех цхьа а цинц
Шен дег1ехь боцуш,
Геннара йог1уш го
Нохчийн йо1 суна.

К1ант шега вистхилча
Сонталла йоцуш,
Ша деллачу дашана
Кхин шеко йоцуш,
Геннара йог1уш го
Нохчийн йо1 суна.

Дуьненан мехкаршлахь
Хазаллех лепаш,
Шега д1ахьаьжнариг
Шен йийсар веш,
Геннара йог1уш го
Нохчийн йо1 суна.

Шаран Дашаев**Побег**

Рассказ

*В память о моей
незабвенной бабушке Хаби*

Кажется, вот-вот затрещат уши от лютого мороза. Забыл: то ли шапка у меня на голове, то ли теплый женский платок. Остальные части моего тела также укутаны в разное тряпье. А сижу я на деревянных самодельных саночках, до примитива простых, кое-как сколоченных из первого подручного материала. В нее, как в параконку (так называли раньше повозку, в которую запрягали пару лошадей), впряжены две женщины: мать моя и моя тетя. Одеты женщины почти одинаково: в ватные телогрейки, сшитые вручную и туго обхваченные по поясу бечевкой. На ногах тоже самодельные ватные бурки из плотной дешевой ткани, поверх которых надеты резиновые калоши – настоящая роскошь по тем временам, после валенок, разумеется. Не знаю, откуда они на женщинах? Скорее всего, из тех запасов, прихваченных в роковое утро 23 февраля. Зато все остальное явно сшито из обыкновенной мешковины.

...От азиатского мороза стучит в висках, скрипит снег под ногами усталых женщин, мягко и бесшумно скользят накатанные деревянные полозья санок. Это сейчас просто на любой свалке, в любом дворе найти металлические пластины под полозья для легкого скольжения. Лицо мое полностью укутано не шарфом, а какой-то ветошью, и только глаза остаются открытыми и упираются они не куда-то, в серое однообразное пространство, а в спины женщин. От такой идиллии мне даже немножко весело, хотя мороз беспощадно щиплет щеки, кончики пальцев рук, ног. Радует то, что везут меня в...неизвестность, как год назад везли в душном товарном вагоне. Это была длинная и долгая дорога. И тоже – в безывестность.

На этот раз она должна быть не такой длинной, потому как до железнодорожной станции Матай, куда мы направляемся, рукой подать – километров пятнадцать, не более. Но не зря у чеченцев говорят: бери в расчет не то, с чем отправляешься в путь, а то, с чем возвращаешься. Накануне мать частенько заводила разговор о переезде в другую область к своей матери. А значит, к моей бабушке. Проблема заключалась в том, что никто отпускать нас не собирался и в первую очередь – всесильная комендатура. О разрешении на переезд для спецпереселенцев не могло быть и речи. Оставался единственный выход – бегство втайне от официальных властей.

На станции Матай, что в Талды-Курганской области, жил наш родственник, то ли сцепщик вагонов, то ли путеобходчик – шут его знает. Мне запомнилась его форменная фуражка с эмблемой железнодорожника, что вызывала во мне крайний восторг и детское наивное любопытство. Мать рассчитывала на нашего родственника и на железную дорогу, к которой он имел какое-то отношение.

В эту зиму похоронили моего отца. Кто знает, отчего да почему он скончался в расцвете лет и в полном здравии. Только помню, что он слег в один день и медленно угас за какую-то неделю, несмотря на все усердия муллы, приглашенного из соседнего села для чтения молитв. Этот святой отец, как и многие его соплеменники, по рассказам старших, не имел собственного очага. Но службу, проводя дни и ночи у изголовья умирающего, нес исправно, готовил какие-то водяные настои из арабского письма, беспрестанно шептал молитвы и только изредка резюмировал:

– Это джины... джины. На все воля Аллаха...

Ссылки муллы на темные силы в данном случае были небезосновательны: сам отец якобы рассказывал историю, которая произошла с ним в ночном.

Небольшое село, куда по чьей-то не просто злобной, а преступной воле забросила нас судьба, ютилось у самого подножия Тянь-Шаньских гор. Тогда оно казалось мне огромным, а на самом деле – около двух сотен компактных дворов и нескольких улиц, которых было меньше, чем пальцев рук. Население смешанное: русские, казахи, корейцы, теперь же к ним прибились репрессированные чеченцы и ингуши. Последние, расселенные вначале в разных глиняных лачугах местных аборигенов, весной оказались на окраине, в наскоро сколоченных таких же хибарах. Но зато вместе, рядышком, что позволяло им оказывать друг другу всяческую моральную и материальную поддержку, а в случаях столкновения с местным населением – даже физическую. Потому спецпереселенцы не делили себя в тех условиях на различные тейповые кланы. Даже чеченцы и ингуши называли себя одним словом – вайнахи, что означало «свои люди».

В той области, где мы проживали, колхозные поля находились где-то там, за горной грядой, куда всему взрослому работоспособному населению приходилось переселяться со своим скудным скарбом, тягловым скотом и нехитрым колхозным инвентарем до конца сенокоса или уборочной страды. Жили там месяцами, оставив дома лишь детей да немощных стариков, быков и лошадей, на которых держалась вся колхозная артель, исключая женщин, ночами поочередно выпасали мужики и подростки. В одну из таких ночей, отрабатывая свою ночную смену, тогда как изнуренные дневным трудом быки и лошади мирно паслись, отец, не менее утомленный, заснул в стоге соломы. И тут произошло то, что и сам он толком впоследствии не мог ни понять, ни объяснить: какая-то неведомая сила подхватила его, подняла высоко и ударила оземь, он только успел простонать:

– Не надо...

Что было дальше, он и сам не представлял. Может быть, это было не что иное, как обыкновенное наваждение, вызванное усталостью от неимоверного труда и неустроенностью быта да еще вдали от родины, где все было чужое и непривычное – от знойной жары до трескучих морозов.

Прибыли мы на место уже в сумерках. Хлебосольево?.. Да какое хлебосольево могло быть в те годы?! Тем не менее, насколько помнится, родственники были нам очень рады, иначе с какой это стати глава семьи – Бауддин – каждый вечер после работы за те несколько дней, что мы находились у них в ожидании перспектив дальнейшего продвижения до места назначения, стал бы возиться со мной, забавляя всякими фокусами и рассказами небылиц. Он сажал меня на живот, надевал на мою голову свою форменную фуражку, что мне нравилось больше всего, и начинал рассказывать разные правдивые и вымышленные истории, а когда они заканчивались, я не давал ему покоя, приставал с разными вопросами, на которые ему приходилось пересказывать те же легенды или сочинять новые.

Обычно я начинал с требования, чтобы он назвал свое имя, на что получал один и тот же ответ:

– Тапча-Солта, – что в переводе означает Наган-Солта. Что такое наган, как и всякий чеченский ребенок, я уже знал и потому, не доверяя ему, снова и снова настаивал на своем. Утомляла его моя настойчивость или нет – определить было трудно. По крайней мере он делал вид, что его это очень забавляет, смеялся и не торопился от меня избавиться. Может, соблюдал приличие, а может, мое появление в их доме привнесло в однообразный быт этой семьи какое-то оживление.

Тетя покинула нас на следующее же утро, прихватив и мои санки, которыми я так гордился перед сверстниками, хотя ноги мои от коленок и до ступней были в сплошных синяках, которые я долгое время скрывал от матери, боясь, что она может запретить мне удовольствие пользоваться ими. Когда она все-таки обнаружила мои болячки, предупреждение от нее все же получил, хотя и не настолько строгое, как я ожидал: она просила, чтобы берег ноги. Дело было в самой нехитрой конструкции моих санок: сколочены они были из двух обструганных полозьев, на которые были прибиты три перекладины. Вот и все. Чтобы разогнаться, а затем плюхнуться на них животом и катиться дальше, мне приходилось браться за среднюю перекладину. Видимо, у нашего соседа, подарившего мне это «чудо», на большее не хватило материала. Разгоняясь, я больно ударялся об эту самую третью деревяшку, наживая себе синяки и ссадины на обеих ногах. Но зато среди своих сверстников я был единственным обладателем такой «роскоши». Впрочем, увлеченный новыми впечатлениями, я быстро смирился с этой утратой – все равно везти их куда-то не было никакого смысла, да и не стоили они того. Так решили взрослые – не я.

За несколько дней я настолько привык к родственникам, надо думать и они ко мне, что их единственная дочь чуть младше меня, почему-то в случае нужды обращалась не к своей маме, а ко мне, дергала за плечо и ломким, детским голоском шептала:

– Я...я, мне надо...

Мать быстро хватала ее и выводила то ли во двор, то ли в соседнюю комнату. Потом уже взрослыми людьми, возвратившись на родину, мы часто вспоминали об этом к естественному смущению Малики, которая сама уже имела дочь – ровесницу той маленькой девочки со станции Матай.

В один из таких дней родственник наш Бауддин ближе к обеду примчался домой и велел нам быстро собраться. Собирать нам, собственно, было нечего и через каких-то полчаса мы уже были на станции. Народу там было мало и потому, видимо, Бауддин усадил нас в самом дальнем углу и на время куда-то исчез, скорее всего, за билетами или чтобы с кем-то договориться.

Встретились мы с ним уже в кабинете коменданта станции, куда нас с мамой загребли два здоровенных амбала в штатском.

За столом сидел человек плотного сложения, с чисто выбритым полным, типично-казахским лицом и с густой черной шевелюрой, которая постоянно спадала ему на глаза по мере того, как он распаялся и ударял кулаком по столу. Я не понимал, почему он кричит на мою мать и в чем ее вина. Я только изо всех сил жался к ней и хныкал беспрестанно. Видимо, больше, чем какие-то объяснения Бауддина и моей матери, его гнев смягчили мои слезы. Говорят, он тогда так и сказал, что отпускает мою мать из-за ребенка, но при обязательном условии, что она возвратится обратно в свой колхоз или аул, что одно и то же.

Но «обратно» мы не вернулись. Провели еще несколько дней в гостях у родственников в ожидании следующего подходящего случая. И он, наконец, подвернулся: Бауддину удалось договориться с проводником товарного вагона, следующего из Талды-Кургана в Алма-Ату. А может, куда-то дальше.

Все тот же вагон, печка-буржуйка в углу, раскалившаяся докрасна. Только на этот раз он пустой и чуть-чуть комфортнее, чем тот, на котором нас везли

годом раньше в такой же лютой мороз. В вагоне нас трое: незнакомый пожилой проводник неопределенной национальности, моя мать и я. Он немногословен и почти не разговаривает с нами. Перед каждой станцией, когда поезд замедляет ход, проводник дает нам знак прятаться под небольшой деревянный топчан, что в углу вагона, и предназначен для него самого. Мы с матерью забиваемся в этот темный угол, плотно задвигаем ширму и, затаив дыхание, ждем следующего отправления от точки «а» до точки «б». Иногда дверь вагона со скрипом и скрежетом открывается, показывается чья-то голова и, перебросившись несколькими словами с нашим сопровождающим, исчезает. Когда поезд набирает скорость, мы выбираемся из этого тайника. На протяжении всего маршрута проводник услужливо предоставляет нам свою лежанку, а себе выбирает место у печки-буржуйки, в которую постоянно приходится подбрасывать дрова.

Только в Алма-Ате, где мы высадились в каком-то тупике, я узнал, что у нас был еще один сопровождающий – Бауддин. Он, видимо, как работник железных дорог, имел право передвижения и ехал в соседнем вагоне. Потом мы долго петляли по каким-то глухим переулкам большого города, пока не вышли на большую дорогу, устланную булыжником и уходящую на Талгар, Иссык, Чилик и дальше, до самой китайской границы. Теперь нам оставалось преодолеть расстояние в двенадцать километров до населенного пункта между Алма-Атой и Талгаром, где пройдут мои детские и отчасти юношеские годы.

Но это все – впереди.

А пока мы бредем по этой далекой, незнакомой и почти пустынной дороге. Бауддин, навьюченный нашим небольшим скарбом, шагает впереди, он высок ростом и шаг у него широкий; за ним едва поспевает мать, а вот я отстаю, хотя мать крепко держит за руку. Я смертельно устал и мне холодно. Я прибегаю к обычному приему – к хныканью, и тогда мать сажает меня на спину. Ее тепло передается мне, и я начинаю звать и умиротворенно сопеть носом. И тогда устает мать. Она просит меня сделать несколько шагов самостоятельно, ставит на землю. Я упираюсь...

Это не сон.

Моя бабушка Хаби принадлежала к той категории чеченок, которые стойко и мужественно переносят все тяготы жизни. Никто никогда не видел в ее глазах слезинки, даже тогда, когда ее мужа и отца большого семейства накануне высылки солдаты поставили к стенке для расстрела только за то, что в его доме нашли пару патронов от боевой винтовки. Тогда его спасла средняя дочь Халипат, заслонила собой и, уверив солдат, что это ее патроны и что она нашла их во время уборки территории, где стояла воинская часть. Старая Хаби не проронила слезинки, когда в первый же год высылки потеряла кормильца и осталась с шестью дочерьми, второй по возрасту из которых была моя мать и которая, в свою очередь, тоже успела похоронить мужа.

Вот так в моем лице в маленьком саманном домике бабушки появился маленький мужчина. Трудно описать какое значение для старой женщины, на роду которой не суждено было иметь детей мужского пола, имело это событие. Ни одной из своих взрослых и даже замужних дочерей она не позволяла ни в шутку, ни в серьез не тактично ко мне обращения.

– Он – единственная наша опора и надежда, – напоминала она постоянно.

А «надежда» и «опора» в свои неполные семь лет (так получилось!) пошел в школу, мать поступила в колхоз...

Но это уже совсем другая история. А ниже – продолжение этой.

Спустя два года в один из зимних вечеров к нам прибежала соседка с недоброй вестью.

– Вас спрашивает какой-то военный. Говорит, что из комендатуры, – сообщила она.

Это означало, что наше бегство из одной области в другую может плохо кончиться. Но, благодаря Всевышнему, обошлось. Наскребли со всех чеченских дворов последнее. А найти нас долго не могли по той причине, что на новом месте мать записалась под своей девичьей фамилией. С тех пор и я ношу не свою отцовскую, а мамину и бабушкину фамилию.

Луиза

Рассказ

После мучительного и тягостного недельного пребывания в своей родной районной больнице весной нынешнего года – ровно через год – я вновь попал в республиканскую больницу. И, как ни парадоксально, в тот же конец Г-образного коридора и в ту же самую палату. Здесь год назад я перенес инфаркт, пролежал, если не ошибаюсь, недели две или около того – точно не помню. Но, что на всю оставшуюся жизнь останется в моей памяти, так это люди, вытащившие меня с того света снова на этот грешный, земной, начиная с заведующей кардиологическим отделением и кончая рядовой санитаркой.

На этот раз меня тоже привели сюда «сердечные» недуги. Нет, не в том романтическом смысле, а в прямом, болезненном. Заведующая отделением и одновременно лечащий врач сразу вспомнила меня, как только я показался в ее кабинете и назвал свою фамилию.

– Вы у нас лежали в прошлом году в третьей палате, – заметила она, к немалому моему удивлению, ведь как-никак прошел целый год и, перелистав мои документы, со свойственной ей резкостью добавила: – Отправляйтесь туда же. Устраивайтесь.

Откровенно признаться, я ее чуточку побаиваюсь. И думаю, не только я один. Не потому, что она груба в обращении. Вовсе нет! Скорее всего, потому что она любит во всем дисциплину и порядок. Порядок даже... в обращении. Без лишних, ненужных слов.

Вы когда-нибудь встречали человека, который постоянно придумывает себе всякие мыслимые и немыслимые болячки и живет с этим целый век? Чаше они встречаются в больничных стенах. К собственному удовольствию, я не принадлежу к числу тех, кто придумывает болезни. Откровенно говоря, я в них и не разбираюсь. И потому, как правило, на вопросы отвечаю, как солдат коротко и четко: «да», «нет». И, по мере возможности, стараюсь добросовестно выполнять предписания врача, которому, разумеется, доверяю...

...Сегодня в первую ночь пребывания в больнице я рано лег и хорошо поспал, ни разу не вставая. Даже с соседом поделился своим неожиданным открытием. Мог спать и дольше, если бы медсестра не разбудила – пора приступать к процедурам. Какое-то время, пребывая еще в полусонном состоянии, я размышлял над вопросом, что же могло меня так крепко, безмятежно усыпить: то ли пилюли, выданные на ночь, то ли смена обстановки. Ан нет, обстановка тут ни при чем. Наоборот, перемена обстановки, как правило, влечет за собой в известной доле беспокойство, непривычность и прочие неудобства. Ответ на свой вопрос я нашел, когда окончательно встряхнулся ото сна: «Дело в том, что в данный момент нахожусь в надежных руках», – решил я, первым делом открывая окно. Сосед не возражает. Наоборот другой раз сам напомнит:

– Может, проветрится?..

Больничные окна во всех палатах затемнены пленкой во избежание прямых солнечных лучей в жаркие дни. Пока же тепло не мешает, весеннее тепло и

свет. С окна третьего этажа открывается прекрасный вид: верхушки молодых деревьев, покрытые позолотой; частные дома и новостройки, хаотично и густо разбросанные вокруг больничной территории; холмы, далекие и близкие, сплошь усеянные зеленью кустарников и травы. Дальше, где заканчивается обзор, замыкающий всю эту панораму, тянется высокая, холмистая гряда, на которой грандиозным апофеозом упирается в небо ретрансляционная вышка, разукрашенная белым и красным цветами. А еще утренний прохладный ветерок, забега в открытое окно, щекочет тело, не успевшее набрать утренней бодрости.

Вчера весь день и сегодня с утра какой-то мужик стрижет газоны. Надрывно и жалобно жужжит в его руках это чудо-изобретение века, заменившее косу. Непривычное однотонное жужжание начинает надоедать, приходится плотно закрыть окно.

В коридоре – повседневная суэта. В разных концах хлопают двери. С конца в конец во всю длину коридора простучали женские каблуки, звякнуло что-то металлическое, скорее всего, это сестричка ломится в дверь с капельницей.

С девочками еще можно пошутить, переброситься несколькими ничего не значащими словечками. А вот с заведующей разговор должен быть коротким. Тут только по делу: жалуйся, сколько хочешь, на свои недуги, если считаешь, что от этого станет легче, но про все прочее помалкивай и слушай ее указания. Единственное, что мы, больные, не сговариваясь, можем себе позволить: называть ее просто по имени – Луиза. Да и греха здесь никакого – она молода. Полное круглое лицо ее с чуть утолщенным носом, крупным подбородком и выразительными черными глазами, кажется, только что вылеплено рукою настоящего скульптора, но еще до конца не завершено. Но эта некоторая жесткость, как нельзя лучше гармонирующая с ее внешностью, с избытком компенсируется какой-то скрытой привлекательностью.

Но чего больше всего она не может позволить больным, так это беспорядка в палатах, нарушающего санитарные нормы и правила. Мне это хорошо известно из прошлогоднего опыта. Как бы предваряя события, урок мне преподал тогдашний сосед по палате сразу же после первого знакомства.

– Остерегайся, – предупредил он, – случайно разместить на подоконнике что-либо лишнее, особенно из продуктов. Наш врач этого очень не любит...

Дальше он рассказал, как она во время обхода, обнаружив на подоконнике пакет с продуктами, не только заставила убрать его, но выбросить в мусорку.

Мой нынешний сосед, оказывается, тоже «влип» на этом деле и тоже, словно по заведенному порядку, счел необходимым поделиться со мной правилами поведения. Как оказалось, он попался за обедом прямо в палате и получил строгий нагоняй.

– Мне это хорошо известно, – заметил я соседу, давая тем самым понять, что не намерен нарушать установленный порядок и для пушшего подтверждения своих слов добавил: – Все правильно! С продуктами удобнее и надежнее иметь дело там, где это положено – в столовой...

...Мой сосед накануне выписался, а вот я уже вторые сутки «загораю» один в двухместной палате. «Сколько же получается?» – размышляю я, лежа на кровати с открытыми глазами, уставившись в потолок. – Сегодня шестые сутки»...

Состояние мое, как отмечает врач, удовлетворительное. Питание, покой, уход, внимание... Что еще нужно больному человеку? Ах, да! Свобода! Вырваться на простор!

А пока, открывая глаза, вижу пустую кровать напротив, с небрежно брошенным на нее полосатым матрацем из грубого материала, да белую, как сама кровать, полированную тумбочку, рядом жесткий металлический стул – вот вся обстановка.

Несмотря на скучное больничное убранство, палаты в новом здании все-таки выглядят роскошью: умывальник в углу; хотя и скрипучие, но мягкие кровати с низкими изголовьями; автономное освещение, рассчитанное на каждого пациента; кондиционер-обогреватель, правда, почему-то с укороченным шнуром; за дверью, в маленьком коридорчике, – душевая, хотя большей частью закрыта и без горячей воды. Ну, а розетки над кроватями – стоит только руку протянуть – не в счет, главное – они в достаточном количестве и исправны, что тоже немаловажно и редкость в наших, в первую очередь, периферийных лечебных учреждениях.

Сегодня воскресенье. Стрелки часов движутся к полудню, в палатах тихо и в коридорах никого не слышно. Против обыкновения сегодня даже техничка не заглянула в палату, постукивая шваброй и мусорным ведром. Я знаю, что моего лечащего врача тоже сегодня не будет. И не потому, что выходной день. Обыкновенно выходных и праздничных у нее не бывает. Накануне вечером кто-то из больных предупредил меня:

– Завтра наш врач куда-то уезжает. Куда? Не разобрал...

От этой вести мне почему-то стало грустно и... одиноко. Я почувствовал себя брошенным, хотя ее заменит другой врач. Со вчерашнего вечера, как не пытаюсь, никак не могу избавиться от этого гнетущего состояния, переключить свой мозг на вещи более занимательные.

А на улице обычная суэта: где-то стучат чем-то тяжелым по непонятному предмету, скорее всего, отбивают застывший бетонный раствор. А вон там, напротив, почти на проезжей части узкой асфальтированной дороги, устроившись на низенькой табуретке, какой-то плиточник неизвестной национальности из азиатов примеряет что-то на фундаменте огромного особняка. Он уже второй день там, успел обложить плиткой только третью часть фундамента. С соседнего двора выкатила легковая машина с прицепом, груженным разным строительным инвентарем. Небольшую горку облепила детвора. Она гоняет здесь велосипеды и ролики. Какой-то шалопай, в красной выцветшей футболке, умудрился неведомым чудом устроить на раме такого же сорванца в измятой раздувающейся на ветру серой рубашонке. Одному богу весть, как этот второй там держится. Внешне кажется, что он не только не испытывает малейшую неловкость от своего неудобного положения, но, судя по сияющей физиономии, весьма даже доволен. Мальчишки уже намотали несколько кругов мимо человека, занятого кладкой плитки, но тот всего этого не замечает, он увлечен своим занятием, ему надо заработать.

Эта идиллия, равно как и того мужика, меня тоже мало увлекает. Я ложусь на кровать, закинув руки за голову, уставившись в потолок, наблюдаю там явные или воображаемые узоры.

Странная штука эта привычка. И откуда она берется? Всего несколько дней и уже начинаешь привыкать к новой обстановке, к новым, совсем не знакомым людям. Вчерашние слова больного с соседней палаты не выходят у меня из головы. «Значит, ее не будет...». С этой мыслью я уйду на отбой, с ней мне придется проснуться утром. Когда долго думаешь об одном и том же, мыслями и душой начинает овладевать чувство одиночества...

– Теперь я буду вас долечивать, – мой слух едва улавливает незнакомый, хотя и очень приятный голос, инстинктивно протягиваю руку, чувствую, как ее сжимает лента тонометра...пожелание скорейшего выздоровления. Все, вроде бы, как всегда. Тогда откуда это чувство растерянности и потерянности? Не пойму...

Чванство

Закон – для пенсионеров

Маленький, с заплесневелым потолком служебный кабинет скромного заведения с не менее скромным штатом: номинальный начальник, бухгалтер и кассир в одном лице, контролер, компьютер, за которым притаилась среднестатистическая девчонка с бледным личиком, но без определенного возраста и определенной должности. На голых стенах – ни одной вывески, ни одной бумажки.

Это в обычных условиях. Сейчас в этом кабинете четверо: уже названные подружки и двое не приглашенных гостей в помятом камуфляже. Кто-то сказал бы: в прожеванном. По всему заметно, что они не очень дорожат строгостью форменной одежды вообще и уходом за собственным внешним видом в частности. Женщины сидят, съезжившись от холода, неуютно, а гости – в вальяжных позах, закинув ноги на ноги.

– Так, та-ак, – враспев, но тоном, не допускающим каких-либо возражений, диктует тот, который расположился ближе к девушке за компьютером, – нам нужен номер сотового телефона вашего шефа.

Девушка не понимает или делает вид, что не понимает. Так или иначе, по всему видно, что она не хочет выдавать неизвестным посетителям информацию касательно шефа. Кто знает, чем это может на завтра обернуться?

– А вы кто такие? – пробует она узнать, с кем имеет дело.

– А разве не видно?!..

– На вас не написано...

– Мы из структур, – посетители напускают еще большую важность. – Не похоже?.. Может, наше начальство сюда пригласить?..

Девушка в растерянности. Чего больше всего в данную минуту ей хотелось бы – это оказаться совсем в другом месте. Не здесь и не сейчас. В конце концов, она не выдерживает такого напора, диктует незамысловатые цифры.

Женщина, что постарше, молча наблюдает за происходящей сценой. На ее лице написано едва скрываемое неприятие, смешанное с легким ехидством.

В это самое время заходит пожилой человек, останавливается у двери, оценивая, не помешал ли? Женщина через голову непрошеного посетителя вопрошающе смотрит на старца, показывая готовность выслушать.

– Пришел долг заплатить, – говорит он, пытаясь поверх головы молодого человека, протянуть квитанцию об оплате за предыдущий месяц.

Наконец, получив нужную информацию, гости собираются уходить. Но тут женщина, занятая расчетами с пенсионером, не выдерживает:

– Вы бы хоть заплатили, коль пришли...

Что тут началось?! Упоминание о плате так задело служивых, что оба наперебой пустились объяснять женщине, какое у них, бедолаг, житье-бытье несладкое, какая у них служба окаянная, голодная, холодная и прочее.

– Мы вас охраняем! Да еще вам платить?! – явно возмущен тот, что по комплекции выглядит старше. «Не нам», – могла бы возразить женщина, но «женская субординация» не позволяет ей вступать в перепалку с мужчинами, хотя намного и моложе ее самой.

– Мы вот иногда ходим в баню, – подхватывает второй. – Да, ходим в баню... На свои, кровные... Из собственного кармана платим... За воду – тоже. Даже, если она и не совсем горячая... Понимаете?..

Женщины слушают, все понимают. Кроме одного: как объяснить, что одно дело баня, частная или общественная, совсем другое – платные услуги ЖКУ, обязательные для всех, без скидок на чины и ранги. Хотя, кто знает?..

Наконец, двери закрываются с обратной стороны, но еще с конца коридора доносится тирада:

– Мы вас оберегаем, жизнями рискуем... Еще платить прикажете?.. Каково? А?..

Шаги и голоса затихают. Какое-то время на лицах женщин сохраняется печать грустного комизма. После длинной паузы, спохватившись, наконец, старшая резюмирует:

– Это для вас, пенсионеров, законы пишутся. С вас причитается пятьсот восемьдесят четыре рубля...

Виноват... шлагбаум

Был тихий вечерний час, когда майское солнце еще не успело очертить круг и повисло там, на западе, над самым горизонтом. В это время больным разрешается совершить прогулки по больничному двору – шагов двести из конца в конец, а если по периметру, так все восемьсот. Это новый и главный республиканский больничный комплекс, отстроенный года два назад. А потому здесь все пока что в первозданном состоянии, в блеске и шике: и высотные здания; и вся территория, обложенная цветной плиткой; и ограда, естественно, с узорами и разными финтифлюшками; и дорожки, вымощенные цветной керамической плиткой.

Что тут было до войны? – бог его знает! По крайней мере – не пустырь. Об этом свидетельствуют некоторые дома и прочие постройки по соседству, еще не оправившиеся до конца от «ран» минувшей войны. А во многом остальном – новизна и комфорт, начиная с больничных коек и кончая скамейками во дворе, расставленными в тени молодых деревьев таким образом, чтобы солнце не пекло и сквозняка не продували.

Несколько скамеек расположены особняком, будто специально для курящих. И хотя это «зелень» вообще не рекомендуется не только больным, но и официальной пропагандой за здоровый образ жизни, но от вредной привычки пока что избавились не все, и потому места уединенные тоже не всегда пустуют.

Ну а заезд машин здесь вообще запрещен, за единственным исключением у дверей приемного отделения, где въехать за ограду может только «Скорая». Для всего прочего транспорта тут же на заборе установлен знак «Въезд запрещен». А еще на противоположной стороне отведена отдельная, небольшая, огороженная высокой изгородью площадка, где в один ряд выстроены мусорные контейнеры. За ними регулярно приезжает «Мусоровоз». На его пути – шлагбаум, который, судя по большому замку, кем-то контролируется.

Словом, езда на всех прочих машинах по территории больницы запрещена. Это правило распространяется и на медицинский персонал. К услугам автовладельцев через дорогу оборудована приличная стоянка, как полагается, с разметками, бордюрами, с асфальтовым покрытием.

К чему все эти подробности? – может задаться вопросом придирчивый читатель. А вот к чему.

В тот самый вечерний час, когда «ходячие» больные в основном находились во дворе: одни для того, чтобы подышать свежим воздухом, другие – просто прогуляться, «размять» залежавшиеся кости, третьи, как уже было подмечено, – перекурить исподтишка, лавируя между прохожими и зданиями, словно на колхозном базаре, по кафельным плиткам подкатила черная «Приора». Она уже очертила несколько кругов, когда на очередном развороте путь машине преградил какой-то мужичок в годах и роста незаметного. Между мужиком и водителем (ну, конечно же, не трудно догадаться, кто мог находиться за рулем,

если не человек в... «форме») завязался диалог через опущенное стекло дверцы. Вначале беседа протекала, вроде бы, мирно. По крайней мере, так казалось со стороны. Но диалог явно начал затягиваться, и уже до слуха прогуливающихся начали доходить отдельные слова и выражения.

– Я спрашиваю, как ты сюда забрался? – допытывался мужик, явно имеющий не последнее отношение к порядку на территории лечебного учреждения. Уже и водитель вытянулся во «фронт», на одной ноге, выставленной из салона, подчеркивая тем самым резкий физический контраст между спорщиками. Между щупленьким, но, похоже, цепким мужичком и верзилой с «Макаром» на боку, о котором поэт сказал: «Сажень в плечах...»

Картина мало-помалу начала привлекать всеобщее внимание, люди стали собираться вокруг, прислушиваться.

Мужик, хоть и задавался одним и тем же прямым вопросом, но все ж точно знал, как все обстояло и каким образом машина проникла на запретную территорию. (Это он после объяснит: «Ведь он же вырвал стойку шлагбаума»).

Ну, а что до амбала в камуфляже, то не мог же он так просто спастись перед каким-то назойливым человечком, да еще в присутствии дамы, затаившейся в салоне. Чин не позволял. И амбиция немереная – тоже.

– А тебе, что за дело? Надо было, вот и заехал, – в голосе владельца автомашины, явно сквозит вызов.

Но мужик оказался крепким орешком и тоже не собирается дать спуска.

– Я спрашиваю... – напирает он, подогреваемый любопытствующими взглядами медленно теснившейся вокруг толпы.

Назойливый мужик да укоризненные взгляды посторонних вконец вынудили нарушителя в «форме» ретироваться по ходу движения. Когда машина скрылась в дальнем углу территории больницы, кто-то из присутствующих внес дельное предложение:

– А ты закрой шлагбаум на замок, и пусть он до утра колесит по кругу.

– А он стойку вырвал вместе со шлагбаумом.

– Так закрепи ее...

В глазах мужика сверкнул лукавый огонек. В следующую минуту с того конца больничного двора, где находился шлагбаум, донесся глухой стук, похожий на удары тяжелой кувалды.

Чем эта история закончилась, неизвестно.

Марьям Хадысова**Родному дому**

Мне этот дом теперь чужой,
К нему вернуться не посмею!
Коль не сгнию в земле сырой –
В других стенах себя согрею!

Я так любила этот дом,
Его бревенчатые стены,
Сугробы снега за окном...
Но он не стал терпеть измены.

Ну что ж, прости меня, родной,
Тебя тревожить я не стану:
Все мысли заберу с собой,
В небытии навеки кану...

***

Стакан кефира, в чашке – лед,
И тишина немая.
С балкона – в небо! Звезды – мед!
Нет, я не понимаю,
Зачем забвение пришло
И увлекло с собою?
Все будто было и прошло,
Но только не со мною...
Но я-то знаю: это есть!
И я в нем – гвоздь программы!
Но тишина немая здесь,
И для нее ни грамма
Не значат громкие слова,
Что шепчет, умирая,
Душа, лишившаяся сна,
У безнадежья края...

***

Мы отведенное нам время
тратим зря,
А годы ведь летят быстрее ветра!
Но только на исходе ноября
Мы начинаем понимать все это:
Хотим вернуть былое все назад,
Нам кажется – все можно!
На поверку:
Не умирать два раза, говорят,
И не войти в одну и ту же реку.

***

Свершает вновь свой круг луна:
Идет за солнцем вслед она,

Ей звезды освещают путь,
Как сердце, ветер бьется в грудь.
Мерцает небо синей мглой...
Как хорошо ночной порой
Гулять: с тобою лишь луна,
И только ночь, и только мгла...

***

Взгляни на мир: он разве плох?
В нем есть и холод, и тепло,
В нем уникален каждый вздох,
И ночь темна, и днем светло;

В нем сколько хочешь разных слез:
Обиды, горести, презренья;
В нем сколь угодно ярких грез,
Высоких дум и вдохновенья!

Так почему, скажи, сейчас
Во всем так безрассудны люди?
Жизнь не игра, а только шанс!
Другого нам дано не будет!

***

Память – медленный убийца,
Режет мыслями-ножами.
Пью, но вдоволь не напиться
Мне солеными слезами...

Гаснет солнце в небе мерно,
Ветер все о чем-то плачет...
Все, что было, – все неверно!
Забирайте все без сдачи!

Словно выжженное поле,
Сердце черно-бурым стало,
И уж нет в нем места боле
Для других... оно устало...

Дорога Домой

По синему бархату ночи
 Рассыпаны звезд жемчуга,
 И грустные лунные очи
 На дорогу глядят, как всегда.

Замерзшие пальцы по струнам,
 Как ветер весной по листве,
 И музыка теплым зипуном
 В холодной ночной синеве!

Пусть ветер услышит те звуки,
 Поймает пускай на лету,
 И пусть отнесет он их в руки,
 К которым сейчас я иду!

И долгая вьется дорога
 По вьюгам, по белым снегам.
 Я знаю, идти еще много,
 Но все же, дорога легка!

Легка, если знаешь, что где-то
 Родные и любят, и ждут!
 И там от любви всегда лето
 И теплый сердечный уют!

И ветер холодный подмогой
 Вдруг в спину, а не в лицо!
 А вьюга веревкою колкой
 Вяжет кольцо на кольцо...

По синему бархату ночи
 Рассыпались звезд жемчуга,
 И грустные лунные очи
 На дорогу глядят, как всегда...

***

Два пятна и тень посередине...
 Что за жизнь? Когда придет рассвет?
 Смех подобен каменной лавине!
 Есть ли смысл? Разницы-то нет!

Где конец? Куда ведет дорога?
 А ты знаешь, что там впереди?
 Слишком много дыма, зОлы, смога
 И дожди, дожди, дожди, дожди!

Просишь рассказать тебе, что вижу?
 А я вижу... вижу теплый свет,
 Тени, маски... Звуки? Да, я слышу,
 Но в моем мозгу им места нет!

Что? Ты говоришь, что все случайно?
 Да, вокруг все – хаос, да, все – бред!

Мелочи, детали – все нормально!
 Но меня, по-моему, здесь нет...

В пятом измерении каком-то
 Мой витает разум, и сейчас
 Чувствую какую-то полонку:
 Кажется, ломается каркас...

Стоп! Все! Хватит!
 Больше здесь не место!
 Здесь уже ничто... Все есть ничто!
 Все уже не соль! Уже все пресно!
 Может быть, один сойдет за сто?

Может, и сойдет, но я не верю!
 Перекрыты все пути назад!
 И, пускай, еще открыты двери,
 Но, увы, закончился парад.

***

Забери мою душу, вода,
 Унеси ее в дальний мир!
 Пусть останется там навсегда,
 Позабудет кровавый пир!

Чтоб не знать больше боли и слез, –
 Ни чужих, ни своих – ничьих!
 Чтобы шум несогласия гроз
 Наконец позабылся, стих...

Забери мою душу! Спрячь
 От докучливых взоров и рук!
 Солнца луч для нее так горяч,
 И, как гром, звучит сердца стук...

Забери мою душу, вода!
 Унеси ее в дальний мир!
 Пусть останется там навсегда,
 Позабудет кровавый пир...

***

И совсем не важно, что там после,
 И почти забылось все, что до!
 Я сейчас и здесь глотаю кости!
 Я сейчас пытаюсь сделать вдох!

Да, немного жаль, что теперь – злоба!
 И обидно, что теперь – назло!
 Было мало, оказалось – много:
 Иногда один нужней, чем сто!

Стало просто все, что было сложно,
 Но теперь сложнее сделать то,
 Что когда-то сделать было можно...
 Ныне под запретом даже вдох...

Муслим Гапуев

Байки из Чечни

Муж

Автобус, везущий торговков за товаром в Пятигорск, останавливают на блокпосту для проверки документов. Среди двух десятков товаров оказался художочный паренек лет семнадцати, у которого по какой-то причине не оказалось с собой ни единой бумажки, подтверждающей личность.

Суровые ОМОНовцы проводят парня к выходу. Женщины активно заступаются за него. Старший ОМОНовец возмущается: «Мы должны проверить личность этого гражданина. А может, он террорист какой-нибудь».

Толстая товарка преклонных лет, пытаясь выгородить парня, кричит с места: «Он не террорист – он мой муж». В автобусе мгновенно наступает тишина. ОМОНовцы хором вопрошают: «Какой же он муж? Он тебе во внуки годится!» Товарка не сдается: «А что, это только вашей Алле Пугачевой можно замуж за молодого выходить?!» Громогласный хохот разрядил обстановку. Милиционеры любят и понимают юмор.

Автобус медленно трогается. Счастливого пути...

Дружба

Концовка чемпионата России по футболу 2005 года для грозненского «Терека» проходила весьма нервно. Первый же сезон в премьер-лиге мог оказаться и последним. Каждое очко было на вес золота. Накануне встречи грозненских футболистов (временно дислоцирующихся в Пятигорске) с казанским «Рубином» один высокопоставленный футбольный чиновник, приближенный к команде, пользуясь своими «высокими сведениями», разглагольствовал в среде многочисленных болельщиков: «Три очка в этом матче мы берем стопроцентно. Наш тренер давно дружит с Курбаном Бердыевым. «Рубину» выше четвертого места не подняться, а нам по дружбе они помочь могут».

Тот матч «Терек» проиграл: 1:5.

Болельщики после матча говорили: «Как хорошо, что наши тренеры оказались друзьями, а то страшно представить, какой счет мог бы быть!»

Простая история

Типичная или нетипичная для чеченцев эта история, решать вам. Уместна она перед женским праздником? Не уверен. Так же, как не уверен, что многие чеченцы 8 марта говорят своим женщинам теплые слова. Но знаю, что такие слова говорили в семье моего знакомого Руслана. Отец, мать, два брата и сестра – типичная грозненская семья конца 80-х. Типичной она осталась и тогда, когда началась война и под авиабомбами погиб глава семьи Ихван, а младший брат во время зачисток весной 1995 года был задержан и так и пропал без вести. Да, в этом плане семья, к сожалению, была типично чеченской – скажите, много ли семей прошли тот период без потерь? Не была она типичной в том плане, что Руслан и в те годы поздравлял мать и сестру с 8 марта, даря при этом неизменно букет подснежников. «Женщин надо поддерживать всячески, на них нагрузка огромная, – говорил он. – Как это сделать иначе, я не знаю. А недорогой букет цветов и ласковое слово для мамы с сестрой я всегда найду. К сожалению, на такой «подвиг» меня хватает только раз в год». Надо сказать, что никого из его многочисленных друзей не хватало и на такое (о чем многие сейчас жалеют). Может быть, такое отношение сына и помогло матери без видимых стрессов пережить потерю мужа и младшего сына. Хотя, что у нее на душе было, одному

Всевышнему известно. В конце 1999 года, после начала известных событий, Руслан уехал от греха подальше в Москву – судьба младшего брата была перед глазами. Там с институтскими друзьями занялся бизнесом. Но что такое бизнес для чеченца в России в начале третьего тысячелетия, я думаю, потом в своих научных трудах подробно опишут социологи и философы. Потому что в тех условиях, в которые были поставлены чеченцы всеми государственными структурами, ни один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, не смог бы нормально работать. Государство само подталкивало законопослушных людей к полукриминальным (в лучшем случае) действиям. Сколько ни в чем не повинных чеченцев под разными предлогами пересадили в тюрьмы. Вина их была только в том, что они были чеченцами. Не избежал этой участи и Руслан. Верно, оказывается, говорят: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Переписка с домом позволяла сохранить незримую связь с близкими, которая очень сильно поддерживала морально. В одном из своих писем из Бутырки на волю своим друзьям в феврале 2001 года Руслан писал: «Двадцать лет назад, учась на стройфаке института, проблемы среднего возраста мне представлялись несколько иными». Да, с юмором у чеченцев всегда было в порядке. И в конце того небольшого письма просьба поздравить его мать и сестру с наступающим женским праздником. Руслан и в тюрьме был верен своим принципам.

Эта его последняя просьба привела его друзей в сильное смятение...

Через год, усилиями все тех же друзей, Руслан был выпущен на свободу. Самым парадоксальным было то, что это было утром 8 марта. Тюремное начальство любит приурочить выпуск людей из тюрьмы к какому-нибудь празднику. Тут же Руслан помчался домой, хотя обстановка в республике была еще очень сложная. Друзья посадили его на самолет до Назрани. Из Ингушетии Руслан, с нервотрепками на всех постах, только поздно вечером добрался до Грозного. И только тут сообразил, что цветов для матери и сестры в разрушенном городе ему не найти. Да не беда – ему и так будут рады!

В своем изрядно разрушенном доме никаких следов жизни Руслан не обнаружил. Пошел к недалеко живущим родственникам. Сестра обрадовалась, но как-то сникла сразу.

– Где мама? – насторожился Руслан.

– Нет мамы больше. Через месяц, как тебя посадили, она умерла.

Мурашки побежали по спине Руслана.

– Но письма?...

– Мы с твоими друзьями не хотели тебя расстраивать – тебе и так было непросто. А письма я тебе писала якобы под диктовку мамы.

...Женщины давно стали сильней нас. Не мы их, а они нас поддерживают.

Инцидент на дороге

Зима. На дороге гололед. Трудно передвигаться и пешеходам, и автомобилистам. Машины едут медленно, но аварии на дорогах, тем не менее, не редкость. Хорошо еще, если столкновение обходится без человеческих жертв. Но бывает, кому-то и не везет. Этим кем-то может быть и водитель и пешеход. Крайне редко бывают, правда, случаи и со счастливым концом. Свидетелем одной такой ситуации мне недавно довелось стать. Старенькие «Жигули» у автостанции «Минутка», не справившись с управлением, сбивают молодую женщину. Даже скорее не сбивают, а прочесывают ее. Женщина, тем не менее, падает и лежит неподвижно в снежной жиже. В принципе, она сама отчасти виновата в этом дорожном инциденте – переходила дорогу не поперек, а наискось, игнорируя все на свете, в том числе и автомобильные сигналы. Может, эта женщина думала, что на всех автомобилях зимняя резина, а класс водителей не уступает уровню Михаэля Шумахера. Вообще, не смотреть по сторонам, переходя дорогу, – это наша национальная черта. Так же, как и стоять в ожидании транспорта на середине проезжей части. Зачастую

любопытно бывает наблюдать, как люди, переходящие дорогу, лезут прямо под колеса проезжающего транспорта. Водители, дабы не наехать на пешехода, берут левее, а пешеход тут же делает шаг в освободившееся пространство – и опять же под колеса. Водитель берет еще левее, едва ли не заезжая на полосу встречного движения. А пешеход делает еще шаг...

Но я отвлекся от нашей истории.

Итак, что мы имеем: лежашую под колесами автомобиля без признаков жизни молодую, хорошо одетую особу и суетящегося возле нее пожилого мужчину, по всем признакам придавленного тяготами жизни. Кругом моментально собирается толпа: кто-то посмотреть – не родственник ли попал в аварию, кто-то из сопереживания, кто-то просто поглазеть на «бесплатный спектакль», надеясь этим наполнить свою «духовность». Мужчина громко причитает: «Я же сигналил долго, а она даже не обернулась. Теперь никому ничего не докажешь». Ко всему прочему, женщина, по всей видимости, из «новых чеченок». Об этом, помимо одежды, говорят и дорогие украшения, которые здравомыслящий человек (даже если допустить, что эти украшения у него волшебным образом как-то оказались) никогда в быту не оденет. А с такими людьми трудно, как правило, миролюбиво разрешать конфликтные ситуации. В толпе с пониманием относятся к волнению мужчины. «Ты пульс посмотри, – советуют из толпы, – может, жива еще». Мужчина наклоняется и неумело пытается нащупать пульс. Неожиданно для всех, женщина открывает глаза, и, видя над собой склонившегося мужчину, зычно орет: «Ты куда свои руки грязные тянешь? Знаешь, что за это бывает?». Затем довольно резво для своих габаритов вскакивает и начинает отряхивать от снега и грязи свою дубленку. Все удивлены случившейся метаморфозой. Шок у женщины прошел и по ее активности понятно, что и телесных повреждений у нее нет. «Ты посмотри, что ты с моей одеждой сделал, – обращается она к водителю. – Придется тебе со мной в прокуратуру проехать».

Воспрявший было духом водитель снова сник: «Почему сразу в прокуратуру? У меня и так проблем хватает. Зачем обязательно надо добивать человека. Почему мы такие злые по отношению друг к другу?» Женщина, не слушая водителя, продолжает отряхиваться, при этом громко возмущаясь: «Совсем новая дубленка была, а теперь не очистишь ее». Затем, повернувшись к мужчине: «Так мы едем в прокуратуру?» Мужчина вконец обмяк: «Слушай, не надо в прокуратуру, а дубленку я тебе новую куплю. Машину продам и куплю, как раз получится». Сарказм и безысходность, конечно, в его словах присутствовали. А у женщины терпение лопнуло окончательно: «Я в прокуратуре работаю. Если ты не можешь меня до работы довезти, я такси поймаю – не могу же я ехать в грязной дубленке в общественном транспорте!»

...Свидетели этой сцены могут поклясться, что так рвануть с места, как рванула эта старенькая «шестерка» не смог бы ни один болид серии «Формула 1».

Спасибо, старина Хэм

Эрнесту Миллеру Хемингуэю посвящается

Недавно в центре Грозного подходит ко мне улыбающийся молодой человек. Я не сразу узнал в нем своего бывшего соседа Рустама. Был он несколько лет назад худощавым юношей, что называется «ботаником», а теперь передо мной стоял человек весьма крепкого телосложения. Разительная перемена, ничего не скажешь. Рустам был очень впечатлительным юношей, совсем не тем, которые упорно занимаются спортом и добиваются в нем успехов. После первой войны, он заходил ко мне и просил какую-нибудь книгу почитать. Публичных библиотек в Грозном тогда практически не осталось, равно, как и частных, а чудом сохранившиеся наши книги скрашивали серые будни не одной юной души. Делать тогда молодежи было практически нечего, а читать все же лучше, чем по улицам бесцельно шататься. Рустам был одним из самых активных

читателей. После начала второй войны я его не видел и вот, через семь лет, неожиданная встреча.

После дежурных слов приветствия я не удержался и спросил Рустама, не тяжелой ли атлетикой он занялся, на что он смущенно улыбнулся и поведал свой рассказ:

«Не забыл, как ты мне книги разные давал читать? Ты помнишь, я был парнем не самым могучим, мягко говоря, и все время просил у тебя книги о сильных людях – как говорится, каждый тянется к тому, чего ему не хватает. Много книг я тогда хороших прочел, но больше всего меня поразил Хемингуэй, а точнее, его повесть «Старик и море». Там есть эпизод, когда старик в молодости в таверне Касабланки целые сутки напролет состязался в силе рук и в итоге победил могучего негра из Сьенфуэгоса – самого сильного человека в порту. Прочитанное произвело на меня такое сильное впечатление, что я увлекся армрестлингом. Времени свободного было много, и я постоянно тренировался. Во время второй войны поехал к родственникам в Москву. Положение было ужасным – денег не было, а жить на иждивении было невмоготу. И как-то, проходя мимо одного из многочисленных казино, увидел рекламу грядущего турнира по армрестлингу. Заглянул туда, а турнир оказывается коммерческий – без весовых категорий. Решил рискнуть, чтобы проверить свои силы, да и деньги нужны были. Организаторы турнира, хоть состав участников и был сформирован, узнав, что я чеченец, сразу заявили меня. Правда, с большими сомнениями – я был намного легче остальных. В коммерческих соревнованиях для привлечения зрителя нужно было сделать хорошее шоу. А я, как раз, по уразумению организаторов, подходил для роли «мальчиша-плохиша». Был 2000 год, и усилиями средств массовой информации мнение российского обывателя о чеченцах было негативным. Перед моим первым выходом диктор громко и протяжно выкрикнул навязанный мне сценический псевдоним: «Злой чечен». Видел бы ты, как в зале стали меня освистывать – неприязнь людей была сильной. И я понимал, что это относится скорее не ко мне, а ко всем чеченцам в целом. Но, как ни странно, это придало мне дополнительных сил – хотелось переломить уж слишком несправедливую ситуацию. К тому же, если раньше я мысленно примерял на себя качества героя Хемингуэя, то теперь появился реальный шанс испытать себя в деле. Мне удалось добиться своего – после трех выигранных единоборств появились и немногочисленные болельщики. А когда в полуфинале меня явно засудили – бывает в армрестлинге и такое – весь зал освистывал решение судей. Чемпионом в том первом турнире я хоть и не стал, но денег немного заработал, а главное – понял такую важную для всех чеченцев штуку: предубеждение и негативное отношение к себе мы можем преодолеть, делая что-то полезное, связанное с трудом. А в спорте, в частности, не пролив изрядного количества пота, успеха не добиться, и люди это понимают. Затем были и другие турниры, которые проходили в разных казино, самые известные из которых «Метелица» и «Арлекин». Конечно, не очень приятно выступать перед богатой жующей публикой, которой неведомы наши проблемы. Но я зарабатывал себе на жизнь. К тому же, ломал превратное отношение к себе (а соответственно, и ко всем чеченцам). А отношение российского обывателя к чеченцам, хоть и медленно, стало меняться. Я это почувствовал, когда мне придумали новое прозвище – «Чеченский барс» – образ чеченца-врага был уже не актуален. А продюсеры – эти «жучки» – тонко реагируют на любые политические и социальные изменения».

По пути домой я прокручивал в голове монолог Рустама. Мысли были самые разнообразные. Как странно, думал я, что Эрнест Хемингуэй, хоть и косвенно, оказался причастен к материальному благополучию отдельно взятого чеченца. Ведь не напиши он свое бессмертное произведение, не прочитал бы его Рустам и не занялся бы под впечатлением от прочитанного спортом, а, следовательно, не зарабатывал бы себе на жизнь, попутно меняя представление о чеченцах, хоть и небольшой группы людей, от негативного отношения к терпимому, а затем и к уважительному.

Я всегда любил произведения Эрнеста Хемингуэя, но никогда не думал, что буду когда-либо смотреть на них сквозь призму чеченского народа. В свете вышесказанного знаете, какой для нас самый актуальный роман Хемингуэя?

«Прощай, оружие!»...

Слова

Две многолетние закадычные подруги решили породниться через женитьбу племянника и племянницы. Но для начала надо их познакомиться и, весьма желательно, чтоб парень с девушкой нашли общий язык. Это как минимум. А программа максимум, чтобы они понравились друг другу, с вытекающими отсюда последствиями. То есть – свадьбой.

План красив, как тот пригожий осенний грозненский день, в который молодой человек направился к дому девушки. И вот девушка выходит на встречу. Тут бы парню и показать свой интеллект, проявить свое красноречие, выказать свои хорошие качества, кои у него, безусловно, есть. Но вместо этого молодой человек молчит, как партизан. Он понимает, что пауза затягивается, но поделаться ничего не может – от волнения не знает, как начать разговор. Молодой человек рассеянно смотрит по сторонам и вдруг взгляд его натывается на небольшую грудку кирпича у дома. Неожиданно даже для самого себя он спрашивает у девушки: «Вы почему кирпич покупали?». Девушка от такого вопроса даже вздрогнула. «Не знаю, – резко отвечает она, – я его не покупала». Парень понимает, что он сказал явную глупость. «Мы сейчас дом строим и нам как раз кирпич нужен», – пытается объясниться молодой человек, но вместо этого окончательно загоняет себя в угол. «Вот когда построишь дом, тогда и приходи», – сухо говорит девушка, разворачивается и заходит в дом. С тяжелой душой парень плетется домой.

Вечером девушка рассказывала своей тете: «Я таких дебилов в жизни не видела. Он ко мне, по-моему, пришел не знакомиться, а кирпич покупать». Парень же делился со своей тетей: «Очень чванливая девушка. Ее, по-моему, больше интересует мой дом, а не мои человеческие качества».

Самое любопытное, и парень, и девушка – достойные молодые люди из приличных семей.

Но цена слова порой бывает выше объективности.

«Parole, parole» – «Слова, слова, – пела в свое время Далида. – Слова могут сближать, а могут и отторгать»...

Иномарка

Грозненский летний полдень. Жара. С Центрального рынка выходят немолодые мужчина и женщина, по всей видимости – супруги. У обоих в руках тяжелые сумки и пакеты с продуктами. Ручки пакета, что у мужчины, порвались, и поэтому ему приходится поддерживать снизу рукой. Из пакета видна упаковка кефира.

Мужчина идет сгорбленно. Он небрит, на нем выцветшая клетчатая рубашка, на ногах – стоптанные туфли. Женщина идет тяжело. Она неухожена, одета тоже бедно. На лбу у обоих выступил пот, но вытереть его нет никакой возможности – руки заняты. Вид у обоих уставший и измученный. «Да-а-а, – думаю я, – нелегко им придется с этим грузом добираться до дома. Еще хорошо, если живут недалеко и в своем жилье, а не в съемном и не у родственников. Как же обнищал наш народ за последние 10-15 лет в результате этих проклятых войн и неумных действий горе-политиканов». Честно признаюсь, мне даже жалко стало этих двоих людей, хотя я понимаю, что почти весь наш народ в таком положении. Женщина, покупая хлеб, немного приотстала, а мужчина, в ожидании жены, остановился у сверкающего автомобиля марки BMW. Мне виделась со стороны такая сцена: потрепанный мужчина стоял у чьей-то новенькой дорогой иномарки и завистливо глядел на нее. Какие мысли

были у него в этот момент в голове, одному Богу известно. Тут подошла жена. Мужчина, тоскливо окинув в последний раз машину, полез в карман своих старых брюк, достал оттуда ключ и... открыл дверцы машины и багажник. Неспешно и аккуратно женщина уложила сумки и пакеты.

Машина резко сорвалась с места, обдав меня клубами пыли. «Как же выросло за последнее время благосостояние народа, – подумал я, – если типичный ее представитель раскатывает на шикарном авто!»

Процесс познания чеченского народа продолжается...

Подаяние и попрошайничество

Что мы знаем о подаянии и попрошайничестве? Подаяние, я думаю, присуще людям добрым, отзывчивым, не с черствой душой. Тяжело проходить безучастно мимо людей, когда они показывают свои увечья или если нуждающимися являются пожилые люди, а еще страшнее – дети. Появляется такое чувство, что ты ими пренебрегаешь и не страдаешь. Помню, как в один ужасно холодный зимний вечер по пути домой увидел мальчика лет семи. Он стоял, прислонившись к какой-то будке, и одет был совсем не по погоде, скажу хотя бы, что на ногах у него были прохудившиеся резиновые боты. Не думаю, что несколько моих купюр как-то улучшили его жизнь, но, дав их ему, я дал себе шанс (замечу, безуспешный) не терзать себя мыслями об этом мальчишке (представьте на его месте своего ребенка).

Но речь сейчас не о тех, кто волею Судьбы оказался на обочине жизни – в конце концов, все мы ходим под Богом. Хочется сказать немного о тех, кто активно попрошайничает. Сегодня в крупных населенных пунктах на каждом углу можно встретить просящих (да что просящих – требующих) подаяние. Поведение этих людей зачастую бывает довольно агрессивным. В советские времена в нашей республике активно попрошайничали цыгане, но после двух войн их количество заметно сократилось. Сейчас цыган «успешно» заменили выходцы из Средней Азии (если быть более конкретными – таджики, хотя некоторые представляются узбеками). Для меня всегда было загадкой, как эти люди с маниакальным упорством, достойным лучшего применения, преодолевают несколько тысяч километров из другой по сути страны. Кроме вопроса о материальном обеспечении вояжа, вызывает удивление и моральный аспект: как можно ехать в чужую и далекую республику, разрушенную до основания и с населением, доведенным двумя войнами до нищеты? Причем, приезжают люди, как молодые, так и пожилые. Работать, естественно, не хотят. Если в Москве те же азиаты готовы выполнить любую работу за небольшую оплату, то у нас они до такой «низости» опускаться не хотят. И главное, забредают, помимо городов, в самые отдаленные села, а в этих селах умудряются дойти до самой далекой улицы и переулка. Как-то и к нам зашел мужичок лет пятидесяти. Просит деньги ради Всевышнего, а в нагрудном кармане пачка Marlboro видна. В другой раз пожаловала молодуха с ребенком. Причем, ребенка она держала так небрежно, что закралось сомнение – ее ли он. Под напором этой барышни я не устоял и протянул ей десять рублей. «А соседи ваши пятьдесят дали» – говорит. Я чуть было дар речи не потерял от такой наглости. Для полноты картины скажу, что эта дама-азиатка жевала жвачку. Такая эмансипированная женщина Востока. Еще случай. Заявились к нам как-то три почтенных аксакала. Минут десять что-то лопотали. Я ни слова не понял, но, понимая, что пришли они не преподавать мне основы таджикского языка, протянул теперь уже пятьдесят рублей. И что вы думаете? Эти три гордых сына Средней Азии заговорили на таком чистом русском языке, что я подумал, не являются ли они учителями русского языка и литературы в каком-нибудь кишлаке. Суть претензий этих людей была в том, что они ради какой-то великой религиозной миссии (о которой я не знаю в силу своего невежества) прошли большой путь, а я даю им унижающую их достоинство мизерную сумму, а должен (!) был дать хотя бы рублей триста. Очень долго и безуспешно пытался объяснить им,

что и пятьдесят рублей для жителей республики не самые маленькие деньги, не говоря уже о более крупных суммах. Но у меня сложилось впечатление, что эти старцы спутали Чеченскую Республику с Рублевским шоссе или Лас-Вегасом (географию они точно не преподают). Чеченцы дают деньги только из-за своего кавказского менталитета и добропорядочности, а не потому, что их девать некуда. Конечно, есть в республике и богатые люди, но к ним эти просители не подберутся и на версту. Оглянитесь вокруг, и вы увидите много детей. наших детей, чеченских. И не всегда у нас есть возможность купить им гостинцы. А ведь мы, взрослые, несем ответственность перед нашими детьми за то, что лишили их нормального детства. А тут приезжает невеста кто, невеста откуда и начинаю донимать нас, пытаюсь по ситуации даже устыдить. И это притом, что отношение к чеченцам в Средней Азии в целом, а в Таджикистане в частности, мягко говоря, не самое теплое. Сказанное, конечно, не относится ко всем таджикам и иже с ними, но, поймите правильно, праведному человеку есть чем заняться и у себя дома. Я сознательно не касаюсь досужих слухов, что, якобы, выходцы из Средней Азии завозят сюда наркотики. Не видел – не знаю. Это пусть выясняют правоохранительные органы.

Я поинтересовался у богословов, что говорит ислам о попрошайничестве и выяснил, что попрошайничать запрещено исламом. Есть достоверный хадис: «Однажды ‘Умар ибн аль-Хаттаб услышал голос просящего после четвертой молитвы («Магриб») и сказал одному из помощников: «Накорми его». Через некоторое время ‘Умар опять увидел этого просящего. Он спросил: «Я разве не велел накормить его?!» Ему ответили: «Мы накормили». Второй праведный халиф подошел к этому человеку и посмотрел в торбу, что стояла у его ног. Она была полна хлеба. ‘Умар воскликнул: «Ты, оказывается, не нуждающийся, а торговец (то есть это твое ремесло)!» Правитель правоверных забрал эту торбу, хлеб передал на корм общественным верблюдам¹ и, сказав: «Больше не возвращайся», – плетью прогнал этого человека»². Люди, побывавшие с хаджем в Саудовской Аравии рассказывали, что в гостинице висело обращение властей к паломникам, чтобы те не делали подаяния попрошайкам.

К сожалению, попрошайничать начали и чеченцы. В кои века чеченцы просили милостыню! После первой войны это были редкие и шокирующие случаи. Сейчас, к сожалению, мы к этому начинаем привыкать. И, самое удивительное, – среди попрошаек немало людей небедных, а в отдельных случаях и обеспеченных. У многих попрошаек есть свои постоянные «хлебные» точки, другие ходят по дворам. В общем, как выяснилось, это довольно выгодный бизнес, а к бизнесу чеченцы всегда проявляли интерес. Особенно после двух войн, когда ранее существовавшие моральные запреты, основанные на нашем менталитете, у некоторых людей нивелировались.

А то, что попрошайничество – выгодный бизнес, доказывает хотя бы один пример. В одной из стран некоторое время назад очень известная актриса развернула благотворительную кампанию, целью которой было помочь попрошайкам в том, в чем они нуждаются, то есть сделать так, чтобы попрошаек на улицах не осталось. В самом начале этого мероприятия ей доходчиво объяснили: «Попрошайничество – это очень выгодное ремесло, от которого уличные попрошайки не откажутся». И предложили (как актрисе) переодеться, загримироваться и один день «поработать». Она прислушалась, и, заработав за день очень значительную сумму, поняла суть дела и прекратила «благотворительную деятельность».

Да, многие люди, особенно пожилые и больные, живут в очень тяжелых условиях. У многих по разным причинам отсутствуют кормильцы. Но, думаю, что институты родственных и соседских связей отменять и забывать не стоит. Во все времена чеченцы заботились о своих родственниках. Не было близких родственников – помогали дальние. Нет родственников (эта ситуация стала возможна после двух военных кампаний) – помогали соседи. Кстати, соседи выделены в хадисах отдельной графой как те, хорошее отношение к которым крайне важно, восхваляемо и вознаграждается Всевышним.

Помогать людям, конечно, надо, но надо помогать тем, о бедности или проблемах, осложнениях и тяготах которых мы хорошо знаем, и не десятью или пятьюдесятью рублями, а тем, что на самом деле может быть действенной помощью.

Завершить хочу на оптимистической ноте, чтобы вы поняли, что не все так безнадежно в нашем обществе. Стою я как-то у входа на грозненский рынок в ожидании товарища. Вдруг вижу среди торговков, покупателей, праздно шатающейся публики благообразную старушку. Стоит скромно, чуть в сторонке от потока людей, назойливо не пристает к прохожим, одета хоть и бедно – на ней старенькая кофточка и стоптанные туфли – но опрятно. В глазах неизбывная тоска и стыд от необходимости просить подавание. Мне ее стало жаль. Решил я ей подать мелочь. Во-первых, человек она в возрасте и так легко не подзаработает, во-вторых, она держится с достоинством – все-таки, судьбе сломить вконец ее не удалось. И, в отличие от других, не гнусавит что-то религиозное. Мое сердце наполнилось подобием гуманизма, хотя, честно признаюсь, в одинаковой мере и чувством стыда – все-таки непривычно давать подавание чеченской старушке. Я наскреб в кармане немного мелочи и, подойдя к ней, протянул ее.

«Это что такое?» – спрашивает она. И тон ее весьма агрессивен. Почувствовав что-то неладное, я стал что-то мямлить о взаимопомощи, добрососедстве, мире во всем мире.

«Я стою здесь и жду дочь, – продолжает старушка грозным голосом, – и ни у кого ничего не прошу». В общем, получился конфуз... И хорошо, что получился – нечего нам свыкаться с мыслью, что чеченцы могут быть попрошайками. А тяжелые периоды бывают в жизни любого народа. И я верю, что чеченцы достойно переживут и этот период – один из самых сложных в своей истории. Не такое проходили!

---

¹То есть тем верблюдам, которые были переданы в казну богатыми для помощи бедным и неимущим.

²Аль-Газали М. Ихья 'улюм ад-дин [Воскрешение наук о вере]: В 6 т. Бейрут: Кутайба, 1992, т. 4, с. 308.

Исраил Горский**Анатомия развода**

Повесть

Окончание. Начало в №№1,2.

Доказать братьям, что у меня бескорыстная любовь к Комете, было невозможно. Замужество своей сестры они считали комедией, которая рано или поздно должна закончиться. Они хорошо знали свою сестру и не хотели признавать меня. Анализируя всю палитру наших отношений, я часто приходил к выводу, что неприязнь ко мне братьев Кометы сыграла чуть ли не решающую роль в развале нашей семьи. Никаких реальных шагов, чтобы испортить наши отношения, братья не делали, не желая обижать мать, но терпеливо ждали трещины, чтобы затем предпринять активные действия для ее расширения. В итоге так и вышло. В этой жизни у них все получалось самым удивительным образом. Братья не принимали в расчет, что я дарил Комете всю теплоту своей души, был очень заботлив и внимателен к ней. В голову лезли самые разные мысли, но их прервал Ренат, лицо которого оказалось перед моим носом.

– Анзор, – затараторил он, – что с тобой? Я уже несколько минут зову тебя попить чай, пока аксакалы пошли подышать свежим воздухом. Твой странноватый взгляд и блуждающая улыбка пугают меня. Здоров ли ты?

Я быстро спустился вниз, обхватил руками грудь Рената и смущенно произнес: «Все нормально, брат».

– Нет, ненормально, – смеясь, сказал Ренат. – С тобой что-то происходит. Я это давно заметил. Давай, колись, я же вижу, что у тебя на душе кошки скребут. Поделишься – легче будет. А может, я тебе дельный совет дам?

Я скептически заметил: «Уж ты-то насоветуешь». Но, тем не менее, вкратце ввел его в курс своих проблем. В ходе моего монолога Ренат не скрывал своего удивления от услышанного и прерывал меня восклицаниями: «Вот это да!», «Один шанс из миллиона!», «Какой ты дурак!», «Ты – человек со странностями!», «Натуральный валет!»

Когда я закончил свою речь, наступила небольшая пауза, а затем Ренат обрушился на меня: «Слушай, если то, что ты рассказал мне, правда, то ты форменный осел. Богатая женщина по уши в тебя влюблена. А ты корчишь из себя черт знает что. Я бы такую возможность не упустил. Альфонс ты или кто-то другой, какая разница? Зато ты был в шоколаде. Когда ты богатый и успешный, даже все твои недостатки становятся достоинствами. Таков закон жизни. Все твои родственники со временем привыкли бы к твоему статусу и не обращали бы особого внимания».

– Нет, – решительно запротестовал я, – косые взгляды родственников для меня, что острый нож в сердце. Тебе этого не понять. Спроси у Хасана, уверен, что он будет на моей стороне. Для него понятия чести, совести – не пустые слова.

– Согласен с тобой, он человек старой закалки. Оглянись вокруг, все только и думают о деньгах. Используют любой шанс, чтобы обогатиться. Небось, ты тоже вначале позарился на ее богатства.

– Ошибаешься. Началось с того, что на меня сильное впечатление произвели ее внешние данные. Повторяю, она очень красивая женщина. Даже сейчас, когда она звонит мне, мое сердце начинает биться в два раза чаще. В то время в голову не приходило, что смогу так сильно влюбиться буквально с первого взгляда. После этого меня впечатлило ее богатство. Роскошь была такой, что словами не передать.

Ренат улыбался, не скрывая своего удивления.

– Я не понимаю таких людей. Интересно, что она нашла в тебе, в бедном сельском парне? Я бы не сказал, что ты какой-то особенный красавец. Обыкновенный мужик. Правда, физически крепкий. Слушай, я вспомнил, ты же «Барс»! Все никак не мог понять, где тебя раньше встречал. Ты занимался вольной борьбой у знаменитого Дэги Багаева? Я был его фанатом и часто посещал ваши тренировки. С виду ты мужик спокойный, несуетливый, но что ты творил на ковре! На ковре ты становился похожим на неукротимого барса. Молниеносные проходы, броски через бедро, редко уходил с ковра побежденным. Ты ужасно не любил проигрывать. Да, женщины любят сильных. Теперь мне понятно, чем ты взял Комету – не мужик, а тайфун!

– Опять ошибаешься, – бодро возразил я Ренату. – Моя сестра Совдат тоже говорит, что Комета убивается из-за того, что потеряла дорогой аксессуар из своего гардероба. Все гораздо сложнее. Людей с хорошими физическими данными в Москве также много, как грязи. Кстати, сынки богатых людей в Москве встречаются на стадионах, в фитнес-клубах. При ее возможностях нетрудно найти для себя подходящую пару.

– Зачем ей искать, – засмеялся Ренат – если ей мать нашла? А по поводу сынов богатеев, то я недавно читал статью. Там черным по белому было написано, что при нашем диком капитализме, как только нормальный человек начинает заниматься серьезным делом, то может вскоре стать пьяницей и наркоманом. Человек, который сумел прорваться на вершину благосостояния, вдруг начинает паниковать, что может в одночасье стать бедняком. Этот страх ломает многих. Наверное, из-за этого Комета не давала тебе денег для раскрутки своего бизнеса.

– Не знаю, – равнодушно произнес я. – Впрочем, мнений, как говорит Хасан, столько же, сколько и людей.

– Все-таки, ты – прибабахнутый мужик, – «изящно» сделал мне комплимент Ренат. – Уходишь от красивой жизни. И куда? На север, где летом от комаров, а зимой от холода даже спокойно в туалет не сходишь. Уж там-то ты осознаешь кое-какие истины. Я бы на твоём месте начал с того, что постарался бы найти общий язык с братьями. Ты слишком гордый, не умеешь прогнуться перед сильными мира сего. Тебе нужно было, несмотря на все, стараться почаще попадать на глаза братьям, оказывать им какие-то услуги и тогда, возможно, они постарались бы разглядеть тебя, оценить твои человеческие качества. Да и вообще, ты, как зять, по нашим обычаям, должен быть весьма почтительным по отношению к родственникам жены.

– Об этом я не забывал, но братья Кометы держали меня на такой дистанции, что проявить себя, как зять, я практически не мог. Они сами, их жены и даже дети сторонились меня.

– Нужно было начать с детей, ведь они приходили в гости к тете. Например, мальчикам ты мог показать приемы вольной борьбы. Сходить с ними в спортзал и там проявить себя как сильный мужчина. Мальчики любят сильных людей. Поразив их воображение, можно было бы двинуться дальше. Оказать услугу матерям этих мальчиков. Вода камень точит.

– Ты, Ренат, упрекаешь меня в том, что, используя подлые маневры, став подлизой, не втерся в доверие братьев.

– Анзор, ты прямой как столб. Жизнь ничему тебя не научила. Хочешь жить – умей вертеться. Когда ты на своей шкуре почувствовал, что для братьев ты пустое место, то должен был предпринять кое-какие действия, а не вести себя как слепоглухонемой. Все это нужно было делать тогда, когда ваши отношения с Кометой были крепки, тогда братьям не захотелось бы увеличивать образовавшуюся трещину в ваших отношениях.

– Ренат, я прекрасно видел, что братья играют главную роль в семье Даутовых. Я вел себя, как подобает зятю, но унижаться, прогнуться, как ты говоришь, я не мог. Это противно мне.

– Вот-вот. За это и пострадал. Глубокие страдания испытывает твоя любимая женщина, она в шоковом состоянии. Сейчас умный человек, если на него плюнет более сильный, отходит в сторону и говорит: «Ах, пролетело мимо...»

– Я так не могу.

– Не могу, не могу... А что ты можешь? Валид, Ваха и Вахид не вторгались в вашу семейную жизнь. Правда, они сидели в засаде и ждали, когда ваш брак даст трещину. Это безусловно. А ведь могли пустить в ход наветы, оговоры, сплетни, чтобы вы быстрее разбежались. Они не скрывали свою неприязнь к тебе, но резких движений не делали.

– Не хотели огорчать мать.

– Не знаю, может быть.

– Анзор, я считаю, что ты виноват в том, что ваш союз, основанный на взаимной любви, развалился.

– Ну, ты даешь! Нашел крайнего.

– Если бы ты, отбросив свои дурацкие принципы, обаял бы братьев, все было бы по-другому. Мне кажется, что своими непродуманными действиями ты наломал дров. Ты не догадывался, что братья держали руку на пульсе вашей семейной жизни. Они сразу раскусили тебя и поняли, что Комета по своему образу жизни совершенно не подходит тебе, хотя знали, что вас связывает любовь. А у любви бывают приливы и отливы. Они по-своему любят сестру и желают ей счастья.

– Возможно, ты в чем-то и прав.

– Я прав во всем. Ты дал маху. Ты должен новыми глазами взглянуть на ситуацию и попробовать исправить ее.

– Я подумаю, но в этот момент мне очень важно мнение Хасана.

– Вот ты дурак! Ну зачем тебе знать мнение этого старого демагога? У тебя реальная возможность не думать каждый день, где взять деньги на еду, одежду. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

– Ренат, что ты так кипятишься? Неужели ты думаешь, что я не знаю таких простых вещей? Если послушать тебя и тебе подобных, то я должен пресмыкаться перед братьями Кометы, быть подкаблучником, терпеть косые взгляды родных и близких. Не слишком ли большая цена за земное благополучие? Я не видел ни одного человека, умершего от голода. Не умру, дай Аллах, и я. Слышал притчу про орла и ворону? Не хочу триста лет питаться падалью.

– Какие мы гордые! Какая падаль? У тебя есть возможность питаться отборной пищей, одеваться по последней моде, рассекать по Москве на крутых машинах. Подумай, о чем ты говоришь? Богатых и успешных уважают все. Никому дела нет, откуда у тебя деньги.

– Моя сестра Совдат так не думает. Давай прекратим этот разговор. Сейчас сюда зайдут Сергей и Хасан. Поговори с Хасаном. Что он скажет, то и сделаю. Я хочу знать его мнение. Мне неудобно присутствовать при этом разговоре, поговори на эту тему в мое отсутствие. Потом мне все расскажешь.

– Хасан начнет болтать о чести и достоинстве, хвататься за книги, чтобы, апеллируя к великим, доказать свою правоту. Это книжный человек.

– Ошибаешься. Это очень образованный и умудренный жизненным опытом человек. На таких держится Земля. Надо слушаться старших, а иначе можно попасть впросак. В военное лихолетье мы все кое-что познали, – беззлобно парировал я нападки Рената, который многозначительно обвел глазами купе, а потом, развалившись на полке, замолчал. Но молчание его длилось недолго, подумав, он произнес:

– Наверное, с твоей точки зрения я моральный урод, но чувствует моя душа, что ты совершаешь большую ошибку, отвергая любовь такой богатой и прелестной женщины. Будешь потом локти кусать, да будет поздно. Загнал любящую тебя женщину в глубочайшую депрессию и корчишь из себя благородного человека.

– Ренат, благородному человеку нормально у женщины деньги стрелять? – хихикнул я.

Ренат открыл рот и начал хлопать глазами, он явно не был готов к такому вопросу. Его лицо озарилось какой-то мыслью и он не скрывал, что подбирает слова, чтобы озвучит ее.

– Мммм... Анзор, ты забываешь, что кроме денег она дарила тебе нежность и душевное тепло, – вяло проговорил Ренат.

– Не забываю, – отрезал я, но закончить свою мысль не успел, в купе вошли наши старики с пакетами в руках.

Я постарался незаметно выйти из купе. И когда через некоторое время вернулся, то услышал за дверью фразы: «...одна половинка магнита притянется к другой... рожденный ползать летать не может... сработает мощный инстинкт... ты никогда не поймешь его».

Когда я усилием правой руки открыл дверь купе, то сразу обратил внимание на Рената, который сидел, как оплеванный. Затем перевел взгляд на Хасана, одобрительно улыбавшегося мне. Эта улыбка была красноречивее любых слов. Улыбка говорила: «Молодец, Анзор! Ты на правильном пути! Так держать!» Сергей с серьезным видом смотрел куда-то в окно. Учтывая, что нельзя говорить со старшими о своих душевных терзаниях, я ловко запрыгнул на свою полку и удобно расположился.

– Сергей, – обратился Хасан к спутнику, развивая когда-то прерванную мысль. – На мой взгляд, советская номенклатура нанесла огромный вред стране, подорвала духовную мощь народа. Уже с самого начала своего господства большевики открытым текстом заявили, что не признают семью и мораль. – Хасан достал из сумки какой-то блокнот и продолжил: – Вот слова Ленина: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». А вот что писала К.А. Коллонтай, верная большевичка: «Семья перестала быть необходимой. Она не нужна государству. Ибо отвлекает женщин от полезного обществу труда, не нужна членам семьи, ибо воспитание детей берет на себя государство». Вот вам экстремизм, радикализм в чистом виде. Огромную работу по облагораживанию людей, которая с помощью Аллаха велась пророками, устазами и другими великими людьми, большевики отвергали полностью. Не потому ли сейчас Россия лидирует по количеству разводов, абортотворцев? Младенцев находят в мусорных баках. Сотни тысяч беспризорных детей бродят по стране, совершают противоправные действия. Это последствия теории и практики большевизма. Это будет продолжаться до тех пор, пока так называемая элита не очистит свои мозги от стереотипов коммунистического мышления. По большому счету, Ленин и его сторонники были заложниками своих диких взглядов, жертвами созданной ими же системы. Большевики абсолютно не нуждались в общественной морали, так как хотели силой осчастливить людей, поэтому понятия «честь», «достоинство», «благородство» отвергались и высмеивались как пережитки прошлого. С самого начала своего господства страна большевиков погружалась в трясины безнравственности и атеизма. Ленин, Сталин нуждались в беспринципных людях, которые должны были слепо выполнять их указания и были способны убивать своих сограждан только за то, что имеют свои представления об окружающем мире. Партийно-хозяйственный актив или номенклатура формировалась за счет хамовитых и необразованных людей. Эти никчемные люди из всех лозунгов новой власти хорошо усвоили только один «брат нагребленное». Бунин мастерски описал образ одного из «революционеров»: «Встретил мальчишку – солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: «Деспот, сукин сын!» Вот так же «революционеры» на долгие десятилетия узурпировали власть в стране, с остервенением уничтожая все живое и здоровое в обществе. Первыми под руки большевиков попали аристократы, затем под нож пошли священнослужители, предприниматели, ученые. Вайнахи тоже понесли большие потери. Элита гибла в тюрьмах, в Сибири. Очень тяжело чеченцы перенесли гибель Али Митаева¹ в большевистских застенках. Общество методично обезглавливалось. Культурный слой общества срезался, как нож бульдозера срезает гумус. На смену ему пришла псевдоэлита, которая создавала псевдоэкономику, псевдокультуру и т.д. История СССР лишней раз подтвердила старую как мир истину: великие государства и народы исчезают, как только элита теряет нравственные ориентиры. Это касается и отдельных людей, отвергающих мораль.

Хасан закончил свой монолог и стал собирать книги, разбросанные по всему столу. Я обратил внимание на Рената, который явно был не согласен с некоторыми выводами Хасана.

– Хасан, – спросил он, – если царская элита была такой хорошей, то почему развалилась Россия в 1917 году?

Хасан вдруг посерьезнел, призадумался и сказал:

– Причин российской трагедии много, но, на мой взгляд, две причины очевидны – это война и бюрократический беспредел. Российская элита, у истоков создания которой стоял Петр I, создала российскую империю. Аристократы, военные, ученые очень много сделали для укрепления российской государственности. Особенно хорошо себя проявили военные в ходе борьбы с наполеоновской армией. Храбрость, боевой дух, умение воевать с сильным противником – вот качества офицерского состава тех времен. Удивительное дело, до Петра Великого по пальцам можно было пересчитать русских поэтов и писателей, а после его реформ они стали появляться как грибы после дождя.

– Все вроде логично, – хмыкнул Ренат. – А чем ты объяснишь то, что наличие хорошей элиты не привело к распаду крепостничества? Наш учитель истории говорил в школе, что в социально-экономическом плане результат правления Петра I равнялся нулю.

Хасан помялся и перешел в наступление:

– К сожалению, твой учитель был частично прав. Петр I не смог, а, может, и не хотел сломать крепостной строй, но потомки птенцов гнезда Петра медленно, но верно разваливали крепостничество. В конечном счете они его ликвидировали. Все дело в том, что великие дела не делаются сразу, требуется время, люди и обстановка...

Спор Хасана и Рената продолжался, но я уже не слышал. Звонила Совдат, и мне пришлось повернуться на другой бок.

– Слушаю тебя, Совдат.

– Анзор, родители уже сильно жалеют, что отпустили тебя, хотя в Когалыме есть наши родственники и знакомые.

– Совдат, мне стыдно сидеть на шее родителей, пора и самому на хлеб зарабатывать, да и сын растет. Двух нахлебников Боливар не выдержит.

– Анзор, на хлеб и тут можно заработать, ты у нас не бездельник.

– Отец решил дать полю отдохнуть в этом году. Уже 10 лет подряд сеем пшеницу. Удобрений никаких, поле выдохлось, нужен отдых. Если в Когалыме дела не пойдут, то весной вернусь. Будем с отцом заниматься сельским хозяйством. Больше в Ади-Юрте делать нечего.

– Анзор, можно рядом с моим магазином заняться торговлей сантехникой. Этот бизнес очень перспективный. Сантехника людям всегда нужна.

– Поживем – увидим.

– Анзор, надеюсь, что Комета оставила тебя в покое.

– Названивает иногда. Просит начать все сначала.

– Я так и знала. Прицепилась, как репей. Небось, красивые слова говорит.

Мы уже знаем цену этим словам.

– Совдат, похоже, что она впала в глубокую депрессию.

– Ничего себе! Она вдобавок ко всему еще и психопатка.

– Не знаю. Но, судя по всему, Комете сейчас очень плохо.

– Может, ты все бросишь и побежишь ее спасать? А мне не было плохо, когда она предала тебя? А мне не было плохо, когда она ни во что не ставила твой сий? Неужели она не знала, что честь – это не товар, который можно приобрести во время очередного шоппинга, а потом выбросить. Я ей сто раз звонила и говорила, что она играет с огнем. Я ей объясняла, что на Кавказе нет ничего выше снежных вершин гор, а честь еще выше. Чувствуя, что она меня плохо понимает, начала твердить ей, что деньги – это бумажки, золото – металл, бриллианты – холодные камушки. Все эти вещи не эквивалентны чести. Человек без чести – ноль. Она в ответ мямлила, что за деньги можно купить все. Короче, оторвалась она от нашей жизни на все сто процентов. В этом случае зачем она нам?

– Этот вопрос я задавал себе много раз. К семейной жизни она не приспособлена. Однозначно.

– Рада, что ты это понимаешь. Любовь, страсть, чувства – все это хорошо, но, чтобы была крепкая семья, всего этого явно недостаточно. Женщина должна уметь готовить, стирать, воспитывать детей, но и этого мало. Самое главное – жена должна беречь честь мужа.

– Короче, Совдат, тебя послушать, у женщины мало прав, но много обязанностей.

– Не я это придумала. Этот порядок вещей и есть женское счастье. Дом, муж и дети – вот чем должна жить женщина! Недаром говорят, что женщина – хранительница очага. Что такое Комета? Это красивая, богатая кукла. Разве можно жить с куклой?

– Совдат, у нее есть и плюсы. Она образованная, современная...

– Можешь не перечислять. Образованная дура! В Европе много богатых и образованных женщин, но они зубами держатся за семью. А у вас что? Гостевой брак. Сбежались и разбежались, как собаки. Ты неделю жил в Москве, неделю – в Ади-Юрте. Об Ибрашке вы забыли оба. Разве это нормально? Короче, о чем мы говорим? С Кометой вы в разводе. Финита ля комедия. Не по Сеньке шапка. Нам такие полуфабрикаты не нужны. Я нашла тебе достойную невесту. Зовут ее Марет. Работает педиатром в Ади-Юрте. Очень любит возиться в огороде. Фруктовые деревья у нее окопаны, побелены. Грядки с овощами в идеальном порядке, ни травинки, ни соринки. Поливает, окучивает, рыхлит – в общем, трудяга, что надо. Очень любит ухаживать за розами, их у нее несколько сортов. Я часто бываю у нее на огороде – красота неопишная! Все цветет и благоухает. Одинаково хорошо владеет и тяпкой, и тряпкой. Умеет создать уют в доме, вкусно готовит. Я никогда не видела, чтобы она сидела без дела, при этом выглядит, как принцесса. Брюнетка с большими, выразительными глазами и огромным запасом нежности. А главное, Марет – настоящая мусульманка: молитва и пост для нее – самые важные дела в этой жизни, так как она боится Судного дня. Я думаю, она тебе понравится. Очень хочу этого. Тебя она знает и, когда завою разговор о тебе, лицо у нее становится пунцовым.

– Я тоже несколько раз встречался с ней. Симпатичная, ничего не скажешь. Но, по-моему, она жеро³.

– Анзор, ты тоже не мальчик. Неужели ты хочешь приглубить какую-нибудь малолетку? А потом несколько лет заниматься ее воспитанием, пока она не станет настоящей женой. Некоторые из этих полуфабрикатов так до конца жизни не могут освоить роль хозяйки дома. А тут готовая жена. Марет ничему учить не надо.

– Совдат, почему она стала жеро?

– Пять лет тому назад она вышла замуж. Неудачно. Будущий муж проживал в Красноярске. Родственники заманили его в Ади-Юрт и женили на Марет. Через месяц после свадьбы он уехал в Сибирь и больше здесь не появлялся. Марет родила дочь, но мужа все не было. Однажды Марет выехала в Красноярск, чтобы задать несколько вопросов отцу своего ребенка. Там выяснилось, что у мужа другая семья, трое детей. Добилась развода и сейчас воспитывает дочь.

– Выйдет замуж, а куда она денет дочь?

– Отцу этот ребенок не нужен, а вот родители Марет обожают внучку. Они и будут ее воспитывать. Сейчас семьи быстро распадаются, многие дедушки и бабушки воспитывают внуков и внучек. Ничего, дети быстро вырастают.

– Совдат, я смотрю, ты время зря не теряешь.

– Ты у меня единственный брат. Очень тебя люблю и хочу, чтобы у тебя был надежный тыл. Отец и мать тоже этого хотят. Мы все ждем, пока ты перегоришь, перестрадаешь, переживешь эту темную полосу в своей жизни и будешь готов начать новую жизнь, с новой достойной спутницей жизни, оставив эту безбашенную стерву. Сколько она нашей крови выпила!

– А где гарантия, что Марет лучше?

– Конечно, проблемы будут и с Марет. Я не говорю, что она идеальная. Но тебе она подходит, значит, проблем будет на порядок меньше. Марет воспитанная,

спокойная и уравновешенная женщина. Разве этого мало? Кроме того, она тебя заметила. Как-то я стала ей рассказывать о тебе. Она, к моему удивлению, оказывается, была в курсе твоих проблем. Потупив глаза, призналась, что о таком мужчине, как ты, можно только мечтать. Вместе с тем дала мне понять, что начинать с тобой отношения не будет, пока окончательно не убедится в том, что все связи с Кометой будут порваны. Очень трезвые рассуждения, если иметь в виду, что она один раз сильно погорела и не хочет новых страданий. Так что, мы с Марет ждем, пока ты остынешь и поставишь жирную точку в отношениях с Барби. Чем скорее, тем лучше. Что лучше, отрезать собаке хвост по частям или отрубить сразу?

– Конечно, лучше отрубить сразу, но люди ведь не собаки.

– В том-то и дело. Мы все надеемся, что у тебя хватит мужества и твердости вырвать из своего сердца эту мадам. Конечно, если бы ты был помоложе, сделать это было бы труднее, а сейчас ты зрелый мужчина. У тебя достаточно ума и опыта, чтобы расколдовать себя от чар этой мерзости.

– Совдат, осторожней на поворотах, ведь она мать твоего племянника.

– Наши предки говорили, что ребенок без отца или матери подобен калеке. Комета искалечила не только твою жизнь, но и жизнь своему сыну. Впервые вижу женщину, которая напрочь лишена материнского инстинкта. Это страшный человек. У нее на первом месте деньги. Русские говорят, с глаз долой, из сердца вон. Сейчас важно, чтобы ты с ней не встретился. Все остальное сделает время.

– Совдат, у меня такое впечатление, что я однолюб.

– Это обманчивое впечатление. Ты уже достаточно зрелый человек, чтобы дважды не наступать на одни и те же грабли. Когда ты женишься на Марет, то поймешь, что такое семья. Только в семье человек чувствует себя комфортно, а так – все время его трясет, как грушу. У меня была хорошая семья, и я знаю, что говорю.

– Ты так уверена, что рядом с Марет я заживу, как сыр в масле?

– Все факты, все обстоятельства, все доводы – короче, все, все, все говорит о том, что Марет – наш человек, подходит нам по образу жизни, а это очень важно. Осечки быть не должно. Я взвесила все за и против. Повторяю, гарантировать беспроblemную жизнь я не могу, но непреодолимых препятствий с Марет у тебя не будет.

Мы еще долго говорили с сестрой о житье-бытье. После каждого разговора с ней я чувствовал себя увереннее в жизни. Так было всегда. Так было и на этот раз. Совдат была твердо уверена в том, что возврата к прошлому не может быть. На карту была поставлена моя честь, честь семьи и тейпа. Реально получалась забавная ситуация. Я уходил от красивой, богатой и любящей меня женщины к другой женщине, которая имела зарплату 12 тысяч рублей. Не очень разгуляешься. Опять вспомнилась притча об орле и вороне. Чтобы быть орлом, нужно решительно лишиться Комету всякой надежды на совместную жизнь, а не потакать ее желаниям. Вся беда заключалась в том, что сердце не желало руководствоваться здравым смыслом. Требовалось какое-то время, чтобы сбить накал страстей. Комета лихорадочно ищет пути сближения. Поражало ее неистовое желание склеить наше счастье. А мне хотелось быть орлом, чтобы уважать себя, чтобы мной гордились родные и близкие. Для этого требовалась самая малость – это переключить свое внимание с Кометы к Марет. В глубинах моего сознания возник образ Марет. Все больше и больше думал о ней. Из слов Совдат я понял, что Марет должна была захватить плацдарм в моей душе и постепенно вытеснить оттуда Комету. Слова сестры «готовая, хорошая жена» врезались в мой мозг. Я завидовал своим сверстникам, которые, забыв о том, что бывает космическая любовь, вовремя нашли себе нормальных женщин и теперь спокойно воспитывали детей. Экстремальная Комета не хотела жить так, как живет большинство вайнахских семей. У нее были другие взгляды, другие потребности, другой ритм жизни. Гламурная жизнь втянула Комету в свои объятия и не хотела отпускать. Более того, она хотела и меня туда втянуть,

но в силу своего воспитания туда мне дорога была заказана. Мне хотелось нормальной семьи, а Комета жаждала романтических отношений, постоянного накала чувств. Так ей было интересно жить. Все было хорошо, пока не пропал кулон. Братья Кометы, известные богачи, со всего света везли для единственной сестры роскошные драгоценности, зная, что она равнодушна к золотым украшениям. Особенно она любила желтое золото, инкрустированное очень дорогими бриллиантами. Комета, как ребенок, радовалась каждой такой вещице. Зная ее слабость к драгоценностям, братья не переставали ее баловать, хотя она имела великое множество золотых украшений. Нельзя сказать, что пропавший кулон имел какое-то особое значение для нее, хотя это было довольно увесистое изделие. Однажды старший брат на два дня задержался в Лондоне, чтобы на аукционе купить этот кулон. Уж очень ему хотелось порадовать единственную сестру. Комета была в восторге от кулона с бриллиантами и изумрудами в золоте. Как-то Комете нужно было заехать к брату, и она решила надеть кулон, бриллианты которого на солнечном свете играли разноцветными лучами. Знала, что брату будет приятно. Найти кулон сразу не удалось. На второй день начались усиленные поиски кулона всеми, кто обитал в доме. Комета часто забывала класть золотые украшения в сейф, и поэтому в разных местах могли долго валяться кольца, серьги, цепочки. Комете пришлось известить брата о пропаже. Старший брат был в ярости. Вскоре появился майор полиции Виктор Иванович Кузнецов, который начал задавать вопросы всем, в том числе и мне. В конце беседы он попросил меня следовать за ним. Вслед за нами выскочила на улицу Комета и увидела меня распластанным на капоте автомобиля, с заломленными руками и в наручниках. Она закатила истерику Кузнецову, требуя освободить меня, но тот и ухом не повел. В этой ситуации мне стало жаль Комету. Я никогда еще не видел ее такой растерянной, она была в шоке. Впрочем, как и я. Говорят, плохая весть приходит быстро. Во всяком случае, в конце этого дня в Ади-Юрте уже знали, что я арестован. Совдат сразу же отправилась к Мате и заявила ей о том, что если с моей головы упадет хоть один волос, им будет объявлена кровная месть. Бедной Мате пришлось выслушать довольно резкие выражения в свой адрес и в адрес своих сыновей.

«Вы настолько зажрались, – кричала Совдат, – что можете из-за какой-то золотой побрякушки предать или убить человека. Завтра я с отцом выезжаю в Москву и, не дай Аллах если мой брат будет в тюрьме, я своими руками задушу всех твоих сыновей! Все они не стоят и мизинца моего брата. Будьте вы прокляты, никак не нажретесь!»

К обеду следующего дня в мою камеру зашел майор Кузнецов и сообщил, что кулон нашелся. Валялся где-то в дальнем углу, и теперь я вне подозрения. Когда я вышел на улицу, был ошеломлен тем, что увидел отца и Совдат. Отец в шутилом тоне сказал: «От тюрьмы и сумы не зарекайся. Так, по-моему, звучит русская поговорка». Совдат с осуждением посмотрела на отца, подбежала ко мне и заплакала навзрыд, склонив голову на моей груди. Вскоре к нам подъехали родственники и знакомые, проживающие в Москве. Было решено, что я развожусь сегодня же с Кометой, а затем мы с отцом и Совдат уезжаем в Ади-Юрт. По телефону я вызвал Комету и, когда она подъехала, подошел к ней с двумя родственниками и произнес слова, означающие, что больше мы не муж и жена. Бледная Комета растерянно произнесла: «Анзор, что происходит?»

Рядом появилась Совдат, на ее лице было предельное омерзение: «Ты что? Не поняла? Вы больше не супруги. Все, волчица в овечьей шкуре».

С перекошенным от злобы лицом Совдат продолжила говорить Комете гадости, пока ее не отвели в сторону. В эти минуты мне казалось, что мои чувства к Комете сгорели дотла. Чуть позже стало ясно, что эмоционально отключиться от нее сложно. По пути домой мне стало плохо. Из самолета меня вынесли на носилках. Был госпитализирован с черепно-мозговой травмой, ушибами тканей головы, рук, ног и позвоночника. Накануне, стремясь добиться признательных показаний, майор Кузнецов избил меня дубинкой. В перерывах между избиениями этот оборотень в погонах задавал вопросы.

– Тебе лучше оформить явку с повинной. Никто, кроме тебя, не мог похитить этот кулон. Братья Кометы такого же мнения. Земляки не первый раз устраивали им подлянки. Ты бедный, как амбарная крыса, мужичок. Приехал покорять столицу, а если не удастся, то чем-то поживиться, что плохо лежит. Много я таких видел. Ты не дурак, этот кулон обеспечит тебе безбедное существование. Больше нигде в жизни работать не надо. Правильно я тебя понял? Так что колись. Колись, иначе сгниешь тут.

Преодолевая адскую боль, я спросил у изверга: «А что думает Комета?»

Майор скривил губы и ответил: «Она молчит».

– Выходит, и она не доверяет мне?

– Выходит, – зло проговорил Кузнецов и ударил дубинкой по спине.

О том, что братья Кометы меня недолюбливают, я и раньше знал. Они хотели, чтобы Комета вышла за москвича, провинциалы их достали. Братья знали, что Комета не уживется с сельским парнем. В Москве давно жили отличные чеченские парни, учились, занимались бизнесом. Ухоженные, воспитанные в европейском духе, они в Москве чувствовали себя как рыбы в воде. В Чечне они появлялись редко и поэтому несколько отошли от традиций. Многие из них лучше говорили на иностранных языках, нежели на чеченском. Неожиданно планы братьев нарушила мать, которая решительно заявила, что хочет, чтобы мужем дочери был человек из Ади-Юрта. Братья слишком уважали свою мать, чтобы перечить ей, но остались при своем мнении. Они оказались неплохими прогнозистами, так как семейные отношения не заладились с самого начала. В конце концов семья развалилась. Меня в этой связи волновало то, что Комета в глубине души допускала, что я способен на кражу. Как плохо, оказывается, она меня знала! Ясно было, что братья сдали меня полиции с молчаливого согласия Кометы. Получалось, что все они были за одно. Нельзя было их осуждать, ведь они, как хозяева своего имущества, хотели найти вора. Как потом мне сказала Комета, братьев волновал не сам кулон, а то, что кто-то посмел похитить его у их сестры. Дескать, не уважили. Амбиции были выше крыши. Богатые, самодовольные, они были готовы размазать по стене любого, кто позволит себе ущемить их. Крутой нрав братьев многие испытывали на своей шкуре, очередь дошла и до меня. В 9-ой городской больнице оказались хорошие специалисты. Вскоре меня выписали. Лечащий врач говорил мне, что я выкарабкался, благодаря милости великого Аллаха. Совдат была уверена, что основная вина лежит на Комете. Долго доказывала мне свою правоту. Я молча слушал ее, возразить было нечем. Раздался телефонный звонок.

– Анзор, как дела? – интересовалась Комета.

– Вот лежу на верхней полке и любуюсь природой. Что у вас нового?

– Лиза хочет с тобой поговорить, – и передала трубку своей подруге.

– Лиза, слушаю тебя внимательно.

– Анзор, мы тут полазили в интернете и считаем, что ты плохой мусульманин.

– Не может такого быть. Почему?

– Слушай хадис пророка Мухаммада. «Самым ненавистным из дозволенного для Всевышнего Аллаха является развод».

– Лиза, ты забываешь, что, кроме Кометы, у меня есть семья, которую я люблю. В родительском доме меня всегда поймут, всегда приласкают и никогда не предадут. Как жить на этом свете, видя печаль в глазах матери, презрение со стороны отца, ненависть на лице сестры? В моем представлении счастливым можно быть лишь вместе с семьей. Почему до сих пор я терпел моральные муки? Потому что каждый день мне нужно было делать выбор между Кометой и семьей. Ситуация разрешилась, у меня с души будто камень свалился. Да, без Кометы мне тяжело, но это уже страдания другого порядка.

– Ладно. Убедил. А что ты скажешь насчет того, что Комета не слышала тебя, когда ты произносил бракоразводные слова?

– Не понял. Какие слова?

– Ну, слова типа «Талак, талк, талак».

– Понял. Здесь тоже не за что зацепиться. Нет особой разницы, услышала их Комета или нет. Кстати, в исламе развод очень прост, можно развестись одним взглядом, если супруг немой. Почему тебя интересуют эти нюансы?

– Утопающий хватается за соломинку, мы ищем дорогу для примирения, а ты, напротив, отгораживаешься от Кометы.

– По шариату Комета может стать моей женой опять только в том случае, если выйдет замуж за другого человека, а затем разведется. Так что, ищите другого мужчину. В Москве много привлекательных, богатых, уважаемых мужиков.

– Мата считает их ненадежными. Она тебя любит.

– Зато ее сыновья не хотят меня видеть. За пять лет они ни разу со мной толком не поговорили, ничего не предложили. Более того, запретили Комете организовать для меня бизнес.

– Люди из провинции не оправдали их надежд. С ними больше проблем, чем толку. Обжегшись на молоке, дуют на воду.

– Мне было очень обидно, что они всячески избегали встреч со мной, не хотели общаться. В конце концов, я отец их племянника.

– Да, они, по-моему, и племянника не особо жаловали.

– Это правда. Я так понял, что они сильно увлеклись земными благами. Это большой грех.

– А быть бедным – не грех? Когда ты говоришь такие вещи, то напоминаешь кота, который ретировался, не сумев допрыгнуть до курдюка, висевшего под навесом. Анзор, мы отвлеклись. Из интернета мы узнали о том, что если даже брак расторгнут по всем правилам, все равно в течение трех месяцев супруги могут возобновить семейные отношения, если осознали ошибку и поспешность своих действий. Ты сказал бракоразводные слова полтора месяца назад, значит, осталось еще полтора месяца. У вас есть шанс воссоединиться, при желании. Комета не просто хочет, она жаждет быть твоей законной женой. Слово за тобой.

– Мне нужна не жена, а цѐнана⁴.

– Что это значит? Опять какие-то фокусы?

– Цѐнана – это не только жена, а также мать своих детей, сноха для моих близких.

– Тебя не поймешь. То ты хотел, чтобы она была посудомойкой, то дворником, то дояркой, а теперь, оказывается, черт знает что?

– Лиза, цѐнана – это высокое звание. Если мне не веришь, то спроси у людей, разбирающихся в этих вопросах.

– Может быть, у Совдат?

– Совдат вообще считает, что если женщина не хозяйственная, то бездельница, кукла.

– Короче, она не признает Комету, а ты танцуешь под ее дудку. Круг замкнулся.

– На эту тему мы уже говорили, мне нечего добавить.

– Анзор, у тебя есть еще полтора месяца, чтобы исправить ситуацию.

– Лиза, будем реалистами. Статус-кво уже не восстановить. Поезд ушел.

– Почему?

– Дело в том, что от меня и от Кометы теперь мало что зависит. Ее братья не хотят, чтобы мы были вместе. Им нужен статусный мужчина. Человек, который адаптировался к московской жизни. Богатый чтобы не кланчил у них деньги. У них все строится на деньгах. Ну и этого мало. Им подавай человека с европейским образованием, с изысканным мышлением. А кто я? Простой деревенский мужик.

– Анзор! Ты большой фантазер. Передаю трубку Комете.

– Хорошо.

– Анзор, в чем дело? Оказывается, шариат дает нам шанс быть вместе, формально мы еще муж и жена. Ты не рад этому?

– Чему радоваться? Жена не должна переступать границу правил,

установленных великим Аллахом. А как ты себя вела? Полнейший беспредел. Гламур не признает божественные и человеческие законы. А теперь ты ищешь дороги для примирения. Ты запуталась, как тот ежик в тумане.

– Так помоги мне, я буду делать то, что ты скажешь. Одно условие – жить в Ади-Юрте не буду, а вот в Когалым ехать согласна.

– Как ты будешь жить в Когалыме, нетрудно представить. Купишь роскошные апартаменты, привезешь домработницу и будешь изредка приезжать из Москвы.

– Но я же работаю в столице.

– А ты уверена, что твои братья пойдут на это? Они меня терпеть не могут. Мы со своим зятем были повеселее, не знали, куда усадить, чем накормить. Пылинки с него сдували, а твои братья даже не хотели со мной разговаривать. Я постоянно чувствовал холодок в общении с ними.

– Анзор, их понять можно. Родственники из Ади-Юрта достали их. Приезжают в столицу, дерутся то с армянами, то со скинхедами, становятся завсегдатаями ресторанов, ночных клубов, вечно клянчат деньги.

– Не все же такие.

– Не знаю. Братьям надоело участвовать в разборках и кредитовать дебоширов. Поэтому они закрылись. У них серьезные дела и размениваться по пустякам они не хотят и не могут.

– Наверное, поэтому моих родственников ты поселила в гостиницу.

– Анзор, в 12 часов ночи ты звонишь и просишь принять пять человек, а Фая ушла. Я не могу даже яичницу приготовить, к тому же без ведома братьев у меня никто не должен ночевать. Пришлось подсуетиться и организовать номера люкс для твоих родных. Они неделю там жили, я оплатила все расходы. Мне кажется, они были довольны.

– Они хотели жить у нас. Когда я случайно встретил их на Павелецком вокзале, то они прямо сказали мне об этом. Для них было дико, что, имея жилье в Москве, мы с тобой поселили их в гостиницу. Они были в недоумении, ведь закон гостеприимства еще не отменен.

– Я этот закон не нарушила. Сделала все, что от меня зависело.

– Эти и другие факты говорят о том, что ты фигура несамостоятельная. Все время консультируешься с братьями.

– Это правда. Без них я ноль. Хотя у меня счета в московских и европейских банках, являюсь членом наблюдательных советов многих компаний, владею ценными бумагами, имею недвижимость в Москве и Подмосковье. Все это есть. Всего этого я достигла благодаря своим братьям.

– Теперь тебе осталось выйти замуж за того человека, которого они тебе порекомендуют.

– Я вышла замуж за человека, которого мне порекомендовала мама и не жалею об этом. В личной жизни сейчас у меня черная полоса, но, надеюсь, что с помощью Аллаха все вскоре наладится. Иначе я сойду с ума.

– Как ты можешь надеяться на помощь Аллаха, если даже не совершаешь ламаз?

– Теперь буду молиться, держать уразу, соблюдать обычаи. Я все осознала и намерена в корне изменить свой образ жизни. Все ради тебя, мой золотой.

– Я, конечно, польщен. А вот с золотом у тебя проблем нет.

– Все мои побрякушки не идут в сравнение с тобой. Они меня не радуют так, как ты. Я бы многое отдала, чтобы быть рядом с тобой.

– Скажи, после нашего развода ты разговаривала с братьями?

– Нет, но я знаю, что они рады этому событию. Жены братьев бывают у меня.

– Вот видишь. Если они узнают, что ты названиваешь мне, тебе не поздоровится. Давай сделаем паузу. Подождем полгода, год. А там видно будет.

– Ты с ума сошел! Я не хочу и не могу. Затем все осложнится. Мне нужно будет выходить замуж за другого человека.

– А что в этом плохого? Конфуций говорил, что все познается в сравнении.

Сравнишь меня с другим мужчиной. Может быть, он окажется лучше, чем я. В первый раз ты вышла замуж по рекомендации своей мамы, а теперь выйдешь за того, на кого укажут братья. Так что, всем угодишь.

– Мне сама эта мысль противна. От добра добра не ищут. Меня не учи, не дура. Слушай, ты, наверное, так захотел, потому что Салтычиха нашла мне замену. Признайся, кто она?

– Педиатр Марет.

– Вспомнила. Она со мной училась в одном классе. Знаешь, она тебе подходит по всем статьям. Салтычиха знает толк в бабах. Марет – сестра двух братьев. Я помню, уже во втором классе она готовила борщи. Я в это время не умела ложку правильно держать. Постоянно готовила, стирала, гладила. Крутилась как белка в колесе. Родители работали, и все заботы легли на ее плечи уже в раннем детстве. Одно время мы с ней дружили, и я могу сказать о ней только хорошее. Мать просила меня брать пример с Марет. Не послушалась. Тем не менее, не собираюсь уступить тебя этой колхознице.

– Ничего себе! Начала за здоровье, а кончила за упокой.

– Анзор, может, Марет будет тебе хорошей женой, но она не будет тебя любить так, как люблю я, до беспамятства, до помешательства. Хочу, чтобы ты знал об этом.

– А я и так знаю. Иначе не было бы этого общения. Временами так хочется быть рядом с тобой, погладить твои красивые волосы. Но, увы! Мечты, мечты, где ваша сладость?..

– Анзор, может быть, я чересчур наивная, но мне кажется, одна наша встреча могла бы многое изменить.

– Я пять лет находился в мире иллюзий, хоть презрительные взгляды твоих снох опускали меня на землю. Сейчас я убедился в том, что семейного счастья у нас не будет. Уверен, что братья присмотрели тебе хорошего парня. Убежден, они рады, что в наших семейных отношениях поставлена точка.

– Если честно, то, узнав, что я разведена, к братьям зачастили люди, делающие породниться. Главное, идут с деловыми предложениями к братьям, даже не интересуются моим мнением. Средневековые какое-то!

– Подобные визиты укладываются в наши традиции. Братья вскоре будут разговаривать с тобой на эту тему. наших родственников можно понять. Они хотят, чтобы у нас были нормальные семьи. У тебя будет большой выбор женихов, ведь ты одна из самых богатых невест России. На этот раз братья не допустят, чтобы ты вышла замуж за бедняка.

– А мои мысли, чувства? Мои братья знают, что я способна на постоянное чувство, что я однолюб.

– Моя сестра считает, что ты страдаешь от скуки, с жиру бесишься. Тебе надо найти способ выйти из депрессии и все будет О'кей. Мне так хочется помочь тебе, но мои возможности ограничены. Аллах разгневался на нас. Умные люди говорят, нельзя переходить границу, установленную Всевышним. Из-за этого все беды.

– Тебе хорошо. Рядом с тобой всегда умные люди, есть кому утешить.

– Нужно уметь принимать удары судьбы. Посмотрим, что будет дальше.

– Какие нудные слова ты говоришь! Меня тошнит от них! Ты рассуждаешь так, будто ты сторонний наблюдатель. Слушаешь умных людей, сестру, успокаиваешь себя, а нужно действовать. Мне бы только раз увидеть тебя. Только раз, вживую.

– Я стараюсь быть адекватным. Я мужчина и не имею права распускать нюни. Хочу быть спокойным как скала.

– Анзор, скала обычно бывает бездушной и холодной.

– Правильно, но вместе с тем, она гордо встречает ураганы, смерчи. Впервые в жизни на твою долю выпали серьезные испытания, и ты сникла. Комета, не падай духом. Жизнь продолжается.

– А для меня праздник жизни закончился. Находиться рядом с тобой для меня всегда было праздником. Мне нравилось в тебе все, я любовалась тобой, когда ты спал, двигался. Даже сейчас, разговаривая с тобой, я получаю громадное

удовольствие, слыша до боли знакомый голос. Как только прекращается общение с тобой, у меня возникает ощущение, что скатываюсь по наклонной и мне совершенно не за что зацепиться.

– А все потому, что ты тепличное растение. В реальной жизни чахнешь.

– Нечто подобное мне говорила твоя сестра. Помнишь, я на белхи⁵ оконфузилась? Я не часто бывала в Ади-Юрте. В этот раз меня угораздило попасть на белхи. Собрались все ваши родственники и соседи, чтобы делать саманы для дома Салтычихи. Несколько женщин, находясь в яме с глиной, накладывали ее вилами в формочки, которые стояли у края ямы. Как только формочки наполнялись глиной, юноши с гиканьем волокли их подальше от ямы и опрокидывали. Я невольно залюбовалась тем, как ловко орудуешь вилами Салтычиха. Женщина крепкого телосложения, она со всей силой втыкала вилы в глину и почти без особых усилий клала эту глину в формочки. Я спрыгнула в яму и попросила у нее вилы. Салтычиха ехидно усмехнулась, а потом тяжело вздохнула и нехотя вручила их мне в руки. Я тоже с размаху вонзила вилы в глину, но поднять вилы с глиной не могла. Как могла, натужилась, но ничего не получилось. У меня в глазах потемнело, теряя сознание, я слышала, как Салтычиха с какой-то скрытой злобой, как змея, шипела: «Тепличное растение, что с нее возьмешь?»

– Комета, я помню этот случай, но не слышал слов Совдат. К вечеру в больнице ты пришла в себя. Был солнечный удар. В этот день было очень жарко. Иной раз, остановив работу, молодежь пускалась в пляс. Звуки лезгинки были слышны далеко в округе. И это в поле, под палящим солнцем. Вот ты и не выдержала.

– Анзор, а что нужно сделать, чтобы не быть тепличным растением?

– Нужно обладать нравственным зрением. У тебя его нет. Вернее, оно у тебя атрофировалось. Почаще бывай рядом с матерью. Она у тебя женщина мудрая. Научит тебя кое-чему.

– А она мне советует почаще бывать рядом с тобой.

– Бедная Мата! Она возлагала на меня большие надежды. Думала, что смогу отвлечь тебя от гламура. Не получилось.

– Что делать?

– Теперь уже ничего. Гламур пустил мощные корни в твоей душе. Остается слушаться братьев и выйти замуж за такого, как ты.

– За гламурного.

– Точно так.

– Я не хочу. Я хочу за тебя и больше ни за кого.

– Хотеть не вредно.

– Тебе не кажется, что ты хамишь?

– Нет, просто не знаю, что тебе сказать.

– Выходит, я тебе надоела.

– Не вижу выхода из ситуации.

– А я вижу. Нам нужно встретиться и о многом поговорить. Хочу, чтобы просветил меня, чтобы появилось нравственное зрение.

– Одного сеанса недостаточно. Это дело всей жизни. Главное – начать. Начать с того, что нужно каждый шаг, каждый поступок, каждое слово рассматривать через призму национальных традиций. Нужно осознать, что жить надо в рамках вайнахских законов. Короче, много чего нужно.

– До сих пор я плохо понимала.

– Это потому, что люди твоего круга не имеют в своем лексиконе слов «совесть», «нравственность», «мораль». Вы говорите о шопинге, о золоте, о Лазурном берегу. Вам некогда думать о вечном.

– Теперь я буду делать и думать так, как ты хочешь.

– Укатали сивку крутые горки. Трудно поверить, что в одночасье все изменится, но очень хорошо, что хоть чуть-чуть пытаешься понять мои мысли.

– Ты зря думаешь, что я совсем пропащая. Я имею представление о вайнахской традициях, разговариваю на родном языке.

- Теперь научись соответствовать горянке и все дела. Нужна воля и среда.
- Ты хочешь сказать, чтобы я жила в Ади-Юрте? Сразу говорю, не смогу. А вот в Когалыме – всегда пожалуйста.
- Чувствую, в тебе постепенно просыпается чеченка.
- Жизнь заставляет. Я не представляю свою жизнь без тебя.
- С милым и в шалаше рай.
- Анзор, чувствуется, что твоя сестра филолог. Небось, начитался всякой всячины.
- Ошибаешься, моя сестра любит классику. Иной раз листаю ее толстые книги.
- А меня она не любит, к сожалению. Возненавидела по-черному.
- А твои братья смотрят на меня, как на пустое место. Так что 1:1. Нет, 1:3.
- Тебе недостаточно того, что я смотрю на тебя с восхищением?
- Вполне.
- Анзор, я чувствую, что появился свет в конце тоннеля. Никто не сможет помешать нам встретиться в Когалыме и обсудить наши проблемы.
- Если позволит Аллах.
- Да-да, если позволит Аллах.
- В таком случае, до встречи.
- Пока, Анзор. Я чувствую, что силы возвращаются ко мне.

Закончив разговор с Кометой, я вдруг почувствовал необыкновенную страсть к ней. Я долго не мог справиться с нахлынувшими чувствами. Меня аж в жар бросило. Потребовалось время, чтобы я взял свои чувства в кулак. Мысли в голове копошились, как растревоженный пчелиный улей. На горизонте замаячил очередной крутой поворот в моей жизни. Было похоже, что Комета кое-что осознала, решила измениться. Наверное, заживем в Когалыме, как все нормальные люди. В конце концов, нам немало лет, пора остепениться и создать крепкую семью. Но мозг, как буравчик, сверлила мысль, что для хорошей семьи нужна хорошая жена. А какая из Кометы жена? Наверяд ли она оставит свои привычки. Привычка, как известно, вторая натура. Неужели из Когалыма она будет надолго исчезать? Ответ был очевиден. Конечно, будет. Она деловая женщина: Москва, Париж, Цюрих – эти и другие города в любом случае ей придется посещать, исходя из интересов бизнеса. Это значит, что Комета нечасто будет рядом со мной. Да и дети ей не нужны. Такая ситуация меня не устраивала в корне. Я осуждал себя за малодушие, за то, что иду на поводу у Кометы, что позволяю себе миндальничать с ней. У меня несколько раз возникало желание схватить мобильник, сказать пару ласковых слов Комете и попросить ее не приезжать в Когалым. Но какая-то неведомая сила не позволяла мне сделать это. Я ловил себя на мысли, что очень хочется увидеть Комету и пообщаться с ней. Кто меня осудит? Даже если мы сойдемся, теперь моя честь не пострадает. Все-таки, она ко мне приехала, а не я к ней. Разница большая. Удастся ли ей изменить свой образ жизни? Вот в чем вопрос. Служебные командировки будут. Это однозначно. Поездки в теплые края будут. Это тоже очевидно. Домработница будет. Это безусловно. Детей рожать она не хочет. Это она неоднократно заявляла. Все это означает, что по сути дела наш брак останется гостевым. Такая жизнь меня не устраивала. Совдат называет такую жизнь собачьей. Трудно с ней не согласиться. Что делать? Как быть? Наверное, будет честно, если я в вежливой форме отговорю Комету не приезжать в Когалым. Это навряд ли получится. У нее маниакальное желание встретиться со мной. Комета, судя по всему, настроена решительно. Ладно, пусть едет. Встретимся, поговорим и все. Она почувствует металл в моем голосе и уедет несолоно хлебавши. А будет ли металл в моем голосе? Вот в чем вопрос. От этих мыслей хотелось выть волком. Возникло желание поговорить с Совдат. Меня всегда удивляло то, что в сложной ситуации она хладнокровно могла найти верное решение.

Долго молчавший Сергей внимательно посмотрел на Хасана и спросил: «Хасан, я одно не могу понять, как это русский народ, перенесший столько невзгод, все-таки сохранился?» Хасан в ответ улыбнулся: «Да, действительно,

русским очень не везло. Особенно тяжело было в средние века, так как почти каждый год в пределы Руси вторгались захватчики. Затем утвердился крепостной строй. Русского человека могли продать, обменять, проиграть в карты. Все эти мерзости были, но не надо забывать, что загнать человека в угол очень трудно. Противостоять бедам русским помогала община. В самом общем виде община – это своеобразный колхоз. В этом колхозе были свои порядки, которые не давали человеку сломаться. Во-первых, вера в Бога, во-вторых, дух коллективизма. Взаимопомощь, милосердие, уважительное отношение друг к другу – эти и другие качества были просто необходимы, и они формировались в общине. Кроме того, русскую семью никто не отменял, а в ней как раз и формировался человеческий человек. Вот ответ на твой вопрос».

Сергей не скрывал своего удовлетворения: «Спасибо тебе, Хасан. Рассматривать эти проблемы через призму нравственности не хватило ума. Вот ты говоришь, что русские сохранились благодаря общине, где господствовал моральный климат. Очевидно, что были свои моральные авторитеты, стоящие на страже обычаев. Я знаю, что на родине Распутина, в Тюменской губернии, люди отказались строить церковь на деньги этого человека. Наверное, авторитеты объясняли людям, откуда эти деньги. Еще один вопрос. Вот ты утверждаешь, что при советской власти не было настоящей элиты, но ведь страна развивалась. Как это понять?»

Хасан этот вопрос сильно взволновал, чувствовалось, что он серьезно зацепил его: «Если образованный человек задает такой вопрос, то я молчу. Развивалась. Да. Но в какую сторону? Есть понятия «экстенсивный путь развития» и «интенсивный». Необразованная и глупая элита поставила страну на экстенсивный путь. Время показало, что это тупиковая дорога. Уже в 60-х годах прошлого века перестал расти национальный доход СССР. Ни один советский товар не котируется на мировом рынке. Все время не хватало еды, одежды, жилья. В богатой стране жили бедные люди. Элита от этого нисколько не страдала. У нее были спецпайки, спецстоловые, спецбольницы и так далее. Советская элита оказалась самой жестокой по отношению к своему народу. Безбожная и безнравственная по своей сути, она служила себе, а не народу. Номенклатура, захватив в свои руки огромные материальные и финансовые ресурсы, не сумела ими правильно распорядиться. Правда, себя, любимых, номенклатурщики не забывали. Любого руководитель, имеющий в руках печать, в одночасье становился богатым человеком, так как распоряжался ресурсами, как хотел.

В этих условиях народ выживал за счет приусадебных участков, дач. Появились так называемые «несуны», которые тащили с производства все, что плохо лежало. Сергей, наверное, ты помнишь такие стихи:

Тащи с завода
каждый гвоздь –
Ты здесь хозяин, а не гость.

Элита, которая должна была заботиться о благе народа, наоборот, развращала людей. Мы с тобой жили при советской власти и помним, что в поведении номенклатурщиков четко просматривались циничность, лживость, личная преданность, круговая порука, нахрапистость, хамство. Люди с такими качествами по определению не могли быть лидерами. Поэтому народ номенклатурщиков тихо ненавидел. При советской власти сложилась парадоксальная ситуация: народ в своем большинстве оказался намного чище, честнее и приличнее, чем руководители, которые были озабочены личным обогащением. Чтобы скрыть свои темные дела, номенклатура умело переводила стропы на первых лиц государства. Про умерших распространяли слухи, что они были дураками, сочиняли про них анекдоты. О живых сочиняли нелепые сплетни и злословили. А чтобы народ не чувствовал себя белым и пушистым ставили его в такие условия, что люди должны были давать взятки работникам правоохранительных органов, судьям, преподавателям вузов, медикам,

представителям власти и так далее. Система «ты мне, я тебе» работала четко. Вся страна была втянута в криминальную круговерть. Вся беда заключается в том, что, перекрасив перья, номенклатурщики и их последователи засели в кабинетах и офисах и продолжают терзать страну. Нравственный анализ ситуации наталкивает на вывод, что власть и народ должны объединиться, чтобы модернизировать элиту, иначе нас ждет катастрофа пострашней, чем развал СССР в 1991 году».

Хасан с чувством выполненного долга посмотрел на Сергея. Было заметно, что Сергей согласен с тем, что говорил Хасан.

Замурлыкал мой телефон, я извинился и вышел в тамбур, звонила Совдат.

– Анзор, как дела?

– Все хорошо, только никто не завидует. Что новенького в наших краях?

– Пока все в пределах нормы. Почему грусть в твоём голосе, небось опять эта мерзавка треплет тебе нервы. Что ей надо на этот раз?

– Комета жаждет встречи со мной в Когалыме. У нее есть вопросы ко мне.

– У нее этого желания не было бы, если бы ты не сюсюкался с ней. Уходя – уходи. Не нашего она поля ягодка. Не наша порода. Жаль, что ты никак не можешь освободиться от ее чар.

– Это правда. Я ей прямо сказал, что мы можем быть хорошими друзьями. Я не могу грубо оттолкнуть ее, ведь она мать моего ребенка.

– Ты слишком деликатный. Женщина даже по голосу чувствует, как к ней относится мужчина. Не трудно догадаться, что ты ее обнадеживаешь своими разговорами. Согласна, может быть не надо ей грубить, но нужно твердо дать понять, что ваши отношения не имеют перспективы, пусть она ищет другого мужчину. А тебе я уже нашла хорошего человека.

– Совдат, не беспокойся, я не подведу тебя, нашу семью. Соблазн большой, но я устою. Ужасно не хочу быть посмешищем.

– Анзор, короче, я все поняла. Теперь слушай меня. Скажи мне, к какому городу подъезжает ваш поезд?

– К Челябинску.

– Очень хорошо. Сейчас же выкинь в окно мобильник. Собери свои вещи и высаживайся из вагона. Езжай в челябинский аэропорт и возвращайся в Адиюрт. Никаких хабаров с Кометой. Мы ждем тебя дома. В Когалым поедешь через месяц, с другой женой. Все.

Я решил поступить именно так, как советовала Совдат. Нужно было окончательно разрубить этот гордиев узел.

Дверь купе была открыта, и я услышал:

– Хасан, если ты попросишь Анзора, то он продолжит отношения с Кометой. Убеди его, что он совершает ошибку, идя на разрыв со столь богатой и красивой женщиной».

– Он сформировавшийся человек. Настоящий мужчина. А ты хочешь, чтобы он стал кобелем. Если бы братья Кометы приняли его в свой круг, дав ему свободу действий, то ситуация могла быть другой. А так, у него нет выбора. Он должен прекратить отношения с Кометой. Такова жизнь.

¹ Шейх Али Митаев – в начале XX века известный в Чечне религиозный и общественный деятель. Расстрелян органами ЧК в 1925 году.

² Сий (чеч.) – честь.

³ Жеро (чеч.) – разведенная женщина

⁴ Ценана (чеч.) – буквально: хранительница очага.

⁵ Белхи (чеч.) – коллективная работа у чеченцев, где родственники и знакомые сообща помогают кому-нибудь из своей общины.

Хадид Галаев

Университеты спецпереселенца

Выселение

Село Серноводск, утро 23-го февраля 1944 года. Мне шесть лет, этот день запомнился легким снежком, плачем детей и женщин, мычанием и другим шумом скотины.

Мать вместе со старшей сестрой и братом собирала вещи, одевала нас, младших. Помню, что на мне были в два слоя отцовские рубахи и брюки, в которых я еле-еле передвигался. Где-то к обеду военные подогнали машину «студебеккер», погрузили кое-какие вещи, продукты, что удалось собрать к этому времени, и поверх них сели и мы, дети.

Подождал офицер, отдал какие-то распоряжения солдатам и попытался войти в дом. У нас во дворе был знаменитый на всю округу черный пес, по кличке Борз. Видя, что собака его не выпускает, офицер достал пистолет и застрелил пса на наших глазах. Я горько плакал, не понимая, за что. Это было первым, но не последним потрясением спецпереселенца, к коим теперь относился и я.

На железнодорожной станции к нам присоединился отец, нас погрузили в «скотский» вагон, в котором предусмотрительно были сделаны полки («забота»-то какая!).

По пути следования в Казахстан запомнились два случая. Где-то в открытой степи состав остановили, чтобы убрать трупы и дать людям сходить по нужде. Меня также высадили, и я присел на корточки около рельсов под нависающей частью вагона. Через некоторое время я заморожено смотрел, не понимая, что происходит, как медленно над головой проходит вагон. На мое счастье, молодой парень, односельчанин Хасан Бисултанов, отошел, по понятным причинам, дальше других. Догоняя наш вагон, он увидел меня, схватил за шиворот и на бегу закинул в пока еще открытую дверь вагона. Родители всю оставшуюся жизнь корили себя за то, что упустили тогда меня из виду.

В начале марта выгрузили нас на станции Атбасар, где нас ждали дюжина саней, запряженных волами и... двумя верблюдами! Я впервые в жизни видел этих животных. С ночевками в кошарах и других непонятных помещениях, 8 марта наш обоз прибыл в пункт назначения – маленькое село Кайракты, отстоящее от райцентра Атбасар на приличные 100 км. Кстати, этот путь, за небольшим отрезком, впоследствии пришлось дважды пройти пешком. В первый раз – летом 1952 года, за один световой день, с другом Дадаевым Айнди. Во второй – в новом 1953 году, со старшим братом Сайд-Ахмедом, за три дня.

По рассказам старших, по прибытии всех поразила странная безлюдность села. Позже стало понятно: местных жителей запугали рассказами о том, что везут страшных головорезов-бандитов. Доярки не вышли на утреннюю дойку коров, и директор совхоза, по фамилии Сейчанов, ходил по домам, уговаривая выйти на работу под свою ответственность. Месяц спустя отца назначили зоотехником, а старшая сестра пошла работать на ферму, и местные женщины убились в том, что прибывшие вайнахи – нормальные люди.

Спецпереселенцам полагаюсь по одной голове КРС на одну семью. Некоторые голодающие семьи пустили скотину под нож, а отец привел с фермы одну из лучших дойных коров, по кличке Барвинка, которая спасала нашу семью от голода вплоть до начала 50-х гг.

В 1945 году отец перешел на работу в бухгалтерию совхоза, где познакомился с Кулагиным Василием Павловичем, а скоро сблизились и наши семьи. К сожалению, в 46-ом отцы наши ушли в мир иной. Гола через два семья

Кулагиных уехала из села. А спустя полвека, во время первой чеченской войны, мы случайно узнали о том, что старшая дочь Кулагиных, Валентина, находится в селе Самашки. Мы с братьями выехали туда, встретились, поговорили. Оказалось, что Валентина работала на консервном заводе технологом. Время для поездок было опасное, и мы опять потеряли ее из виду.

Учеба в школе

1 сентября 1945 года, первый класс. Школа представляла собой глинобитный домик, состоявший из двух комнат с маленьким коридорчиком и небольшими оконцами. Мою первую учительницу звали Марией Ивановной. Ручек и тетрадей не было и в помине. Писали карандашом на разных клочках бумаги. Чистый лист бумаги – редкость. Особо почитаемым был, так называемый, химический карандаш, обладателя которого можно было определить по чернильному рту. Один потрепанный букварь у учительницы. В одной комнате – первоклашки, в другой – третий класс.

Во вторую смену, соответственно, второй и четвертый классы, и... снова один учитель. Школа начальная, так как село небольшое. Дворов тридцать, вернее, семей, потому что дома представляли собой бараки на несколько семей. Примерно, по одной четверти – семьи поволжских немцев, вайнахов и русских, четыре семьи казахов и по одной-две семьи других национальностей.

Естественно, общение первоклашек велось на нескольких языках: русском, немецком, чеченском и казахском.

К концу второго класса появились все еще редкие тетради по чистописанию, чернильницы-непроливайки и трубчатые ручки, которые мы сразу превратили в картофельные стрелялки. Особо гордились четыре ученика, у которых вместо матерчатых сумок были полевые сумки, привезенные отцами-фронтовиками. Кстати сказать, в наше село также вернулись два вайнаха-фронтовика – Нагаев Махмуд и бывший кавалерист Арчаков (к сожалению, не помню его имени), выделывавший на лошадях, приготовленных для отправки в Красную армию, такие трюки, что мы стояли с разинутыми ртами.

Со второго класса учителем у нас был Георгий Петрович Смолянинов, человек большой душевной доброты. Учился я довольно успешно, был «хорошистом». Пробовал читать. Как-то мне и другу Коле Акамелнову его отец подарил книгу, которую мы делили между собой. Книга оказалась трудом Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ничего в ней не понимая, я пытался прочесть книгу. Много позже, учась в университете, я вспомнил свои детские потуги и вознамерился капитально проштудировать сочинение, но вскоре отказался от этой затеи.

Прошел ноябрь 1948 года, прошли зимние каникулы, но я в школу не пошел: старые валенки прохудились, а на новые денег не было. Мама горько плакала, так как отец перед смертью просил ее, по возможности, дать детям образование. Зимой 48-49 годов я вместе с трехлетней сестрой Табарик просидел на печке. Два старших брата, Сапар и Сайд-Ахмед, ходили в школу еще до выселения, поэтому их отправили в пятый класс в село Владимиро-Борисовку Атбасарского района, где проживала наша тетя Мамышева Жовжан.

Весной 1949-го я был вынужден выйти на работу в совхоз. Вообще, в моих воспоминаниях о детстве работа занимает важное место. Осенью нас, малолеток, выгоняли собирать колоски. В весенние каникулы увозили на «точки» – в кошары, в период кастрации годовалых ягнят. Позднее, подросших, во время летних каникул, возили в бригады на сенокос, на расстояние десяти-пятнадцати километров от села, с проживанием в шалашах. Иногда домой не отпускали даже к первому сентября, вплоть до выпадения снега.

Итак, в совхозе мне определили должность погонщика. Две пары волов впрягали в плуг, за которым стоял плугатор, а я должен был вести коренного по борозде и погонять переднюю пару. Однажды, в середине погонки, один из истощенных волов упал и не поднялся. Тогда мы с плугатором Сурхо

Мадаевым оттащили его из борозды. Сурхо взялся за ярмо, а я встал за плуг. Так мы дотянули до края загонки.

1 сентября 1949 года я снова в четвертом классе. Ввиду того, что нас набралось к этому времени человек восемнадцать, районо разрешило пятому и шестому классам отучиться дома, в селе. После пяти классов старший брат Сапар стал работать кучером у директора совхоза, а позже – гуртоправом – заведующим молочно-товарной фермой.

Пропустив год, в шестом классе к нам присоединился и Сайд-Ахмед. Это время запомнилось тем, что все подписывали так называемое «Стокгольмское воззвание», к нам в село впервые приехал фотограф и у нас появился второй учитель, – вернувшийся из армии сын нашего старого учителя, Владимир Георгиевич Смолянинов. Для меня он навсегда остался учителем с большой буквы. Он первым приучил меня к чтению художественной литературы, дав почитать «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. В своей педагогической практике я всегда стремился походить на него, хотя часто и неудачно.

В это время я стал острее переживать по поводу нашего выселения. Так, небольшая группа ребят, пять-шесть русских, один белорус, два казаха, собираясь вместе, стали отстраняться от нас, вайнахов и немцев. Это были члены ДОСААФ и комсомольцы. Было очень обидно. Предприняв попытку в 1951 году вступить в комсомол, я был отвергнут. Все же в следующем году, по настоянию учителя Владимира Георгиевича, меня приняли.

Настояне остались позади шесть классов школы. Когда встал вопрос, что делать дальше, мы с другом Дадаевым Айнди на единственной машине – старой «полуторке» – поехали в райцентр Атбасар наводить справки относительно дальнейшей учебы. Ничего толком не выяснив, через три дня мы выдвинулись рано утром домой. При выезде из города встретили попутку, довезшую нас до села Сергиевка, что в тридцати километрах от Атбасара. Дальше около семидесяти километров шли пешком, добрались до дома к вечеру.

Дома на семейном совете было решено идти учиться в седьмой класс с братом Сайд-Ахмедом, переехав опять к тете, в село Владимиро-Борисовка.

О музыке

Вопреки указаниям военных, во время выселения мать умудрилась погрузить на машину патефон, настенные часы и два больших ковра. Несколько чеченских пластинок в дороге от мороза треснули. Местные жители где-то по крохам собрали несколько пластинок и на всех мероприятиях наш патефон и два ковра обязательно присутствовали. Несколько раз пружина патефона ремонтировалась местными умельцами, а иголки затачивались на бруске. К каждому празднику мы, дети, под присмотром взрослых тщательно готовились: раскрашивали и развешивали разноцветные флажки, готовили акробатические номера, читали стихи.

Когда в селе появились две сосланные из Воронежа артистки, то при их деятельном участии начали осваивать азы спектаклей – сценки. Особенно запомнился «Медведь» А.П. Чехова, где роль медведя исполнил старший брат Сапар.

Кроме этого, у ссыльного художника из Прибалтики (говорили, что выслали за то, что он плохо нарисовал усы Сталина) была губная гармошка. Были две балалайки, а у В. Мичканя – мандолина. Была еще маленькая чеченская гармошка, но со смертью ее владелицы в 47-м году она неизвестно как исчезла.

Наш учитель, Владимир Георгиевич, приехал к нам вместе со своей женой, немкой по национальности, которая играла на скрипке. Я часто ходил к ним домой послушать игру на скрипке.

В 1951 году к нам в село комендантом и одновременно учителем казахского языка и... гармонистом на русской гармонике определили Сайдгали

Алтамбековича. Да, еще у продавца магазина, Айтбергена, была казахская домбра.

Осенью 1953 года в селе появился первый радиоприемник «Родина». Совхоз приобрел дизель-генератор, приемник установили в конторе, и по вечерам и стар и млад набивались в тесное помещение, чтобы послушать новости и музыку. Наш патефон потерял свою значимость.

1 сентября 1953 года мы с братом Сайд-Ахмедом приступили к учебе в седьмом классе. Школа в селе Владимиро-Борисовка по тем временам была вполне приличная – кирпичное здание со светлыми просторными классами. Директор Семен Петрович и классный руководитель Мария Ивановна Черняк отнеслись к нам хорошо. Учились мы прилежно, но очень скучали по дому. На новогодние каникулы решили побывать дома. 31 декабря на попутных санях прибыли в Атбасар и переночевали на постоялом дворе. Рано утром, 1 января, еще затемно двинулись в путь. По дороге никакого движения, все отмечают праздник. Больше всего мы боялись бурана и волков, но, на наше счастье, стояла морозная погода и волков поблизости мы не увидели. Стало уже темнеть, когда дошли до Сергиевки.

Так как мы здесь никого не знали, решили найти какой-нибудь сеновал или скирду, чтобы заночевать. Тетя снабдила нас несколькими лепешками и вареной свеклой и брюквой, и мы могли подкрепиться. Дойдя до окраины села, увидели скотный двор и скирду сена, где и решили заночевать. Но только мы устроились, как к скирде подошли мужчина с ружьем и женщина с вилами, потребовали вылезти из скирды. Брат на чеченском сказал мне, что придется вылезать. Стоявшие сразу отреагировали – тоже оказались чеченцами. Отвели нас в дом, который оказался двухкомнатной пристройкой к кошаре. В разговоре выяснилось, что хозяин дома, Ражап, до выселения жил в Серноводске и хорошо знал наших родителей.

Договорились, что рано утром Ражап отвезет нас до ближайшей «точки» к знакомому ему казаху, а тот повезет нас дальше. Сам Ражап этого сделать уже не мог, поскольку действовал приказ: спецпереселенцам не перемещаться дальше своего села. Таким образом, из ста километров пятнадцать мы проехали на санях. К сожалению, у знакомого Ражапа саней не было, а только верховая лошадь. Но зато он назвал имя своего родственника из села Шуга, куда мы и добрались к вечеру. Здесь нас накормили и уложили спать. Утром хозяева снабдили нас спичками, обрывками газет на случай встречи с волками и, провожая, объяснили, как найти дом, до которого оставалось еще двадцать пять – двадцать семь километров.

Затемно мы подошли к последнему пригорку, под которым расположилось село. Когда я увидел дым из труб и слабые огоньки керосиновых ламп в оконцах, свалился без сил. Минут, наверное, через двадцать, Сайд-Ахмед упросил меня встать, и мы благополучно добрались до дома.

Дня через четыре совхоз снарядил обоз в Атбасар за товаром, прихватив и нас. Переночевали на постоялом дворе, и на следующий день вернулись в Борисовку. Так мы с братом провели зимние каникулы 1953 года.

Наступил март 1953 года. Смерть Сталина. Жителей села, включая нас, школьников, собрали в клубе у радиоприемника, из которого звучал голос В.М. Молотова. Некоторые люди плакали, наши две тетки удивленно переспрашивали друг у друга, как мог поместиться говорящий в этот ящик на столе.

Маленькие дети, глядя на старших, начали реветь, а те, что повзрослее, пытались быть суровее. Подошел председатель колхоза Бовт и распорядился отправить всех детей по домам.

Март 53-го мне запомнился еще и тем, что впервые в этом учебном году я получил двойку по любимому предмету – геометрии. До сих пор обидно за этот результат, так как учился на «отлично». Окончили семилетку, Сайд-Ахмед – хорошист, я – отличник. Обдумали, что делать дальше. Сайд-Ахмед со своим товарищем Шамамбаем Каратаевым решил поступить в железнодорожный

техникум в Акмолинске (нынешняя Астана). Однако Сайд-Ахмеда на полпути милиция сняла с поезда и вернула домой. Но он успел поступить теперь уже в Атбасарский сельхозтехникум, на механическое отделение. Слышал, что в 90-е его товарищ Шамамбай был министром железнодорожного транспорта Казахстана.

Я же послал письмо в курортное Боровое, в лесной техникум. Я мог быть принят как «отличник» без экзаменов, так как был награжден похвальной грамотой и книгой (по иронии судьбы или чьему-то злому умыслу, это был «труд» Лаврентия Берии «За власть Советов»).

Через некоторое время получил письмо из техникума с предложением приехать с документами. На поездку необходимо было иметь разрешение от коменданта. Однако коменданта не оказалось на месте. Поехал в райцентр без разрешения. Переночевав на постоялом дворе, утром подошел к зданию РОВД. Дежурный, выслушав, по какому вопросу я здесь, велел подождать. Через некоторое время подъехал «виллис». Из него вышли несколько милиционеров, сурового вида мужчина (оказалось, это начальник) спросил у дежурного: «Почему какой-то шкет крутится у входа?». Дежурный ответил, что «это чечен, приехал за разрешением». Начальник спросил меня: «Откуда?». Я ответил: «Из села Кайракты. Хочу поступить в техникум». Начальник: «Разрешение сюда приехать от коменданта есть?». Я: «Нет. Его не ...». Начальник резко обернулся к сопровождавшим: «В КПЗ его», и ушел. Разумеется, меня тут же сопроводили в камеру. Через два дня в камеру вошел лейтенант и спросил: «Кто чечененок?». Указали на меня, и у нас состоялся такой диалог:

Лейтенант: «Кто тебе разрешал приехать в район?»

Я: «Никто. Коменданта в тот день не было в селе».

Лейтенант: «А зачем ты приперся сюда?»

Я: «Получить разрешение уехать в Боровое на учебу».

Лейтенант: «Учиться вздумал, бандитский выродок?»

Я: «По Конституции я имею на это право».

И тогда лейтенант, со словами «я покажу тебе, щенок, Конституцию!», схватил меня за голову и стал бить ею об стену, приговаривая: «Вот тебе Конституция!». От него так разлило сивушным запахом, что до сих пор мне этот запах претит. Много позже родственники, проживавшие в Атбасаре, рассказали мне, что это был лейтенант Липеса, числившийся нашим участковым, который вскоре окочурился от «белой горячки».

Через дней пять в город по делам бухгалтерии приехал Махмуд Нагаев. Как бывший фронтовик, он мог себе это позволить. Он узнал, что я в КПЗ, переговорил с кем-то в милиции насчет меня. Меня отпустили с ним, с пожеланием «не рыпаться и сидеть в своей дыре». Так закончилась моя первая попытка поближе познакомиться с лесом. В наследство остались подаренная книга и ежедневные головные боли. Книгу я впоследствии, по совету учителя, сжег. А головные боли еще долго терзали не только физически, но и морально. Дело в том, что куда-либо поступать учиться я опоздал, пришлось остаться в селе, где независимо от возраста – работа и работа.

Днем мучительные головные боли не давали возможности нормально трудиться, начальство в лице директора, агронома и бригадира подтрунивало надо мной – мол, отлыниваешь от работы. Но через месяц, убедившись в моей искренности, отстранили от работы и определили ночным пастухом. Пасту надо было весь скот: дойных коров, лошадей и волов. Ночью все они разбредались в разные стороны. Осенью надо было еще и волков остерегаться.

Зимой 53-го – 54-го года мы с братом Сапаром с отдаленных участков подвозили сено на санях к скотным дворам. Наш совхоз являлся подсобным хозяйством ДорУРСа (Дорожного управления рабочего снабжения) Карагандинской железной дороги. Начальство решило перевести совхоз в другое место, поближе к железной дороге.

Это место было небольшим селом на реке Ишим, вблизи станции Адыр. Весной совхоз с семьями, скотом и скарбом перебрался на новое место.

1 сентября 1954 года я начал учиться в школе-интернате №61, на станции Атбасар все той же Карагандинской железной дороги. Смена обстановки, отсутствие рядом знакомых лиц и пропущенный год сказались и на учебе. Я стал троечником.

Середина 50-х годов – время освоения целины. Поначалу сюда прибывали нормальные люди. Однако позже на целину стали отправлять всякую шушеру, мешавшую властям в больших городах. Нередко это приводило к стычкам с местным населением. Так, в городе Атбасар в 1955 году прокатились погромы целинников под лозунгом: «Бей черных!». Однажды мы, несколько учеников интерната, оказались в кинотеатре во время одного из таких погромов. Внезапно сеанс прервали, в дверях встали несколько человек, другие стали выгонять всех из зала. Стоявшие в дверях избивали не понравившихся им «черных».

Мне повезло – пропустили.

Весной 56-го года случилось очередное ЧП с участием целинников и сельских вайнахов. Несколько суток мы держали оборону. В результате стычек четверо наших земляков угодили за решетку, в их числе был и старший брат, Сапар.

Сайд-Ахмед заканчивал техникум, сестра Табарик училась в школе, а Сапар – в тюрьме. Матери было тяжело и, несмотря на ее уговоры, я оставил школу и опять начал трудиться в совхозе.

Летом 1956-го года мы решили переехать к теткам в Караганду, так как Сапара отправили на пять лет в Карлаг, а Сайд-Ахмед получил направление на работу в совхоз, находящийся недалеко от Караганды.

Сначала поехали мы с сестрой. В зале вокзала меня почему-то задержали и отвели в комнату милиции, несмотря на мои протесты и плач сестренки. И опять звучал вопрос: «Почему без разрешения?» Во время нашего разговора в зале мимо проходил мужчина. Им оказался наш односельчанин и будущий сосед Тапа Элишиев. Успокоив сестру, он зашел в комнату милиции и красноречиво убедил милиционеров не чинить мне препятствий. Он нас проводил до самого дома Дениевых, к которым мы и направлялись. По разным причинам, переселиться в этом году не получилось. Переехали уже в конце мая 1957-го года. В июне пошел работать на шахту №42-43бис, которую часто называли «чеченской» из-за многочисленных шахтеров-вайнахов.

В 1957 году, после 13-летнего перерыва, стали призывать в Советскую Армию и вайнахов. Встал на учет в военкомате и я. Когда пришло время, потребовал отправить в армию. Майор-казах в военкомате долго пытался объяснить мне, что, как шахтер, я имею право на бронь. Помня об унижениях чеченцев предыдущих лет, я не уступал. Тогда майор выругался по-казахски и пожелал мне хорошей солдатской доли. 2 октября нас посадили и отправили в путь. Попал в танковую «учебку» под город Чирчик, недалеко от Ташкента. Первый месяц было очень тяжело из-за ежедневной многочасовой маршировки: готовили батальон к параду в Ташкенте в честь 40-летия ВОСР. «Салаг» гоняли наравне со «стариками».

Через год – лычки младшего сержанта и должность командира танка. Еще через полгода, неожиданно для себя, получил звание старшины роты. Служил в городе Мары, что в Туркменистане.

Ровно через три года сошел с поезда на перрон родной станции Серноводск, куда к этому времени вернулась моя семья. Определился на работу в бухгалтерию курорта Серноводск-Кавказский. Одновременно пошел в десятый класс вечерней школы и в 1961-м году, наконец-то, завершил свое школьное образование.

Тем временем республике выделили места для поступления в различные вузы страны. Я сдал в Совмине документы в Новочеркасский политехнический институт на лесотехнический факультет. Сдал экзамены с одной тройкой, в правильности которой сильно сомневался. Тем не менее сильно по этому поводу не переживал, так как все равно проходил в связи с преимущественным правом демобилизованного из армии. После, не обнаружив себя в списках из пятнадцати человек, отправляемых в НИИ, встретился с заместителем

председателя Совмина Бузуртановым, руководившим направлением абитуриентов в вузы. Оказалось – бесполезно.

В беседе с дядей Билалом Чалаевым я упомянул о том, что в армии я закончил вечернюю партийную школу как член бюро ВЛКСМ части. Дядя посоветовал обратиться в обком ВЛКСМ. Размышляя над сложившейся ситуацией, собрался ехать домой. Но, проходя мимо обкома КПСС, все же решил зайти. Дежурный милиционер объяснил мне, что устного разговора не будет, – лучше написать. Недолго думая, накатал письмо на имя первого секретаря обкома Титова. Ответ велели ждать через два-три дня в Совмине.

Когда я прибыл туда, ребята, еще не уехавшие по направлениям, поинтересовались у меня, что я такого натворил. Объяснили это тем, что возбужденный Бузуртанов у всех выспрашивал обо мне. Зайдя к нему в кабинет, сразу услышал: «Зачем же ты сразу обратился в обком КПСС, можно же было здесь договориться?» – «Но я уже разговаривал с Вами». – «Не помню такого разговора. Все пятнадцать направлений в НПИ уже розданы. Есть одно место в Ростовский госуниверситет. Пожалуйста, выручай – езжай туда».

В итоге я оказался в Ростовском госуниверситете на физическом факультете. Тогда, в 61-ом году, в РГУ было направлено пять человек: Исаев Мажид, Закаев Рамзан и я – на физфак, Вацуев Абдула и Котиков Султан-Гирей – на исторический факультет. Все они, поразным причинам, оставили госуниверситет. В устройстве в общежитие нам помогли земляки-старшекурсники: Керимов Муса, Джабраилов Казбек и другие.

На первых курсах учебы приходилось тяжело – и морально, и материально. Поэтому по ночам и в воскресные дни с другом Мукаилом Черкасовым ходили подзаработать на товарную станцию и овощную базу.

О том, что наш народ был в ссылке, мне напомнила преподаватель по истории КПСС. На одном из семинаров она, оправдывая эту акцию, назвала меня «чеченоингушом». Естественно, я возмутился. Произошла небольшая перебранка, но результатом стала «тройка» на госэкзамене по основам «марксизма-ленинизма».

Перед защитой дипломной работы на пятом курсе я приехал в Грозный. Добился приема в Совмине у какого-то чиновника. Так как я был направлен от республики, необходимо было иметь заявку на распределение от республики. В беседе с чиновником я уяснил для себя, что здесь меня не ждут.

Закончил РГУ по специальности «физик-радиофизик» и получил направление в НИИ г. Орджоникидзе, поближе к дому. К тому же в мединститут этого города поступила сестра Табарик.

В дальнейшем я еще сделал несколько попыток устроиться на работу в Грозном. Побывал в «Промавтоматике», на радиозаводе «Синтар», ГрозНИИ нефти и газа, но...

На последних курсах меня очень заинтересовали ЭВМ (нынешние компьютеры). В разговоре с коллегами на работе кто-то сказал, что ЭВМ лучших марок должны быть в КГБ.

В один из приездов в Грозный я обратился в это учреждение. Ко мне вышел сотрудник по фамилии Белых. Состоялся такой разговор: «Кто Вы и по какому вопросу обратились к нам?». Рассказал ему о себе. «Мы сотрудников подбираем сами». – «Я не собирался стать сотрудником. Меня интересуют современные ЭВМ». – «Какая у Вас специальность?» – «Физик-радиофизик». – «Зачем Вы рветесь сюда? Поезжайте на север, в Сибирь. Там Вас с такой специальностью оторвут с руками и ногами» – «Я там был тринадцать лет. Правда, не по своей воле. Может, поменяемся?» – «Да ты знаешь, где ты находишься?!» – «Знаю. До свидания»...

Таким образом, в 1970-м году я вернулся домой, в Серноводск, где и проработал в техникуме тридцать лет.

Лидия Довлеткиреева

Нравственно-этические ценности чеченцев и современный мир

Круглый стол по этой теме состоялся в редакции журнала «Вайнах» 12 февраля. В нем приняли участие видные представители научной и творческой интеллигенции нашей республики: доктор философских наук В. Акаев; директор Национальной библиотеки, кандидат исторических наук, публицист, переводчик Э. Хасмагомадов; заместитель директора по науке Национального музея ЧР, кандидат исторических наук Т. Эльбуздукаева; главный редактор журнала «Орга», писатель, литературовед и переводчик Э. Минкаилов; переводчик, сотрудник телерадиокомпании «Путь» М. Абубакаров; литературовед, сотрудник телекомпании «Путь» А. Гайтукаев; доктор исторических наук В. Гарсаев; литературный сотрудник нашего журнала – писатель, журналист И. Окаров; 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», кандидат филологических наук Л. Довлеткиреева; представитель молодого поколения – писатель, корреспондент телерадиокомпании «Путь» А. Тумчаев. Ведущим круглого стола выступил народный писатель ЧР, главный редактор журнала «Вайнах» М. Ахмадов.

Многие культурологи склоняются к мысли, что вследствие процессов глобализации, выражающейся в том числе в единой стилистике быта, коммуникативного поведения, мировосприятия, все больше стираются различия между нациями. Но тем не менее следует признать наличие в этнической субстанции каждого народа стабильного «ядра», нерастворяющейся гранулы, которая обеспечивает жизнеспособность и самобытность каждой этнической группе¹. Особый склад жизни и мысли прежде всего выражается в языке и тех

нравственно-этических ценностях, которые вырабатывает каждый народ на протяжении многих поколений.

Ученый-этнограф С.-М. Хасиев на первое место в ценностной шкале чеченцев ставит такую категорию, как адамалла (человечность), затем – къинхетам (милосердие), ларам (уважение), цIано (духовная чистота), нийсо (равенство), бакъо (правда, истина), юьхь (лицо, исток, начало), изхь (стыд, совестливость), сий (честь, слава, почет), гIиллакх (этикет), оздангалла (внутренняя культура), собар (терпение)².

Как трансформировались эти ценности в современных условиях? Так же они актуальны, как, например, в предыдущие периоды чеченской истории?

«АДАМАЛЛА» и «КЪИНХЕТАМ». Мы наблюдаем даже на бытовом уровне некое ожесточение людей, откровенную душевную черствость, сконцентрированность на собственных проблемах, грубость, хамство. Эти же качества демонстрируются многими чиновниками, которые вдруг ощутили себя «небожителями» и позволяют свысока, пренебрежительно относиться к населению (так называемым «миска нах» – несчастным, бедным людям) и исполняемым обязанностям.

«ЛАРАМ» и «СИЙ». Эти категории также подверглись значительному изменению. Многие годы в чеченском обществе действовал культ достойного человека, который являлся носителем высших ценностей народа – справедливости, чести, порядочности, добродетели, милосердия, отваги и т.д. М. Ахмадов в своей книге «Чеченская традиционная культура и этика» отмечает: «Чеченское традиционное общество изначально было предельно «жестким» при оценке человека, рассматривая, прежде всего, соответствие его поведения нравственным нормам. При этом не принимались во внимание ни прежние заслуги, ни громкое имя, ни способности. Все эти достоинства в глазах чеченцев могли быть обесценены и уничтожены одним недостойным поступком»³. «Предельная жесткость морально-нравственных требований, предъявляемых к личности, отражена, в частности, в широко распространенной среди чеченцев поговорке: «Чеченцем быть очень трудно». При этом, бесспорно, главная ценность чеченской традиционной культуры – уважение к человеку, к личности»⁴. Что происходит в нынешнем чеченском обществе? Под влиянием западных меркантильных идеалов уважение к человеку начинает выстраиваться в зависимости от уровня его доходов, а также от степени вовлечения во властные структуры. Чинопочитание подменяется культом достойного человека.

Понятие «НИЙСО» (равенство) также значительно пострадало в условиях иерархического государственного устройства и размежевания людей по социальному и материальному положению. Соответственно, меняется и представление об истине, правде («БАКЪО»). Она либо умалчивается (т.к. в обществе доминируют другие нравственные ориентиры – побольше заработать, порой любой ценой, и занять как можно более теплое место под солнцем), либо подменяется каким-то суррогатом. При этом – поскольку средства и методы достижения этой цели могут быть и самыми низкими – категории «ИЭХЬ-БЕХК» (стыд-вина) игнорируются вовсе.

Наиболее стабильной остается категория «ГИЛЛАКХ», которая сохраняет свое формально-внешнее выражение в виде готовых формул приветствия, прощания, приема гостей, расспросов о житье-бытье, уступания места старшим в транспорте и дороги и т.д.

«ОБЗДАНГАЛЛА», в отличие от «ГИЛЛАКХ», хотя и тесно связана с ним, имеет более отношение к внутренней культуре человека. Она также подвержена неблагоприятной трансформации. Например, еще лет 10 назад мы гордились тем, что, в отличие от российских городов, на наших улицах

никогда не звучит нецензурная лексика. Сейчас молодые люди вообще никак не контролируют свою речь, громко и смачно выражаются, не стесняясь присутствия посторонних, взрослых или девушек.

Категория «СОБАР» всегда была наиболее сильной у чеченцев, не знавших состояния спокойного бытия в своей истории и подвергавшихся всевозможным потрясениям. И последние исторические события – депортация, войны рубежа веков – показали, насколько терпелив чеченский народ. Но индивидуально – на бытовом уровне – и эта ценность утрачивается, люди стали менее сдержанными, легко вступают в конфликты.

Основные причины выхолащивания данной ценностной шкалы:

1. Исторические: борьба с колонизацией, депортация, тоталитарный режим государственного устройства, сама иерархичность госструктуры, последние войны.

2. Глобализационные процессы, в результате которых усиливается влияние западного образа жизни и поведения.

3. Технический прогресс, информационная открытость, вследствие которой через Интернет, телевидение, кино, газеты и журналы насаждаются чуждые, порой разлагающие традиционную для чеченцев мораль, идеалы, пропагандируется насилие, распущенность, финансовая успешность как основной критерий состоявшегося человека и т.д.

Диагноз, который поставили многие культурологи, неутешителен:

Так, Т. Серганова отмечает: «Наряду со специфическим чеченским менталитетом у определенной части населения сформировался надэтнический менталитет толпы с чертами, общими для части нашего общества. Во-первых, это тоталитарность массового и индивидуального сознания; убежденность в правоте группы, а не личности; отсутствие идеи неприкосновенности личности, крайняя нетерпимость к инакомыслию и всякому нестандартному поведению, бытовой шовинизм. Во-вторых, потребительски-престижная ориентация в достижении цели, лишённая трудового и творческого компонентов; зависть и уравнилельные притязания. В-третьих, социальное иждивенчество, нежелание брать на себя ответственность; склонность к агрессивному поведению, озлобление и жестокость, даже по отношению к социально незащищенным и уязвимым группам людей»⁵.

О негативных изменениях говорит и другой чеченский автор Р. Макуев: «Предаются забвению лучшие человеческие качества. Онемела способность сострадать слабому, желание защитить его и т.п. Вместо этого мы имеем фетишизацию меркантильности, отказ от исконно чеченских критериев оценки личности, утверждение массовой психологии, доведенной до уровня инстинктов грызунов». В целом, чеченское общество «...оказалось у той черты, когда возникла угроза потери самоидентичности, того, что составляло душу народа. Успокаивать себя легендами и преданиями о былом нравственном величии – значит закрывать глаза на сегодняшние боли»⁶.

Встает основной вопрос: что делать в сложившейся ситуации?

Попыткой найти очертания ответа на него стал круглый стол, состоявшийся в редакции нашего журнала.

Участники отметили актуальность данной темы. Вахид Акаев полагает, что выходом из создавшегося критического положения должно стать целенаправленное развитие традиционной культуры, основанной на исламе и обычаях чеченского народа, на базе новых знаний. Только высокой культурой отношений внутри чеченского общества и с соседями и современными знаниями, отметил ученый, мы сможем противостоять агрессивному натиску на нравственные устои чеченского народа, а также античеченской пропаганде,

которая до сих пор имеет место быть как отвлекающий фактор от злободневных проблем: коррупции, экономического и социального неустройства и т.д. У нас нет профессионалов – это одна из основных наших бед. Рабочие места занимают по принципу «ну как не порадеть родному человечку». А в результате – безграмотные врачи, управленцы... Асламбек Гайтукаев, в подтверждение сказанного, привел пример, как один из таких «управленцев» подписал документ: «видучипицилист». Для таких «видучипицилистов» эти места «хъарам» – не довлены Всевышним.

Необходимо возвращать собственные кадры, а не искать их на стороне, посылать молодых людей обучаться новым технологиям в ведущие заграничные вузы, нам нужны квалифицированные биологи, физики, врачи... Определенная работа в этом направлении делается, но, пока неучи будут занимать чужие места, груз не сдвинется с мертвой точки.

Эдильбек Хасмагоматов подчеркнул, что кризис духовности является прямым следствием экономически выгодной, а потому тиражируемой политики потребления. О чем говорить, если даже в некоторых детских садах воспитатели, чтобы занять детей, ставят им на просмотр диски с записями свадеб московских чеченцев? Таким образом, ребенок усваивает, что жизнь «богатых и знаменитых» и есть та самая вершина, к которой он должен стремиться.

Единственное, что можно противопоставить бездуховности, – это духовность. Но спасти ее необходимо ежедневно, причем личным примером. Необходимы образцы высокой духовности. В былые времена таковыми для чеченского народа стали устазы: Киши-хаджи, Ташу-хаджи, Докка, Дени Арсанов, Элах-мулла и другие. Они пользовались успехом не только благодаря своим знаниям, но, прежде всего, являясь эталонами высокой нравственности.

Магомед Абубакаров, развивая предыдущую мысль, сказал, что в то время чеченцы находились в замкнутом информационном пространстве, они мало что знали об окружающем их мире за пределами своей земли, поэтому им было легко принять устазов. Сейчас мы находимся в международном поле насыщенной информации, и нам трудно сориентироваться. Поэтому главная задача – создать мощный костяк научной и творческой интеллигенции, которая и станет для молодого поколения маяком, а также сможет развивать культуру и науку Чечни, основываясь на религиозных знаниях и исконных ценностях чеченцев, которые практически не противоречат исламу. Итак, религия, язык и обычаи, наука – эти три «кита» – позволят нам сохранить себя как нацию.

Ваха Гарсаев полагает, что примеры для молодежи в среде интеллигенции есть: это писатель Муса Ахмадов, ученые Вахид Акаев, Сайд-Магомед Хасиев...

Не надо забывать, – заметил Эльбрус Минкайлов, – о том, что ценностные нормы, о которых мы говорим, формировались в иных исторических условиях. Со временем они неизбежно претерпевают изменения. Но гуманистические основы должны сохраняться.

Культурная трагедия современного чеченца заключается в незнании своего языка. У нас нет и десятых писателей, грамотно оформляющих свою речь на родном языке.

Многие участники круглого стола сошлись во мнении, что образование, воспитание и пропаганда традиционной этики чеченцев во многом могут оказать оздоравливающее воздействие на духовно-нравственный климат в республике. Но популяризация этих ценностей не должна быть навязчивой, жесткой. В этом случае, в соответствии с психологией молодого человека, она вызывает только отторжение и неприятие. Скажем, введение в университете формы для студентов – сам по себе положительный факт, так как позволяет

избежать ношения молодыми людьми вызывающих одежд, не соотносящихся с чеченской моралью, а также в некоторой степени снимает проблему внешнего социального расслоения. Но методы, которыми это реализуется на практике, выходят за рамки этой самой морали: например, охранники-мужчины на входе вынуждены внимательно осматривать девушек на соответствие их юбки установленной длине, на наличие эмблемы с символикой ЧГУ на пиджаке, делать грубые замечания и т.д. Неоднократные обходы по проверке формы всевозможных контролирующих органов во время занятий отвлекают от учебного процесса. На пару для проверки внешнего вида и количества присутствующих могут зайти представители администрации факультета, учебной части, дежурных по факультету, ректората. Для какой-либо пропаганды – участники молодежных объединений, которые, как правило, проводят подобные «акции» весьма некорректно, нарушая нормы «Гиллакх-оьздангалла». Вспоминаются времена, когда даже министр образования не имел права заходить на занятие, чтобы не расстроить атмосферу обучения, сложившуюся в аудитории или на уроке.

На телевидении показывают примитивные, непрофессионально выполненные ролики о вреде наркотиков и табакокурения.

Молодежь очень чувствительна к фальши, к так называемым двойным стандартам, поэтому взрослые сами должны соблюдать требования, которые предъявляют к молодым. А мощное воспитательное значение, по мнению Тамары Эльбуздукаевой, окажут походы со студентами и школьниками в музеи, где они, увидев артефакты, воочию убедятся в древности и величии цивилизации, к которой принадлежат. Спектакли, творческие встречи с писателями, литературные клубы, языковые клубы, в т.ч. диалектологические, увлекательные передачи о языке, религии, истории, исчезнувших поселениях, выдающихся личностях прошлого, использование возможностей этнопсихологии при обучении. И самое главное – активная жизненная позиция, неравнодушие.

Соблюдение религиозных предписаний, устоявшихся традиций и государственных законов, отказ от психологии «правового нигилизма» и отстаивание своих гражданских прав – вот те основы, с помощью которых возможно духовно-нравственное воскрешение.

---

¹ Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик, 2005. – 312 с.

² Хасиев С.-М. О ценностной шкале чеченцев // Информационно-аналитический бюллетень «Латта». №5, Грозный, 2002. С. 38-42.

³ Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. – Грозный, 2006. С.8.

⁴ Межиева К.Х. Духовные ценности чеченцев как регулятор общественной жизни и модернизационные процессы // Гуманитарные и социальные науки. №3. С. 28.

⁵ Серганова Т. К проблеме этнопсихологических исследований в Чеченской Республике // Вестник ЛАМ. №25, Грозный, 2004. С. 30.

⁶ Макуев Р.Х. Проблемы российской государственности через призму трагедии Чеченской Республики. – Орел, 2000. С. 31.

Люди в ночи

19 марта в молодежном театре «Серло» состоялась третья премьера в сезоне! Каким образом труппе удастся столь невероятная плодотворная работа? На этот вопрос отвечает директор театра «Серло», заслуженный работник культуры ЧР Хава Ахмадова:

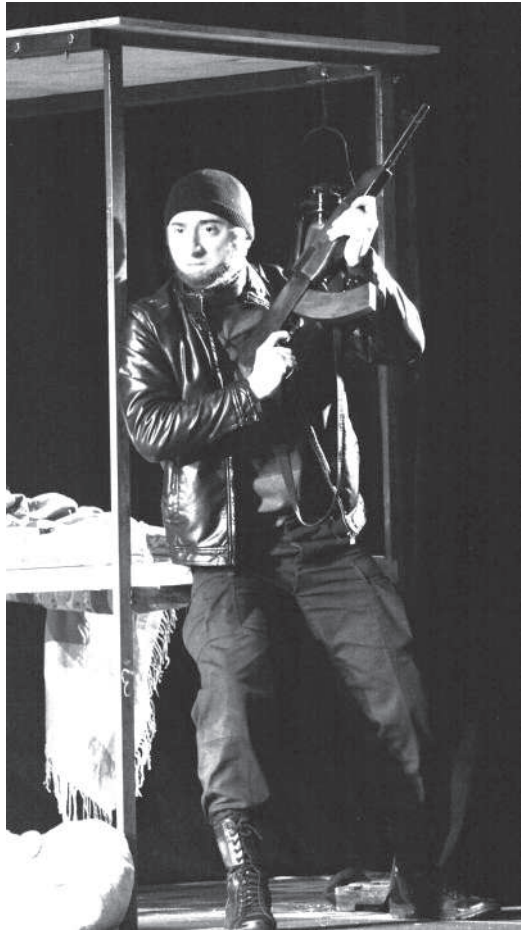
– Во-первых, мы полны идей и желания работать и радовать своего зрителя. Я поощряю всяческую инициативу со стороны своего коллектива. Над тремя спектаклями одновременно мы смогли трудиться потому, что их ставили три режиссера: молодые актеры театра – Анзор Музаев (учится на режиссерском отделении Краснодарского института культуры) удачно дебютировал с драмой «Заза даьккхинчу бешахь к1айн ц1а» («Белый дом в цветущем саду»), а Рамзан Умаев поставил сказку «Лампа Алладина», нынешний спектакль «Буйсанехь адамаш» («Люди в ночи») выполнен уже в моей режиссуре.

– Хава, Вы начинали с трагикомедий, которые имели большой успех у зрителей – «Ушедший за саваном», «Денисолта» и других. Новая постановка «Люди в ночи» – это драма, посвященная самой актуальной и болезненной для чеченского и всего российского общества теме – военных событий конца XX-начала XXI вв. Почему Вы обратились к ней?

– В литературе и кино эта тема так или иначе звучит. В русской прозе есть произведения участников событий – Бабченко, Прилепина и других. (Я уже не говорю о спекуляции на нашей боли в многочисленных дешевых по содержанию и оскорбляющих наш народ бульварных книгах и кинобоевиках). В чеченской литературе – у Ахмадова, Бексултанова, Минкаилова, Мусаева также получила отражение эта война. Но в театре мы первыми обратились к ней и потому, что невозможно умалчивать о трагедии, ее надо пережить, эмоционально высвободиться, а также осмыслить, чтобы не повторить ошибок истории. К тому же мы чувствуем, что наш зритель жаждет не классического нафталина, а произведений, которые бы давали ответы на животрепещущие вопросы современности, заставляли напряженно размышлять. Ведь задача театра и искусства в целом – не только развлекать, эстетически услаждать,

но и воздействовать на умы и сердца, освобождая их от скверны, облагораживая.

Спектакль продолжается всего час десять минут без перерыва. Но кажется, что проживаешь все эти двадцать лет заново, неотрывно следя за эмоционально насыщенным развитием сюжета. Действие разворачивается в подвале, где живут осиротевшие дети, чеченец – ветеран Великой Отечественной войны, русская учительница... Им ежесекундно угрожает опасность – их жизни под двойным прицелом – то боевиков, то федералов. За что они воюют и что это за война? Как в результате гражданского противостояния в обществе происходит раскол: бывшие друзья Довт и Дени становятся врагами... Как людям удастся остаться людьми в самых невыносимых условиях? – эти и другие вопросы лежат в основе сюжетной коллизии. Причем драматургу Мусе Ахмадову, режиссеру Хаве Ахмадовой и главным действующим лицам (боевика Довта играет Рамзан Умаев, милиционера Дени – Апти Султуханов) удалось очень тонко,

без излишней дидактики создать образы молодых парней, друзей детства, оказавшихся по разные стороны баррикад. Мы видим не трафаретных «злодея» или «защитника народных интересов», а живых, страдающих людей, которые не по своей воле оказались вовлеченными в вооруженный конфликт и пытаются понять свои роль и место в отвратительных реалиях войны, найти свой путь.

Режиссером проделана огромная работа с маленькими артистами: Сабиной Дикаевой, Доккой Хатуевым и Магомедом Умхаевым – они исполняют свои роли неподдельно и очень пронзительно.

Печальная вереница чеченских женщин с фотографиями пропавших без вести сыновей, мужей и братьев под основную музыкальную тему в начале и конце спектакля закольцовывает сюжет, придавая ему еще больший трагический накал. Этот спектакль оказывает очистительное воздействие на души зрителей, в нем звучат и боль прошедших войн, и жажда жизни, и неприятие войны, и необходимость примирения...

Людия ДОВЛЕТКИРЕЕВА

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Аппликации для Турандот

Афоризмы

*Любовь – это зеркало, в котором нравственность
ищет подтверждение своей правоты...*

«Праздник весны» – это лот № 2013.

– Господа, Восьмое марта – это эксклюзив в длинном перечне рядовых дней календаря.

Парадокс: вроде бы, и древо познания, добра и зла – а яблоки сплошь и рядом – раздора!

– Простите, вы Мона Лиза?
– Нет, у меня улыбка Джоконды!

Если женщина – вторая ошибка Бога, значит, кто-то уже наступил на одни и те же грабли?

– Так вы ее любите?
– Ага.

Лучший подарок женщине – это не бриллианты, а подснежники на Восьмое марта.

– Чего плачешь?
– Дездемону жалко.

8 марта для мужчин – это день благодарения, а все остальное – рутина обязанностей женщин в быту.

Феминизм. Эмансипация... беспредел.

Иное признание в чувствах, чаще всего, выглядит как агрессия на коленях.

До свадьбы они – Ромео и Джульетта, а после – Отелло и Дездемона.

Соискателям руки и сердца: – Вы руки с утра мыли?

Когда любовные слова у нас в привычку входят, мы, волей-неволей, превращаемся в ловеласов.

Девушка парню: – Ты такой странный... Наверное, дурной.

Женщина – друг человека до тех пор, пока в нем не начинают преобладать признаки атавизма.

По ипотеке Адаму и Еве полагался рай в шалаше, а в итоге – получили финансовую пирамиду.

Нет, для мадам Бовари жизнь – это далеко не подиум.

Хлам в голове – мусор в доме.

Ну, сварит жена кашу из топора, а кто будет ее хлебать без пшена и ветчины?

Если муж – пельмень, значит, где-то и лакированные рога.

У хорошего тракториста и супруга катается, как сыр в техническом масле.

Надпись на воротах: «Осторожно – злая теща!»

Если муж постоянно сидит на шее жены, то какой бычьей должна быть ее вымя?

Записка: «Зулай, не жди, ушел в запой».

Формула любви – это сущий формализм в математическом выражении.

Семейная идиллия начинается, как правило, со свадьбы в Малиновке и заканчивается, как водится, поющими в терновнике.

– Все упирается в быт, – сказал сохатый муж.

Блин, все было бы хорошо в семье, если бы не тещин Дамоклов меч.

«Женщина – это вечный вопрос ребром», – сказал Адам Козлевич.

Жена мужу:

– Гриш, деньги привез?

– Да.

– А где деньги?

– В мешке.

– А мешки где?

– Под глазами...

Дом был полная чаша, которую нужно было еще и испить до дна.

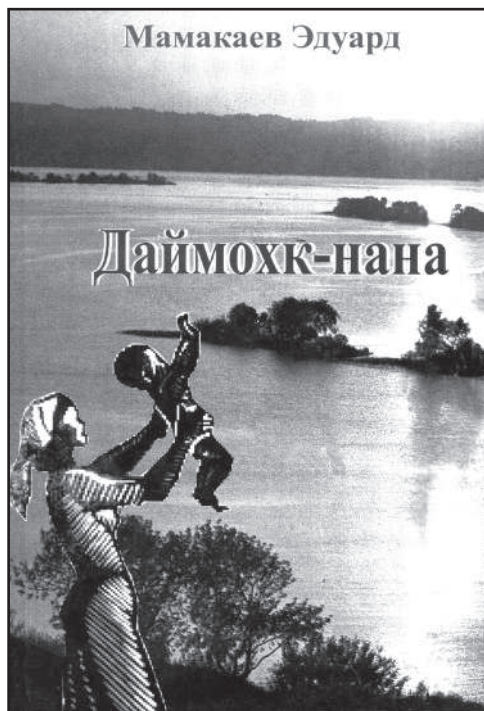
– Что, потребительская корзина?

– А авоську не видел пустую!

И муж – опора, если несущая.

Жена да убоится мужа своего... неудачника, пьянчуги и дебошира.

Аксиома: Брачный контракт – это разводной ключ к бракам на небесах.

Книжные новинки**Обязанный быть поэтом**

В Грозном вышла в свет книга известного поэта, писателя и общественного деятеля Эдуарда Мамакаева – «Даймохк-Нана» («Родина-Мать»). В предисловии С.-Х. Дудаев (на чеченском языке) и А. Кусаев (на русском) отмечают сложную судьбу автора, к которой невозможно отнестись равнодушно. Да и сам Мамакаев на протяжении всей книги прозой и стихами подтверждает подлинность тех событий, которые оказались бы не «по зубам» слабому человеку. Тем не менее выпавшие на его долю трудности не сломили автора – напротив, закалили и вывели на просторы литературной деятельности. Несмотря на тяжесть морально-физического «груза» судьбы, Э. Мамакаев в этой деятельности показал себя как талантливым художником слова, так и продолжателем отцовской линии жизни – то есть полностью чувствует «ответственность быть сыном» знаменитого поэта.

В книгу включены произведения Мамакаева как на чеченском, так и на русском языках. Тема Родины-Даймохк и Матери-Наны красной нитью проходит через все его стихи и рассказы. Он или же его герои готовы отдать жизнь за «объятия

матери родной» и за то, чтобы «слиться с ширью родного края».

Эдуард Мамакаев – выходец из Надтеречного района, представитель нахчмаккоевского тайпа чартой. Кто из нас не родом из детства? Кто не любил мир поэзии и не уносился в ее светлые и романтические дали? Чеченский поэт посвятил прекрасные стихи поколению детского возраста. Они просты, доступны и интересны любому читателю.

Оттого, как мы воспитываем детей, зависит их будущее. Как педагог и поэт, чувствующий свою ответственность, Э. Мамакаев заботится о том, чтобы и настоящее у детей было прекрасно, без «роковых» дней и ночей. Автор лирически повествует и учит детей, «как выбирать арбуз», показывает, как «хвастается Петушок», «отчего вкусно парное молоко», «почему у зайца уши длинные». Он посвящает стихи «друзьям» детей – Удоду, Ежику, Медвежонку. Интересно это и взрослому читателю.

Сурова действительность драмы Э. Мамакаева, написанной по мотивам поэмы своего отца, Арби Мамакаева – «В горах Чечни». Однако гораздо суровее жизнь обошлась с самим автором, воспоминаниями о которой он делится с читателем в своем эссе. И мне, как читателю, становилась понятна его мысль о том, что «невозможно отделиться от трепетного чувства соприкосновения с духом народа, от чувств общения с одним из самых преданных своему народу, своему отечеству», своему творческому «цеху» сынов. Эдуард Мамакаев не только может быть поэтом, выразителем художественного слова, он обязан быть им – самим Всевышним Творцом дан ему этот дар. А легко ему или трудно исполнять эту обязанность, об этом автор искренне делится в беседе со своим коллегой А. Кусаевым.

Пусть не покажется банальным, когда скажу: автор проделал огромную работу над изданием книги. Очень ценны в ней зарисовки о пребывании великого мыслителя Льва Толстого в имении предков Мамакаева, в селе Мамахи-Юрт. Автор их скромно называет легендами. Однако и легенды имеют право на жизнь. Ведь известно, что Л.Н. Толстой действительно гостил у предков Мамакаева – а уж насколько талантливо об этом рассказано автором... Впрочем, не хочу навязывать читателю свое мнение. Ведь можно просто прочитать эту книгу.

Саид-Альви ЛУЛУЕВ

К нашим иллюстрациям**Запечатлеть мгновение**

На обложке этого номера мы представляем картины известного в нашей республике художника Алхазова Ризвана Юсуповича. Он родился 28 октября 1965 года в с. Ишхой-Юрт Гудермесского района Чечено-Ингушской АССР. С 1971 по 1982 гг. обучался в Ишхой-Юртовской средней школе. Еще в начальных классах увлекся рисованием. Мальчишки рисовали войну, и Ризван тоже попробовал. Но художником-баталистом не стал. Выросший в предгорье, ежедневно наблюдая со своего двора за изменениями на горных вершинах, которые то стояли белоснежными, то становились светло-зелеными, он пленился их красотой и выбрал в качестве основного жанра своего творчества пейзажную живопись. Но сначала, с 1984 по 1986 гг., служил в рядах советской армии, где тоже был художником. С 1987 по 1991 гг. обучался в Ивановском химико-технологическом техникуме на художественном отделении по специальности «художник-колорист по текстильным изделиям». С 1996 года Ризван участвует во всех республиканских выставках, проводимых в Чеченской Республике. Часто посещает картинные галереи. Ему интересны лиричность живописи испанца Эстебана Мурильо, Рембрандта – титана, который рождается лишь раз в истории, напряженность буревых стихий Айвазовского и Куинджи...

По мере вrastания в творческий мир художников он начинает более критично относиться к своим работам. Все время стремится как можно больше постичь технологию мастерства, его постоянно сопровождает чувство неудовлетворенности, поиск, жажда раствориться в природе, понять ее суть, уловить неуловимое. Для этого он долгое время проводит в горах, живет в Макажое, Шарое, Ножай-Юрте, Джейрахском ущелье, ночует в старинных башнях... И все время неустанно работает, воспроизводя на холсте красоту вайнахской земли, пытаюсь передать самые тонкие изменения в природе, поймать настроение, состоящие осени, туманного утра, закатного неба... Алхазов обращается к традиционной для чеченских живописцев тематике горных пейзажей, но его интересует не сам колорит, а те мгновения, которыми природа щедро и многообразно награждает окружающий мир. Нет ни одной работы, написанной с натуры, которая бы повторила чью-то еще, ведь отблеск света, падающая тень в каждый следующий миг неповторимы – Ризван хочет поймать это мгновение, зацепить его, но не бездушно «сфотографировать» взглядом художника, а передать в движении к следующему переходу состояния.

В 2002 году он с отличием окончил художественно-графическое отделение Чеченского государственного педагогического института по специальности «учитель рисования и черчения». Картины Ризвана выставлялись в Грозном, Москве, Краснодаре, Сочи, Волгограде, Вологде, Китае, на Украине, в Париже... Он народный художник Республики Ингушетия, член Союза художников РФ.

Ризван Юсупович работал директором художественной школы №2 г. Грозного. Он признается, что ему очень нравится заниматься с детьми: «Ребенок – настоящий художник, ведь он не скован какими-то рамками, правилами, законами, как взрослый, и свободно выплескивает свои эмоции на холст». Для многих его учеников художественное творчество станет профессией: кто-то продолжил учебу в Санкт-Петербургской академии живописи, кто-то – на архитектурном факультете ГГНУ, кто-то – на художественно-графическом отделении ЧГПИ, где в настоящее время и преподает декоративно-прикладное искусство Р. Алхазов.

К современному направлению живописи художник относится двояко: кое-что впечатляет, но считает, что там много подражательства, это просто модно. И рассматривает абстракционизм как декоративно-прикладное искусство. «Когда я смотрю на такую картину, как художник по текстилю, я думаю, как бы эти яркие пятна смотрелись на той или иной ткани».

Сам же он предпочитает реализм как метод художественного видения: «Я люблю правду жизни».

Предлагаем вашему вниманию следующие работы Ризвана Алхазова: 1. «Ночь над озером Кезеной», 2. «Лето в горах», 3. «Шаройский мотив», 4. «Вечность».

Лидия МАХМУДОВА

Сведения об авторах и переводчиках

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие.

Лидия Довлеткиреева. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед и критик. Участник Вешинского форума молодых литераторов ЮФО (2005), Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010), VIII–X Всероссийских форумов молодых писателей и критиков в Липках (2008–2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», журналах «Дон», «Дружба народов», «Волга XXI век», «Литература Юга России» (Краснодар), научных сборниках Ставрополя, Нальчика, Грозного.

Марьям Хадысова (1991). Окончила среднюю школу с отличием в п. Нижняя Кондурча Самарской области. Студентка химико-биологического факультета ЧГУ. Стихи пишет с детства, пробует свои силы в прозе, а также сочиняет музыку, играет на гитаре и поет.

Эдилбек Хасмагоматов (1957) – канд. ист. наук, публицист и общественный деятель, директор Национальной библиотеки Чеченской Республики. В период 2001 – 2006 гг. занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛИАМ», осуществлявшего поддержку процессов развития в Чеченской Республике открытого демократического общества. Долгое время занимается разработкой проблем общественно-политического развития Чеченской Республики, изучал малоизвестные страницы новой и новейшей истории народов Северного Кавказа, а также вопросы развития культуры и политических институтов в Чеченской Республике. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX – XX веках» (в соавторстве).

Саид-Альви Лулугев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. С 1992 года по 2003 гг. – в судебной системе судьей. В настоящее время судья в отставке, работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловских газетах «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ: в газете «Вести республики», «Молодежная Смена», «Зори ислама», «Гумс», «Терская новь», «Слово народа», в журнале «Нана». Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г., «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005, «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г. Член Союза писателей России.

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики журнала «Вайнах», историк, журналист. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор рассказов и поэтических подборок в журналах «Вайнах», «Нана», «Дон» (2006), в журнале «Эльбрус Минги Тау» (2009) в переводе на балкарский язык.

Хадид Галаев (1938). Родился в с. Серноводске Сунженского района ЧИАССР. Окончил факультет физики Ростовского госуниверситета по специальности «физик-радиофизик». С 1970 года в течение тридцати лет работал преподавателем в техникуме с. Серноводск. Имеет звание заслуженного учителя Чеченской Республики, ветерана труда. Публикуется впервые.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Муслим Гапуев (1965). Родился в г. Грозном. Окончил нефтепромышленный факультет Грозненского нефтяного института. Писать рассказы начал после окончания первой войны 1994-1996 гг. Статьи, очерки, рассказы публикуются на страницах республиканских газет. В журнале «Вайнах» его рассказы впервые опубликованы в январе 2008 года.

Муса Шамсадов (1961). Поэт, прозаик. Окончил в 1984 г. Ставропольский государственный университет (физико-математический факультет). Писать начал в школьные годы. Его стихи и рассказы печатаются в республиканской периодической печати с 1978 года. Работал в школе, в отделе культуры Итум-Калинского района, в администрации того же района начальником организационно-аналитического отдела. С 2011 года занимается предпринимательской деятельностью.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.